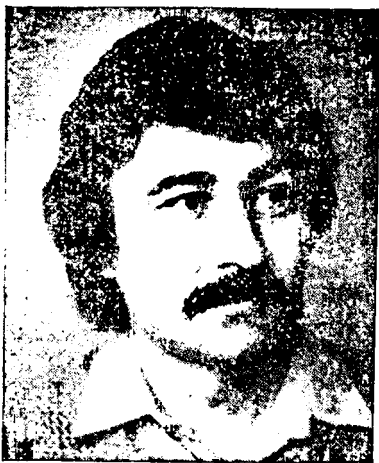

Мурад Мухаммад-Дост

ОТСТАВНОЙ

Перевод автора

Ответ: /Сборник/: Пер. с узб.— Т.: Изд-во лит. и искусства, 1987.— 448 с.

Мурад Мухаммад-Дост родился в 1949 году.

В 1979 году окончил Литинститут им. А. М. Горького. Работал сельским учителем, на киностудии «Узбекфильм», в республиканском журнале.

М. Мухаммад-Дост — автор сборника рассказов «Где вы, звуки радости?» (1976), повестей «Мустафа», «Цена одного жеребенка» романа «Возвращение в Галатепе» (1983).

По его сценариям поставлены художественные фильмы «Пророк из Галатепе», «Уроки на завтра».

Эта история началась с того, что рано утром Бинафша-ханум, жена Эломонова, поэтесса и драматург, вся разодетая и раздурманенная, принесла из кухни маленький ковшик с тремя яйцами и поставила перед мужем. Эломонов осторожно потрогал ковшик — он был обжигающе горячим.

— Могли бы слегка обдать холодной водой, ханум, — сказал он с легкой укоризной.

— Я тороплюсь, — хмуро ответила Бинафша-ханум. Эломонов вынужден был пойти на кухню. Пустив струйку холодной воды в ковшик, он посмотрел на улицу. Там было пасмурно, деревья стояли совсем голые. Эломонов вспомнил свою дочь, студентку, месяц назад выехавшую с институтом на сбор хлопка. Бедной Хурсаной трудновато будет, подумал он, первый раз за все четыре курса поехала на хлопок, к работе еще непривычна, да и зима, судя по всему, обещает быть ранней.

Вернувшись в комнату, он застал жену на фигурном диванчике, будто она никуда и не спешила. Эломонов чуточку обиделся, но виду не показал, переложил яйца из ковшика на тарелку и пригласил жену:

— Пожалуйста к дастархану.

Бинафша-ханум покачала головой — отказалась. Достала из сумочки флакон с лаком, покрасила ногти, подула, пока лак не высох, затем нанесла второй слой, опять подула и полюбовалась маникюром — хорошо! Улыбнулась, но тут же посерьезнела, кажется, вспомнила, как минуту назад сидела хмурая, и стала поправлять волосы. Глядя на тонкие, длинные пальцы жены, быстро бегающие над ее высокой прической, Эломонов вспомнил знакомую парикмахершу, которая стригла его до недавнего времени, пока он не перешел на другую работу. И у той были такие же тонкие и проворные руки. Сидя в парикмахерском кресле, Эло-

монов часто засыпал от приятного прикосновения ее пальцев и просыпался от звонкого смеха: какой же вы, однако, смешной, товарищ Эломонов!..

Эломонов невольно улыбнулся своим воспоминаниям. Так он привык к той парикмахерше, что теперь иногда стыдливо просит жену слегка помассировать ему голову. Бинафша-ханум, если она в хорошем настроении, массирует. Но, увы, Эломонов не испытывает при этом того чувства сладостной истомы, которое приходило к нему в парикмахерском кресле. Не так же, ханум, бормочет он с досадой, надо по-другому... Бинафша-ханум настораживается и вкрадчиво спрашивает, а как же?.. Но Эломонов не поддается на хитрость. Я не знаю — как, постанывает он, голова раскалывается, ханум, боюсь, опять давление подскочило.

Правда, однажды он все-таки не поленился, показал жене, как надо массировать голову. Наука эта понравилась Бинафше-ханум. О, мой принц, воскликнула она, это же, оказывается, так прекрасно, я зря хожу к массажистке, когда у меня есть вы! Но потом, когда посмотрела на себя в зеркало, не на шутку рассердилась: что за медвежья замашки, вы мне всю прическу испортили!

Эломонов решил наконец заняться завтраком, выбрал яйцо покрупнее и разбил его о край ковшика. Оно оказалось недостаточно сваренным, и все содержимое стекло ему на пальцы. Второпях Эломонов облизал их, хотя салфетка лежала рядом с тарелкой, и краешком глаза увидел, как губы Бинафши-ханум скривились в презрительной усмешке.

— Ну мы, ханум, неотесанные... недаром из кишлака... — вымученно улыбнулся он. — Лучше не покупать яйца в магазине, фабричные куры не едят мел, вот и яйца у них такие хрупкие...

Бинафша-ханум не ответила. Она подошла к столу и, отломив кусочек булочки, бросила его в рот.

— Когда в рационе курицы достаточно кальция, то есть мела, — яйца бывают крепкими, — продолжал Эломонов. — Земля нашего Галатепе богата кальцием. Об этом мне говорил Нишон Саттаров, мой одноклассник. Сам он биолог в сельской школе, правда, говорили, будто собирался на пенсию по состоянию здоровья.

— Сами вы еще не собираетесь?

— Мне, пожалуй, еще рано, — ответил Эломонов,

будто не замечая маленькой издевки в голосе Бинафшаханум, затем, чуточку задумавшись, добавил со странной, как показалось жене, радостью: — Нишон на целых три года старше меня. В детстве часто болел, вот и в школу пошел намного позже положенного. Помню, как мы, Нишон, Бако, Сайдулло и я, собирали черепаший яйца и пекли их в золе. Это было лучшее время моей жизни!..

— Фу, какая гадость! — сморщила нос Бинафшаханум, не разделив восторга мужа.

— Тогда хлеба было мало, ханум. Потом... что же тут плохого? Вон аж в Париже, а не в Шоркудуке где-нибудь, говорят, лягушек едят.

— Неправда, — сказала Бинафшаханум. — Наша группа в Париже ничего подобного не видела.

— Вы гостями были, наверное, постеснялись вам подать, — предположил Эломонов. — Но вы, ханум, все-таки яйца сварили не так, как следует. Это делается очень просто, надо сразу же ставить на большой огонь, тогда белок быстро затвердеет, а желток останется мягким и нежным.

— Почему же тогда вам самому не готовить!

— Но вы не чужая мне, жена все-таки...

— К сожалению, — сказала Бинафшаханум.

— Вы бы чуточку пожалели меня, ханум, — болезненно улыбнулся Эломонов.

— А я привыкла говорить правду.

— Хорошо бы говорить только правду, ханум, но не всегда это удается. Лично я...

— Лично вы, разумеется, всегда лгали. — Бинафшаханум не дала мужу договорить. — И любовь ваша — ложь!

Эломонову стало как-то неловко от этих слов. Такое с ним случалось довольно часто. Говори Бинафшаханум чуть проще, ему все же было бы легче ответить, но такие, как сейчас, мудреные выпады сразу обезоруживали его. Эломонов с детства терялся от красивых слов и краснел, когда сам бывал вынужден произносить их.

— Я же... на вас по любви женился, ханум, — сказал он со смущением. — Ради вас в кишлаке невесту оставил...

— Что-о? — удивилась Бинафшаханум. — Невесту оставили? И вы еще смеее сообщать мне о такой подлости?

— Уймитесь, ханум, ведь я к ней был совершенно равнодушен. Просто тетя сама ее нашла, хотела, чтобы я женился... Боже, о чем говорить!.. — засмеялся Эломонов. — Столько времени прошло, я даже забыл об этом!

— Нет, не забыли, раз говорите, — сказала Бинафша-ханум. — И вам не было ее жаль?

— Я же сказал — тетя сосватала...

— Какая, однако, феодальщина! — воскликнула Бинафша-ханум. — И как вы могли стерпеть подобное насилие над своей личностью?

— Да при чем тут насилие, — ответил Эломонов с досадой. — Это же кишлак, там свои правила. Пожалуйста, не обижайтесь, ханум, можете мне поверить, я ту девушку даже в глаза не видел...

Бинафша-ханум не ответила; отошла к окну с тяжелыми бархатными портьерами, где она имела обыкновение стоять обиженной или в состоянии глубокой задумчивости. Эломонов подошел к ней, взял за локоть и повернул к себе. Бинафша-ханум отвернула лицо. Эломонов чуть нагнулся, чтобы поцеловать ей руку, но рука была тут же резко отдернута. Эломонов так и застыл — согнутый, с раскрытыми для поцелуя губами.

Когда он выпрямился, Бинафши-ханум в комнате уже не было. Голос ее донесся из передней:

— Эломонов!

Он молчал.

— Оглохли, что ли, Эломонов?

Эломонов вышел в переднюю. Бинафша-ханум сидела на низеньком табурете и пыталась натянуть сапоги. Увидев мужа, показала взглядом — мол, помогите.

Эломонов молча сел на корточки и успешно застегнул «молнию» левого сапога, а вот с правым у него ничего не получилось. Бинафша-ханум тяжело вздохнула.

— Ничего-то вы не умеете!

Эломонов виновато посмотрел на жену. Бинафша-ханум чуть смягчилась, чмокнула его в лоб, сама застегнула «молнию» и встала.

— Вчерашний наш уговор не забыли, Саид-ака? — спросила она, роясь в сумочке.

— Какой уговор? Книга, что ли?..

Бинафша-ханум вместо ответа нахмурила брови.

— Помню, — поспешно сказал Эломонов. — Я узнал, ханум, но за книгой надо ехать аж в Ободон.

— Бедный мой. Сабирджан, бедный мой сын, если бы он только. услышал вас! — воскликнула Бинафша-ханум. — Сын живет на чужбине, просит у него какую-то жалкую книгу, а он!..

— Я же обещал, ханум...

— Единственный мой сын!.. — в голосе Бинафша-ханум послышались слезы.

— И мой — тоже, — заметил Эломонов.

— Нет у вас любви к сыну!

— Есть, ханум, есть, — слабо защищался Эломонов. — Поймите только, до Ободона целых двести километров!

Бинафша-ханум уже совладала с собой, посмотрела на мужа ясно и презрительно:

— Вам бы бабой родиться, Эломонов!

— Двесги километров... — повторил Эломонов виноватым тоном. — Будь немного ближе, я бы мигом... Ханум... подождем до субботы, я непременно привезу вам эту книгу.

Бинафша-ханум не ответила. Сняла с вешалки норковую шапку и вышла из квартиры, сильно хлопнув дверью.

Эломонов вернулся в комнату и прилег на диване. За окном уже шел снег. Крупные белые хлопья прилипали к стеклу и быстро таяли. Эломонов невольно съежился, будто озяб. Опять вспомнил дочь. Целый месяц прошел, а они еще ни разу ее не навестили. Она никогда не отлучалась из дому надолго, а там холода начнутся, трудно ей будет, впрочем, не только ей, вон сколько народа сейчас днюет и ночует на полях, уборка опять затянется до самого декабря, это уж как пить дать, он и сам в хлопкоуборочной кампании принимал участие, знает — сперва выполняй, потом перевыполний, а там, глядишь, какой-нибудь очень хороший человек с призывом выступит, чтобы убрать все до последней коробочки — будь она неладна эта последняя коробочка под семью покровами снега!

Видать, мне самому надо ехать к дочери, решил Эломонов, на Бинафшу-ханум надеяться не приходится, дел у нее по горло, ходит вся нервная, издерганная, то ли подборку стихов вернули, то ли постановку пьесы отодвинули, ей сейчас не до родительских забот...

Желая хоть немного отвлечься от грустных мыслей,

Эломонов закрыл глаза. И в этот момент раздался бой часов. Эломонов насчитал девять ударов. Врут, подумал он, Бинафша-ханум ровно в восемь выходит из дома, еще не было случая, чтобы она опоздала на работу... Он хотел было перевести стрелки часов назад, но поленился вставать, лишь открыл глаза и продолжал лежать, разглядывая большую фотографию на противоположной стене, где была запечатлена Бинафша-ханум, еще просто Бинафша — молодая поэтесса, красивая, хрупкая, задумчиво глядящая куда-то в дальние дали, с высокой прической, с хорошо отточенным карандашом в руке... Лет двадцать назад такие прически в большой моде были, благодаря несравнений Касыме, дикторше телевидения. Ой, Бинафшахон, восклищали подружки жены в те далекие времена, ой, душечка, вы так похожи на дикторшу Касыму, ну как две капли воды, такая же красивая, такая же обаятельная, берегитесь, душечка, вас могут и перепутать с ней, ведь у нее столько поклонников!.. Признания подруг льстили Бинафше, но она делала обиженный вид — мол, не я, она похожа на меня. А подружки хохотали — им было приятно дружить с молодой поэтессой, да еще такой веселой и остроумной!

Боже, как летит время!

Где теперь те смешливые подружки жены? Где Касыма, мечта влюбленных? Разве теперь кто-нибудь узнает Касыму в солидной тетке, которая вечером появляется на экране, чтобы рассказать детям сказку. Глядя на эту женщину, заполнившую собой весь экран, Эломонов с тоской думает о другой Касыме, о двадцатилетней, о высокой ее прическе и двух завитках, змеившихся некогда у маленьких ушек красавицы, и испытывает такое чувство, будто его обокрали. Надо же, брат Эломонов, говорит он самому себе, ты же никакой не бабник, а ведь, если признаться, к ней был... неравнодушен!

Во времена их знакомства Эломонов был еще молодым, но уже довольно опытным руководителем. Рос быстро, чуть ли не каждый год — повышение, он уже тогда достиг того положения, когда нет-нет да и приглашают на телевидение — мол, надо хоть изредка показываться народу, дабы народ имел возможность поближе узнать лучших своих сыновей; и так до тех пор, пока эти выступления же войдут в привычку у растущего руководителя.

Беседы перед камерой очень нравились Эломонову, нравились своей неторопливостью и торжественностью. А еще тем, что его узнавали, на улице с ним часто раскланивались совершенно незнакомые люди, и эти приветствия были исполнены той особой почтительности, которая ничего общего не имеет с дешевыми восторгами поклонников какой-нибудь звезды эстрады.

Нравились молоденькая звонкоголосая дикторша Касыма, в устах которой мгновенно оживали скучные цифры, касающиеся, скажем, роста сельского и городского населения данного региона, равно как и вытекающих отсюда перспектив комплексного развития всех отраслей производства, включая и местную промышленность, и конкретных указаний по поводу учета дальнейшего увеличения трудовых ресурсов. Обо всем этом она рассказывала и расспрашивала с неподдельным интересом и не забывала под конец поблагодарить Эломонова:

— От имени многочисленных наших зрителей, Саидмурад Замонович, большое спасибо за столь интересную беседу!

— И вам спасибо, Касыма-ханум.

— Желаем новых успехов в вашей сложной и ответственной работе...

На этих словах прожектора угасали, и при тусклом будничном свете Касыма, милая собеседница, опять становилась далекой и недоступной. Она быстро собирала листы текста, вкладывала в папку, сухо прощалась и уходила.

Однажды, после очередной такой беседы, Эломонов задержался на студии — редактор передачи пригласил его на пиалу чая. Когда он вышел из студии и направился к стоянке служебных машин, заметил под сенью большой чинары Касыму. В черной шубке и в белом пуховом платке, она показала Эломонову еще красивее. Кажется, Касыма была чем-то озабочена. Вдруг он понял, что она ждет именно его, Эломонова. Понял это и явственно услышал, как бешено заколотилось сердце. Везет же тебе, брат Эломонов, быстро пронеслось в мозгу, Касыма тебя ждет... сама Касыма! Да такая женщина не приснится и тем, кто поважнее тебя!...

И он забыл о Бинафше. Образ ее быстро растворился в черных глазах Касымы, в ее жгучих локонах, растворился, растаял и вовсе исчез.

Только теперь он понял, как правы были подруги Бинафши — жена действительно чем-то походила на Касыму, но дикторша казалась более хрупкой, свежей, нежной. Оттого ли, что они были так похожи, Эломонов не почувствовал стыда. Мысленно он уже взял на себя грех, но дальше не переступил, не смог переступить, и может быть, то, что он не смог переступить, и осталось самым большим его грехом.

Касыма робко окликнула его. Пожалуйста, Касымаханум, идемте, пригласил он, пожалуйста, садитесь в машину. Касыма подошла, села. Может, поедем куда, предложил Эломонов, ресторан, кафе?.. Касыма не ответила, лишь улыбнулась. Эломонов положил руку на плечо водителя: поехали, Васяджан, отвези нас куда-нибудь. Вася весело кивнул, включил скорость и поехал. А сердце Эломонова билось все сильнее. Как бы инфаркт не хватил от радости, со страхом подумал он. Шутка сказать, сама Касыма сидит рядом, та самая красавица, на которую каждый вечер смотрят миллионы людей.

Вася быстро доставил их в маленький загородный ресторанчик. Эломонов вышел из машины и, не смея глядеть в глаза Касымы, тихо пригласил: пожалуйста, Касымаханум, на чашечку кофе... И столько робости было в его голосе, что Васе жалко стало своего шефа. Какой ты, однако, наивный человек, посмеялся он про себя над Эломоновым, посмеялся, но не осудил; и потом, спустя годы, когда они расстались и каждый пошел своей дорогой, Вася всегда хорошо отзывался о бывшем начальнике: было в том что-то от святого, бедняга даже лишней квартирki не имел, а ведь мог бы, стоило только пожелать!

Вася остался в машине. Эломонов и Касыма вошли в ресторан. Метрдотель, узнав Касыму, засуетился, почтительно повел гостей к столику подальше от оркестра, отдал распоряжение сразу двум официанткам. Пока те принимали заказ, лично сам принес вино. Марочное, большой выдержки, сказал он, вот, можете убедиться, нарочно пыль не вытер с бутылки. Эломонов, отдавая дань его предупредительности, пошутил: уж не джинн ли запрятан в столь древнем сосуде? О да, воскликнул метрдотель, он самый, добрый и веселый! Сказав это, он ловко вытер бутылку специально прихваченной мокрой салфеткой, затем протер сухой — нелых пять салфеток ушло на эту волшебную процедуру. Налив вино в хрус-

тальные фужеры, метрдотель пожелал приятной беседы и удалился.

Касыма осушила подряд два фужера. И Эломонов последовал ее примеру. Вино оказалось действительно превосходным, со слегка терпким букетом каттакургани и дарон, издревле славившихся сортов местного винограда. Касыма быстро опьянела и спросила, томно закатив огромные черные глаза, — дескать, можно ли сразу перейти к цели, товарищ Эломонов? Эломонову вдруг стало жарко, он ужасно покраснел и сказал: ну что вы, Касыма-ханум, цель никуда от вас не убежит, пожалуйста, забудьте обо всем, сейчас нам принесут что-нибудь вкусненькое, я давно не бывал в ресторане, все дела, заботы... Касыма не согласилась: нет товарищ Эломонов, мне необходимо высказаться, пока совсем не опьянела. Муж мой, которого я выбрала из тысячи молодцов, оказался просто тряпкой! Эломонов такого никак не ожидал, он даже стал заикаться от удивления: к-как это так, К-касыма-ханум, разве вы з-замужем!.. Да, ответила Касыма, уже два года, у нас ребенок, живем в маленькой комнатушке, к тому же золовка приехала, учится в институте, вот и живем все вместе, и это так тягостно, и мне, и бедному моему мужу, товарищ Эломонов!

Эломонов был охвачен приятным хмелем, поэтому не особенно вник в смысл признаний Касымы, он осушил очередной бокал, закусил не менее терпким, чем вино, пучком базилика и небрежно сказал: Касыма-ханум, я очень хорошо вас понимаю. Касыма ему не поверила. Она и в самом деле находилась в безвыходном положении, и слова Эломонова вызвали у нее лишь брезгливую досаду. Она решила идти напролом: товарищ Эломонов, из-за этой золовки мы не имеем возможности быть мужем и женой! А ведь мы еще совсем молодые!

Еще не было случая, чтобы женщина говорила с Эломоновым столь цинично. Эломонов растерялся, почувствовал себя виноватым, но все же сказал правду: то, что вы здесь со мной... разве это... хорошо? Касыма не выдержала упрека и со слезами на глазах спросила: что же мне еще делать, товарищ Эломонов, нет у меня иного выхода, кроме как... Эломонов расчувствовался, но не удержался от очередного нравоучения: я-то думал, Касыма-ханум, вы умнее. Касыма заплакала. Зачем вам мой ум, товарищ Эломонов, сказала она, посоветуйте!

туйте как мне быть, хотите, стану вашей любовницей?

Будьте моим другом, Касыма-ханум!

Так сказал тогда Эломонов Касыме, дикторше телевидения, первой красавице Оазиса. И до сих пор, стоит только вспомнить эти слова, ему становится стыдно. Ночью, за столиком укромного загородного ресторанчика, в обществе красивой женщины, за бутылкой чудесного вина... о какой дружбе могла идти речь!

Надо же, брат, удивляется по сей день Эломонов, какое оно коварное слово — «друг»!

Некая Хасият, подруга Эломонова по школе, затем и по институту, подруга, которая обнадеживала его долгие годы, пока не вышла замуж за Сатымбека, грустно призналась ему: дорогой мой Саид, я вас очень и очень уважаю, поверьте, но сердцу разве прикажешь, давайте останемся друзьями на всю жизнь... А сама, пока не вышла замуж, страстно целовалась с этим самым другом: летом — в кишлаке у родничка, зимою — в городе, на берегу реки.

Вспомнив это, Эломонов усмехнулся, обозвал себя болваном. Но... отступать тогда было поздно, и он повторил: будьте моим другом.

Касыма опустила глаза и согласно кивнула: ладно, товарищ Эломонов, пусть будет по-вашему, лишь бы муж ничего не узнал.

Эломонову показалось, что он вот-вот сойдет с ума. Наверное, я очень глуп, Касыма-ханум, сказал он с отчаянием, иначе сумел бы выразиться понятнее, к черту дружбу, скажу проще — будьте мне сестрой, будьте мне хамширой!

Касыма недоверчиво посмотрела на него, нет ли тут подвоха. Эломонов еще больше смутился и объяснил суть нечаянно оброненного персидского слова: мол, ш и р — это молоко, х а м ш и р а — сестра, вскормленная с ним одной грудью, а материнское молоко — это самое чистое и святое на свете!..

Не говорил все это, а словно бы причитал — тоненьким, совершенно несолидным голосом.

Но и теперь Касыма не поверила искренности Эломонова. Даже тогда, когда он отвез ее домой, в другой конец города, она ему не поверила и спросила: мне самой позвонить, товарищ Эломонов?

Эломонов твердо отрезал: не смейте мне звонить!

Проехав одну остановку, он решил отпустить водителя: поезжай, Васяджан, я хочу пройтись.

Вася не согласился: нет, Саидмурад Замонович, вы немного выпили, вдруг встретятся знакомые...

Эломонов рассердился: поезжай и больше не смей меня учить, знакомые не съедят меня, ведь и мне дозволено ходить пешком!

Вася, простая душа, понял его по-своему: не горюйте, Саидмурад Замонович, подумаешь — дикторша! Не эта, так другая будет, есть и покрасивше, пускай уходит, и потом — вы же серьезный человек, Саидмурад Замонович, не по вас такое дело, заводить любовницу, это уж по нашей части, нам, трудягам, такое не возбраняется!

Эломонов, вне себя от ярости, заорал на водителя: поезжай, Вася, чтоб тебя с любовницей твоей!..

Вася не обиделся, уехал. Эломонов пешком вернулся домой. По дороге настроение у него мало-помалу улучшилось. Женщине надо помочь, подумал он, она красива, притягательна, если уж я чуть не соблазнился, то другой-то вряд ли станет ее жалеть, женщине с ребенком и мужем не подобает так позориться, ведь мне ничего не стоит ей помочь, подниму трубку и попрошу, чтобы повнимательней отнеслись к заявлению гражданки Суннатовой, а те, что ведают квартирами, редко бывают безгрешными, они не станут возражать, хотя бы потому, что такая просьба даст им возможность понадеяться на мою поддержку в трудный час. Касыме нужно помочь. Глупо, конечно, сравнивать, но ведь и мы сами когда-то опирались на чью-то помощь. Теперь редко кто вспомнит имя покойного Хушвакта Давлатова, но лет десять назад не было в Оазисе человека именитее его. И мне он помогал, и Шамси Тураеву, и Ашурбеку Джураеву. Многих он поддерживал в свое время, а теперь его самого нет, а ученики все в добром здравии, каждый занимает ответственный пост.

Через месяц после той встречи семья Касымы переселилась в новую квартиру, в центре города, с видом на телебашню. Она в тот же день позвонила Эломонову, поблагодарила и сказала, что теперь перед ним в вечном долгу, так что... Эломонов не дал ей договорить: я не беру взятки, товарищ Суннатов, и то, чем вы хотите меня одарить, я возвращаю вашему мужу.

Так он сказал Касыме и бросил трубку, хотя это и

стоило ему большого труда. Хотелось, чтобы этот зна-
комый тысячам и тысячам звонкий голос, полный неж-
ной благодарности и трепета, звучал до бесконечности.
Но Эломонов осилил себя и бросил трубку. Потом он
долгие месяцы ждал ее звонка. Ему звонили много кра-
сивых женщин, но большей частью они были чьими-то
секретаршами, Қасыма же больше не позвонила...

Встреча с Қасымой, если серьезно подумать, была
не таким уж значительным событием в его жизни. Да
какое там событие, просто случайность, но стоит об
этом вспомнить, как на душе становится светло и не-
волью думается: надо же, пощадил такую красавицу!
Совість, значит, была!

Он боится дальнейших раздумий. При долгом обду-
мывании ему начинает казаться, что это была не со-
весть, а просто суеверный какой-то страх перед красивой
женщиной, иначе тоска о несбывшемся не жила бы в
нем по сей день.

Это он понял полгода назад, когда простудился и
целую неделю просидел дома. Было скучно. При ны-
нешней должности гостей у него заметно поубавилось.
Поговорить с женой тоже не было возможности — она
заперлась в кабинете и писала новую пьесу. Эломонову
надоело слоняться по огромной квартире, и он пошел
к Буюку Пулатову, соседу из третьего подъезда. Пула-
тов тоже был драматургом и возглавлял один из мест-
ных театров. Оказалось, он только что закончил новое
произведение. Ради вас так старался, дорогой сосед,
пошутил он, скоро поставим пьесу, и вы получите место
в первом ряду партера. Эломонов поздравил его и по-
интересовался, о чем пьеса. Как всегда, о хлопке, отве-
тил Пулатов, интереснейший сюжет — девушка-хлопко-
роб после уборки урожая едет в Москву в числе передо-
виков сельского хозяйства, а там посещает выставку и
влюбляется в одного молдаванина, словом, тема более
чем актуальная, о любви, о дружбе... И молдаванин
увезет девушку к себе? — спросил Эломонов. Несомнен-
но, был ответ. Эломонову почему-то стало жалко героиню.
Зачем вы бедную девушку отдаете чужому, сказал
он, я очень уважаю молдаван, вот возьмем товарища
Виеру, хороший работник, успешно руководит трестом,
но вы, Буюкджан, ничего не сказали о профессии своего
героя, может, это нехороший молдаванин? Профессия
у него самая почетная, ответил Пулатов, парень из по-

томственных земледельцев, зовут его Василе, передовой виноградарь, и его, как и нашу героиню, наградили путевкой на выставку за лучшие показатели, надеюсь, теперь вы не будете возражать? Но Эломонову все равно было не по себе оттого, что Пулатов так легко распоряжается судьбой девушки. Поймите, Буюкджан, сказал он, мне жалко эту девушку, пускай она остается дома и продолжает собирать хлопок, наверно, и здесь нетрудно будет подыскать ей жениха из передовых виноградарей? Пулатов молча слушал его и вдруг засмеялся. Вот вам и сила искусства, Саидмурад Замонович, воскликнул он, ведь эта девушка есть всего лишь плод моего воображения, а вы сразу приняли ее ревновать! Каково?!

Эломонов устыдился своей недогадливости и согласился с тем, что Пулатов прав — действительно, смешно ревновать ту, что не существует на самом деле. Нет, девушка существует, возразил ему Пулатов, поскольку героиня — типизированный образ наших девушек-механизаторов. Такая у нас интересная работа, Саидмурад Замонович, добавил он, довольный произведенным эффектом, главное в ней — это возможность вариаций, где ты сам и за бога, и за пророка, не говоря уже о разнообразности паствы, стоит мне захотеть, ну, в данном случае — нам, и мы поменяем девушку-хлопкороба на парня-хлопкороба, и тогда уже не она, а он поедет в Москву на выставку и полюбит такую хорошую молдаванку, как, скажем, Суфия Ратору! Наверно, как София Ротару, поправил Эломонов соседа-драматурга, на что тот недовольно заметил: не это суть важно, главное заключается в том, что она является молдаванкой. Захочу, пьесу переделаю в фильм, заявил он уже без злости, но и тут необходимо показать трудовой процесс более опосредованным путем, поскольку само хлопковое поле в натуральном его виде почти непригодно для художественных съемок — пыль, жара, комарье проклятое, вонь от всяких пестицидов-гербицидов. А столица тем хороша, что есть где укрыться, климат умеренный, да и самим киношникам в Москве дышится легче, нежели на знойном полевом стане какой-нибудь бригады номер пять.

Эломонов уже заскучал от мудреных речей соседа, он перевел взгляд на телевизор, который работал в углу комнаты, прислушался... Вихрем кружившиеся танцовщицы исчезли с экрана. Вместо них появилась Касыма и, взяв в левую руку куклу с косичками, а в правую —

куклу в халате и тюбетейке, начала свой знаменитый зачин: было ль не было ль, наяву ли во сне ли, некогда, в незапамятные еще времена, когда волк был кухмистером, медведь — банщиком, сокол — стражником, ястреб — ябедой...

Зачин кончился, и Касыма стала излагать несчастливую судьбу маленькой русалочки.

— Ерунда все это, к тому же, вовсе не национально, — поморщился Пулатов. — Наши дети не знают русалочек. Причиной тому — отсутствие моря в данной местности. Аральское не в счет, оно давно уже не море, все мелеет и мелеет... Просто соленая лужа, где не то что русалочка, но даже обыкновенная рыба скоро перестанет водиться!..

— Но это же сказка, Буюкджан, — тихо возразил Эломонов. — При чем тут Аральское море? Андерсена даже я знаю, детям своим читал...

— А по-моему, детям лучше рассказывать про наших местных фей-пери. Согласитесь, Саидмурад Замонович, зачем нам эти русалочки?

— Нет, и чужие сказки нужны, — не согласился Эломонов. — Ведь вы сами недавно говорили о дружбе народов.

— Я говорил о фактической дружбе, Саидмурад Замонович. Сказки же, должен вам заметить, большей своей частью сочинены в старые времена, они не отличаются особой идейной последовательностью. Позвольте вас спросить, товарищ Эломонов, вот вы, что вы лично понимаете под дружбой народов?

Эломонов не ожидал такого вопроса — растерялся.

— Вот... была война... — сказал он чуть спустя. — Все мы сплотились, как братья... Или возьмем недавнее землетрясение, когда мы вместе отвратили беду.

— Правильно, — сказал Пулатов. — Вот это и есть настоящая дружба. Я именно об этом и написал.

— Нет, не согласен с вами, Буюкджан, — возразил Эломонов. — Мне кажется, для того, чтобы показать дружбу народов, не обязательно женить один народ на другом. И без этой женитьбы можно любить. А так получается, уж извините, спекуляция на теме.

— Вы что, товарищ Эломонов, против смешанных браков? — спросил Пулатов не без угрозы. — Удивляюсь, как вас держали столько лет на ответственных постах!

Упоминание о бывших постах сильно задело Эломонова, но он не выдал себя, а лишь грустно заметил:

— Ваши понятия о дружбе и любви несколько примитивны, дорогой Буюкджан.

— Не примитивнее ваших, однако! — разозлился Пулатов. — Я имею пять книг о любви. Написал семь пьес — все о любви. И вообще... Какое вы имеете право называть меня примитивным?

Эломонову почему-то стало смешно от гневной тирады соседа. Уж очень домашний был вид у Пулатова — в ярком халате из бекасама, с узорчатой пиалушкой в руке, из которой не забывал он отхлебывать чай даже тогда, когда злился. Чтобы не рассмеяться, Эломонов опять посмотрел на экран, на увядшее лицо Касымы и тяжело вздохнул. Ведь какая была красавица, подумал он с грустью, а что осталось? Казалось, она рассказывает не о бедной русалочке, которая превратилась в морскую пену, а о себе самой. И он не заметил, как у него вырвалось:

— Вот я, Буюкджан... я очень тоскую по ее молодости...

— О чем вы? — не понял Пулатов. — По чьей молодости?

— Тоскую, говорю, — повторил Эломонов и взглядом показал на изображение Касымы.

Пулатов удивленно посмотрел на Эломонова и расхохотался.

— Ну вы даете, товарищ Эломонов! — воскликнул он и ударил себя по колену. — Надо же, а? Тоскуете?.. По ее молодости? Ну и весельчак вы, я вам скажу! Вспомнили, вижу, бурное свое прошлое? Ну-ка, рассказывайте, сосед, что у вас с ней было, рассказывайте, товарищ Эломонов, не стесняйтесь!

Пулатов вплотную приблизился к нему, готовясь слушать.

— Нечего рассказывать, — сказал Эломонов. — Просто тоскую — и все.

— Нет, товарищ Эломонов, раз начали так рассказывать, — не унимался Пулатов. — С виду вы такой святой, ну прямо агнец! Но мы вас знаем, товарищ Эломонов, зна-а-ем, каким вы были проказником!..

— Зачем вы так? — обиделся Эломонов. — Вы же меня совсем не знаете.

Увидав, что Эломонов не склонен к шуткам, Пулатов сразу поостыл.

— Извините, Саидмурад Замонович, — сказал он. —

Я просто пошутил. Сказать по правде, вы тоскуете по идеалу, идеалу прекрасного! Мы, труженики пера, хорошо знаем эту великую тоску.

— Идеалу, говорите? — переспросил Эломонов. — Вы имеете в виду женскую красоту, Буюкджан?

— И не только ее, товарищ Эломонов...

— Объясните, Буюкджан.

Пулатов объяснил... Он протянул правую руку вперед и, опустив большой палец вниз, прочертил в воздухе изящный кружочек, равный примерно окружности стоявшей перед ним пилы.

— ...Прекрасное — это нечто такое... очень тонкое и нежное, что утверждается лишь при восприятии высокого, только так и никак иначе...

Но Эломонов, к стыду своему, ничего не понял. Ему опять стало грустно.

Пулатов встал и выключил телевизор.

— Не обижайтесь, сосед, — сказал он Эломонову. — Мне пора за работу.

Эломонов простился и вернулся к себе. Бинафша-ханум сидела на своем любимом фигурном диванчике в голубом шифоновом платье, распространяя вокруг аромат арабо-французских духов. Она одарила мужа лучезарной улыбкой, что бывало крайне редко, разве что по большим праздникам. Эломонов сказал: вижу, и вы закончили новую пьесу, ханум? О да, мой принц, ответила Бинафша-ханум счастливым голосом, из двух действий и одиннадцати картин. Когда ее примут, я завалю вас звонкой монетой!.. Эломонов не имел обыкновения тратить деньги жены, поэтому позволил себе снисходительно улыбнуться: благодарю вас, ханум, но лучше вы мне объясните, что такое прекрасное, а то вот наш сосед, хоть и написал семь пьес, не смог этого сделать.

Бинафша-ханум почему-то зарделась и кокетливо замахала рукой, о нет, мой принц, я уже давно не блещу красотой! Да я не о том, ханум, опрометчиво сказал Эломонов, я о красоте вообще. Такая бестактность, понятное дело, не могла не обидеть Бинафшу-ханум. Что вы морочите себе голову подобными вещами, сердито сказала она, зачем вам красота и все прочее, когда вы одеты и обуты? Зачем, когда вы ничего в ней не смыслите? Обойдетесь и без прекрасного, ведь не собираетесь же вы писать роман? Нет, не собираюсь, миролюбиво ответил Эломонов, не мое это дело. И правильно делаете, не преминула Бинафша-ханум еще раз уколоть

мужа, с вас хватит и одного заявления! Позвольте, ханум, вспылит и сам Эломонов, доколе могут продолжаться эти ваши упреки? Всю жизнь, заявила Бинафша-ханум и топнула ногой, если хотите, и на том свете!..

Эломонов понял, что назревает скандал, и предпочел за благо пройти в кабинет и запереться. Там он убрал со стола пишущую машинку Бинафши-ханум, положил перед собой чистый лист бумаги и начал его заполнять размашистыми подписями. Эта привычка помогала ему расслабиться, уйти от невеселых мыслей. Ее он перенял у своего друга Шамси Тураева, с которым работал бок о бок много лет, пока того не перевели в Бухару. Тураев был веселого нрава человек. Все шутил — мол, по пустякам не нервничайте, Саидмурад Замонович, забот в этом мире никогда не убавится, вы с одной покончите, вторая появится, давайте же оставим работы и тем, кто придет после нас, будьте выше всяких сплетен и склок, не горячитесь и не спорьте. Вот вам пример в пользу моих слов: жили на свете Дидро и д'Аламбер, оба французы, оба великие, всю жизнь только и делали, что спорили между собой, а кончилось тем, что оба померли, так что, Саидмурад Замонович, садитесь за стол и упражняйтесь в подписи, дело это не лишено практической пользы, это, если хотите, целое искусство, ведь подпись человека есть своего рода зеркало его души, стоит мне посмотреть на чью-нибудь подпись, и я мигом скажу, как он чувствовал себя в тот момент, когда водил пером, не дрожала ли при этом его рука, хорошо ли он сидит на своем месте. Так-то, Саидмурад Замонович, слушайте моего совета, закрепите свой росчерк — и никогда не пожалеете.

Эломонов, держа красный карандаш прямо, стал подписываться жирными, но одинаково изящными линиями. Затем, заполнив лист, выругался: к черту подпись, ежели она не имеет уже никакой силы... Сломал карандаш и бросил в угол. В это время из-за дверей донесся приглушенный голос жены:

— Не обижайтесь, Саид-ака, вы же не ребенок. Вот товарищ Суюмов выступает... тоже о красоте, о внутренней...

Эломонов через силу улыбнулся:

— О кишках, что ли?..

— Профессор говорит о душе, это вы о кишках думаете!..

Эломонов пожалел о глупой шутке и сказал:

— Простите меня, ханум, я, кажется, недостойн быть мужем поэтессы, да еще красавицы...

— Полно, Саид-ака, не подхалимничайте, я вас уже простила.

Так сказала Бинафша-ханум и тихонько постучала в дверь. И стук этот показался Эломонову игривым. Он смягчился, скомкал и выбросил в корзину бумагу с подписями и пошел открывать дверь. Бинафша-ханум была одета в другое уже платье, сиреневое, тоже из шифона, на шее — украшения, кои она надевала только тогда, когда писала стихи, вся такая нежная и нарядная, будто фея, отворившая в полночь двери спальни сказочного принца, она вошла, нет, вплыла... прямо в объятия мужа. Эломонову ничего другого не оставалось, как обнять ее. Не надо, Саид-ака, сказала Бинафша-ханум смущенно, разве так можно, ведь мы уже бабушка и дедушка... И голос ее, вкрадчивый и нежный, показался Эломонову несравненным, он чуть не задохнулся от нахлынувшего волнения. Закрыл глаза, но почему-то тут же представил в объятиях не жену, а Касыму, ту давнишнюю Касыму, двадцатилетнюю красавицу. Что-то больно резануло по сердцу. Эломонов застонал, сквозь щемящую боль и тоску опять подумал о жгучих завитках Касымы и пробормотал:

— А что, ханум, если... если вы сделаете себе завитки?

Бинафша-ханум резко отстранилась от мужа.

— Что-о?—гневно спросила она.—Завитки? Вы, Эломонов, хотите, чтобы я стала похожа на какую-нибудь кокотку?!

Эломонов покраснел — никогда не позволил бы он называть кокоткой несравненную Касыму двадцатилетней давности.

— Но ведь кокоткой можно быть и без всяких завитков, — попытался он возразить.

— Хотите сказать, что я уже кокотка?

— Нет, ханум, ничего не хочу сказать, только...

— Может, вспомнили какую-нибудь любовницу с завитками?

— Зачем вы так, ханум, — несмело говорил Эломонов. — Вы же знаете, у меня нет и никогда не было любовниц. Может, и случалось заглядываться на красивых женщин, но я ни на минуту не забывал о чести нашей семьи.

— Замолчите, Эломонов! Не хочу с вами разговаривать!

Бинафша-ханум отвернулась от мужа. Но Эломонов, однако, почувствовал, что последние слова жене понравились. Он взял ее за плечи и повернул к себе, Бинафша-ханум улыбнулась, убрала седую волосинку с лацкана его пиджака и тихо произнесла:

— Я знаю, Саид-ака. Простите, я немного погорячилась...

Саидмурад Эломонов, единственный сын галатепинского пастуха Замона Эломонова, несмотря на солидную должность в горисполкоме и тайную надежду о дальнейшем росте, был довольно неприметным и нерешительным человеком и долгое время оставался вне поля зрения прекрасного пола. Когда они познакомились с Бинафшой-ханум, ему было уже за тридцать. Случилось это в здании местного театра, на поэтическом вечере, организованном по его инициативе. Молодая, бойкая, Бинафша прочла тогда на одном дыхании целых пять стихотворений, тогда как другие поэты, смущаясь и робея, прочли лишь по одному, от силы по два... Зал ей щедро аплодировал. Лица юных студентов, заполнивших зал, светились доброй завистью к поэтессе. Запомните ее, товарищ Эломонов, шепнул ему Имам Ходжаев, лысый старик — поэт, который вел этот вечер, запомните Бинафшу, это и есть восходящая звезда нашей поэзии. Эломонов запомнил. И сразу же после вечера Имам Ходжаев привел Бинафшу к Эломонову и представил...

И они стали встречаться, сначала редко, а затем все чаще и чаще, чуть ли не ежедневно. Зима уже кончилась, и было приятно ходить по тихим аллеям, пахнущим свежей листвой. Бинафша читала ему свои новые стихи о звездах, о ветре, об утренней росе. Голос у нее был приятный, с едва заметной хрипотцой, как, впрочем, и у многих поэтесс ее поколения. От ее странноватых, но одинаково красивых слов, от ее нежного придыхания Эломонова охватывала незнакомая доселе дрожь, он чувствовал себя так, будто попал в Эдем, и думал: надо же, брат, а ведь ты мог прожить всю жизнь и так и не узнать всего этого...

Прошла весна, прошло лето, а осенью Эломонов решил открыться своим друзьям, как он сам тогда выразился, на предмет выбора — мол, не исключена воз-

можность законного брака с вышеназванной особой. Те долго не раздумывали и сказали: ты, Саидмурад, никакой не Юсуф Прекрасный, чтобы выбирать женщин, она молода и мила, одно только плохо, хрупка, но ты же не собираешься запрягать ее в арбу, женись, Саидмурад, пускай она народит тебе детей, не беда, что стишки пишет, может, еще и образумится.

Словом, друзья не возражали против его выбора. Но Эломонов еще целый год провел в размышлениях. Свою медлительность он объяснял финансовыми затруднениями, мол, денег, маловато для хорошей свадьбы. Назвать истинную причину своей нерешительности он просто не мог. Дело в том, что Бинафша однажды в пылу откровенности нечаянно призналась ему, что до него встречалась с одним из своих коллег, неким Османом Асимом. Поэт он, может, и неплохой, сказала она, но сам — подлец подлецом, вообще, все поэты таковы, один другого краше... Одумайтесь, Бинафша, сказал ей Эломонов, нельзя из-за одного нехорошего человека ругать всех поэтов, ведь вы сами поэты!.. Нет, я — поэтесса, гордо ответила Бинафша, поэтессы лучше поэтов, бог наделил их особой чуткостью и милосердием, хотя, по правде сказать, бог тоже большой подлец, иначе повернул бы он судьбу так, что встретились бы мы с вами намного раньше. Полно, Бинафша, полно, мой цветочек¹, сказал Эломонов, как можно называть подлецом того, кто даже и не существует? Бинафша чуть смягчилась. Давайте забудем об этом, улыбнулась она, это я говорю о боге в смысле судьбы. Тогда можно, согласился Эломонов, в смысле судьбы еще можно...

Через некоторое время Бинафша опубликовала в толстом журнале большое стихотворение, которое называлось «Любовь» и имело посвящение: «Саидмураду Эломонову», что предало их отношения гласности и ускорило дальнейший ход событий. Эломонову позвонил тогдашний первый человек Оазиса, ныне покойный Хушвакт Давлатов, и поздравил, как он выразился, «со счастьем быть объектом внимания молодой поэтессы» и намекнул на то, что Эломонову, молодому ответственному работнику, тем более коммунисту, надлежит оправдать столь нежное доверие во избежание криво толков. Вы не думайте, Саиджан, что я вам навязываю вашу будущую жену как партийную нагрузку, пошутил

¹ Бинафша — фналка.

товарищ Давлатов, нет, скорее всего, это отеческий совет, поскольку я слышал о вашей нежной привязанности к молодой поэтессе, словом, я вас обоих люблю и буду рад вашему союзу.

Сыграли свадьбу... В первую же ночь у невесты, несмотря на все ее старания, обнаружился крохотный изъян, который в прежние времена привел бы как минимум к семейному недоразумению. Эломонов же, хотя как муж немного и обиделся, побоялся однако же разговоров и решил умолчать об этом изъяне, вознамерившись позже, как только появится другой, более или менее убедительный повод, развестись. Но Бинафша больше никакого повода не давала, ходила тихая, печальная, и весь ее вид говорил о том, что она не меньше мужа страдает из-за былой оплошности. Эломонов был человеком мягкосердечным, и ему ничего не оставалось, как пожалеть жену и забыть о своем недавнем решении.

Бинафша-ханум родила ему двоих детей — сына и дочь. Из сына сделали востоковеда, затем женили его и отправили на работу в одну из восточных стран. Теперь — черед дочери. Через год она окончит институт, а все без серьезных поклонников. Сам Эломонов, когда еще был при чине и почете, обратил внимание на двух молодых людей, работавших под его началом, парни были порядочные, умные, с хорошими перспективами, он даже приглашал их к себе домой, знакомил с дочерью... Но парни эти почему-то не понравились жене, и она забраквала их обоих: не годятся. Саид-ака, найдите жениха из хорошей семьи, а эти нам не ровня, у одного отец чабаном был, у другого — мать уборщицей в школе... Эломонов попытался образумить ее: вы чабана и уборщицу оставьте в покое, ханум, я сам родился и рос среди овечьего помета, а вроде ничего, на судьбу не жалуясь, вы посмотрите на них самих, ханум, это очень хорошие ребята, пожалеете потом!.. Но Бинафша-ханум была непреклонна: грош цена вашим кандидатам, если у них за спиной нет влиятельного человека! Эломонов рассердился: узко мыслите, ханум, вот у меня самого не было никаких благодетелей, сам всего добился, разве сейчас такое время, чтобы... Бинафшахон лишь посмеялась его наивности: то было раньше! День со днем не сходится, не дай бог, конечно, но вдруг с вами случится беда, посмотрим тогда, как вы будете плясать, ведь и у вас никого нет за спиной!..

Видать, худое тогда напророчила Бинафша-ханум. Настал такой час, когда на голову Эломонова посыпался град сплетен и насмешек. Кампанию вели широко, с размахом, недаром Эломонов стал чуть ли не самым известным человеком во всем Оазисе. Особенно замечательны были слухи о том, будто в квартире Эломонова нашли целый сундук золота, слиток на слитке, только без известного штампа, видимо, хозяин кустарей заставил поработать... Узнав это, Эломонов, переживавший черные дни, не удержался, от смеха — ведь у него не-то что слитка золота, даже золотых часов не было, а носил он старые, марки «Победа», те, что еще в студенческие годы подарил ему покойный дядя, подарил спьяну, но потом, протрезвев, постыдился обратно потребовать. Разумеется, Эломонов делал подарки жене и дочери по праздникам, но все их золото могло уместиться на одной ладони, только это вам не сундук золотых слитков, слава аллаху, женщинам еще не запретили носить украшения.

Словом, весь Оазис был полон слухов о богатствах Эломонова. Все смотрели на него, все говорили о нем, и в один прекрасный день он заметил, что даже Хурсаной, родная дочь, тоже косится с явным подозрением — мол, что ж ты, отец, неужели кормил свое дитя нечестным хлебом?..

Лет двадцать назад Раим Хайбаров, бывший раис галатепинского колхоза, имел кратковременную беседу с Эломоновым, о чем просила его тетка Эломонова. Саидмурадбай, проникновенно говорил председатель, тебе же самому лучше будет, если ты останешься при нынешнем скромном своем чине, жизнь — это все равно что полет птицы, да только птицы бывают разные, беркуту нужны высота и простор, а вот воробышку достаточно и того, что он может летать, не задевая макушек деревьев. Я не знаю пока, что ты за птица, но, видать, коготь у тебя не очень-то крепкий, твой отец Замонбай хоть и простой чабан, но был со сметкой, да только я что-то не вижу того же качества в его сыне; слов нет, Саидмурадбай, ты уже научился солидным повадкам, но этого еще мало, ты слишком мягок, чтобы быть большим начальником, когда достигнешь большего и будешь причастен к судьбам многих, когда тебе, такому значительному, перестанут говорить правду в глаза,

как же тогда станешь поступать, сможешь ли сам, своим умом, отличить хорошее от плохого?

Саидмурад Эломонов, молодой еще руководитель, полный надежд и энергии, хохотал тогда над словами Раима Хайбарова: вы просто спятили, почтенный, не мерьте всех на свой аршин, надо мыслить шире, на свете много добрых людей!..

Раим Хайбаров эти доводы нашел разумными и сказал: ты прав, Саидмурадбай, и хорошие люди есть, но упаси боже даже от одного плохого человека!

Саидмурад Эломонов опять захохотал. И глядя на старое сморщенное лицо Хайбарова, на его замусоленную тюбетейку, снисходительно ответил: ваши понятия сродни вашей личности, почтенный, то есть они очень устарели, и никто не давал вам права разговаривать со мной в таком духе.

Раим Хайбаров сказал: опять ты прав, Саидмурадбай, никто не давал мне такого права, да вот только твоя тетя, Карамат, попросила меня поговорить с племянником и понять — чего же он на самом деле стоит. Как я мог отказать доброй женщине!

Саидмурад Эломонов брезгливо поморщился и ответил: ваше мнение, почтенный, может, и имеет силу в Галатепе, но не за его пределами, со мной беседовали и другие люди, покрупнее и поумнее вас!

Раим Хайбаров на это ответил так: Саидмурадбай, те умные и крупные люди не сказали тебе всю правду, я прекрасно знаю, что мои слова уйдут на ветер, уж не ругай меня, если тебе не угодил, есть у меня четверо сыновей, если хоть один из них послушается отца — этого мне будет вполне достаточно, а теперь ты иди, Саидмурадбай, и впредь разговаривай только с теми крупными людьми!

Саидмураду Эломонову захотелось наговорить ему много резких слов, но он сдержался и молча вышел со двора Раима Хайбарова. Тот даже не встал его проводить, остался на высокой супе под старым тутовником, ветви которого были начисто обрублены для корма шелкопряда. Вернувшись к тете, Эломонов упрекнул ее за недоверие. Но она будто не слышала его, быстро расстелила дастархан, вынесла ему сладости и, потчует племянника, спросила: как, сынок, беседа твоя понравилась Хайбарову? У Эломонова не хватило смелости сказать правду, и он пробормотал нечто мудреное: тетя, вы же сами знаете, что он из тех, про кого сказано —

с коня свалили, а с седла не сняли. Тетя не заметила его досады, обрадовалась. Я знала, что ты ему понравилась, сказала она, дай бог теперь удачи в промысле твоём, сынок, пусть звезда твоя воссияет еще ярче, а твои враги пусть будут в дреме.

Раим Хайбаров был человеком гордым, со злой памятью, он не простил Эломонову нанесенной им обиды, перестал его замечать. Так было до самой смерти старика. Бывало, они виделись у кого-нибудь на свадьбе или похоронах, Эломонов первым приветствовал старика, но Хайбаров вместо ответного приветствия ехидно посмеивался: да возвыситесь вам еще выше, Саидмурадбай! Каких-то лет двадцать был Хайбаров главой маленького Галатепе, а возомнил — что всему свету голова. Да ладно, шут с ним, со стариком, его уже нельзя было переделать, но даже сыновья Хайбарова избегали разговоров с Эломоновым. Со старшим из них, Ташпулатом, Эломонов был немного знаком — видел на встречах земляков за пловом в чайхане, куда он регулярно ходил, пока занимал более скромные посты. Потом Ташпулат исчез из виду. У Ташпулата маленькая трагедия, рассказывал ему Мурад, земляк из соседнего Джама, его невзлюбили старшие коллеги и могут выжить из института. Почему же тогда ко мне не приходит, недоумевал Эломонов, может, что и посоветовал бы, если не ему, так тем большим ученым?.. По той же простой причине, объяснял Мурад из соседнего Джама, что и я, я ведь никогда не буду просить вас, скажем, помочь с квартирой, хотя лет пятнадцать живу по чужим углам. Тяжко быть чьим-то должником, Саидмурад Замонович, и лишиться нормального сна, а Хайбаров, насколько я его знаю, большой любитель поспать по-человечески. А вы подействуйте на него, сказал Эломонов Мураду из соседнего Джама, вдруг он передумает и придет? Поговорю, пообещал Мурад, но боюсь, ничего из этого не выйдет.

Долго ждал тогда Эломонов Ташпулата. А был он как раз в зените своей славы, его Оазис процветал, и ему ничегошеньки не стоило превратить маленькую трагедию Ташпулата в большой праздник, но тот так и не пришел... А предпринять что-либо самому в поддержку парня Эломонов не захотел — не позволило самолюбие.

Теперь, оглядываясь назад, Эломонов с горечью думает о покойном Хайбарове-старшем, не менее упря-

мом, чем его старший сын, и признает, что старик, при всей его вредности, все-таки был человеком прозорливым. Слова Раима Хайбарова сбылись полностью. Настал такой час, когда Эломонов действительно возвысился, и перестали люди говорить ему правду. Врагов еще можно понять, они из чувства мести не хотели сказать правду, но ведь друзья тоже молчали, уж они-то были людьми добрыми и могли бы смело заявить: открой глаза, Саидмурад, одной твоей честности мало, смотри в оба, дабы не надули тебя, простачка! Но они, странное дело, ничего не говорили. И те и другие любили хвалить Эломонова — это точно. Раз так, друзья, вполне резонно будет спросить: есть ли вообще разница между добрыми и недобрыми людьми?

Выходит, нет никакой разницы?

Правда, нашелся тогда один-единственный человек, чудаковатый тракторист из Хандалака, который осмелился сказать ему правду. Весь обросший, в замасленном комбинезоне, в грязных сапогах, он ворвался в кабинет Эломонова. Секретарше, преградившей было ему путь, пришлось отступить из-за боязни испачкаться. Вошедший держал в руках нечто тяжелое, обмотанное старой тряпкой. Безо всяких приветственных церемоний он стал перед хозяином кабинета и заявил:

— Механизатор я, приехал в гости в ваш город, за запчастями приехал, вот и думаю, дай-ка зайду и к Эломонову!

— Добро пожаловать, товарищ механизатор, — Эломонов встал и подал ему руку. Ему почему-то симпатичен был этот простоватый человек, нечаянно нарушивший казенную тишину его огромного кабинета. — Пожалуйста, садитесь.

— Времени нет, — отказался механизатор от приглашения. — Значит, Эломонов вы и будете?

— Я самый, — улыбнулся Эломонов и тоже продолжал стоять. — Ну, товарищ механизатор, как вы трудитесь на хлопковом поле?

— Тружусь хорошо, — ответил механизатор, — да вот дела совсем неважны.

Эломонов удивился:

— Интересно вы говорите, товарищ механизатор. Раз вы хорошо трудитесь, почему же дела неважные?

— Это хороши наши дела, живых людей, — с досадой ответил механизатор, — а вот у умерших совсем неважные.

— Не понял?..

— Сейчас поймете, товарищ Эломонов. Сто двадцать человек из нашего кишлака не вернулись с войны. Мы, живые, хотели обрадовать души погибших, собрали деньги на памятник, но его так и не построили.

— Жаль, что так случилось, — сказал Эломонов. — Мы вам непременно поможем. Откуда вы сами?

— Из Хандалака... — сказал механизатор, чуточку смущаясь. — Не думайте, что наш кишлак маленький, как хандалак¹, нет, назвали так просто потому, что там эти дыньки слаще, чем где бы то ни было, земля у нас хорошая, товарищ Эломонов. А так кишлак наш большой, в последнее время и совсем разросся. Так вот, сто двадцать наших парней погибли на войне, думали, хоть маленький памятник им поставим, деньги собрали, но их «съел» ваш зам... этот... Кошшаев Худоёр...

— Вы бы поосторожней в выражениях, — сказал Эломонов, не веря своим ушам. — Такие слова не делают чести передовому механизатору. Сами подумайте, такой авторитетный товарищ, как Худоёр Кошшаев, как он мог оказаться в вашем... как его... Хандалаке?

— Кошшаев родом из Хандалака, — ответил механизатор. — Сперва он был такой же простой человек, как и я, потом пошел в гору, но и в Хандалаке поработал порядочно.

— Когда? Когда товарищ Кошшаев работал в вашем Хандалаке?

— Лет десять тому будет. Сначала учителем был, потом председателем стал, позже объявился здесь.

— А деньги когда он «съел»?

— И тому лет десять будет...

— Странный вы человек, товарищ механизатор, где же вы были десять лет назад, почему раньше не приходили?

— Другие молчали, а я... у меня не было времени, товарищ Эломонов. До вас же далеко. Сегодня вот поругался с механиком, подлец он такой, запчасти не дает, ни мне, ни Вафо из соседней бригады, вот и не вытерпели и вдвоем — айда!.. Вафо мне сказал, не шути с Кошшаевым — правой рукой Эломонова, они вдвоем могут посадить тебя за решетку! Но я его не послушался, пришел к вам. Товарищ Эломонов, если вам не ве-

¹ Хандалак — сорт маленьких скороспелых дынь.

рить, то кому вообще можно верить? Плохо делаете, что пригрели этого Худоёра. Он — змея, я вам скажу!..

Эломонов не знал, что ему делать. Спросил фамилию механизатора. Тот ответил вполне ясно: Самадов, Самадов Пулат. Спросил о плане колхоза — Самадов ответил, спросил про урожайность — опять-таки ответил. На пьяного вроде не похож, правда, говорит невпопад, но мысли вроде все ясные. Для серьезного разбора у Эломонова было мало времени — он должен еще завизировать некоторые бумаги, прежде чем отправить их в прокуратуру, отсидеть в президиуме на трех собраниях, потом надо идти в театр, Бинафша-ханум просила — сегодня состоится первая репетиция ее новой пьесы, словом, дел у него по горло... Пришлось взять бланк со своими титулами и написать несколько слов.

— Спасибо, что зашли, товарищ Самадов, — сказал он механизатору. — Берите эту бумагу и поезжайте в свой райисполком. Передайте председателю записку и мой личный привет, и он построит вам памятник.

— А Худоёр? — недоуменно спросил Самадов. — Деньги он не вернет, что ли? Это очень хорошие деньги, товарищ Эломонов, и не потому хорошие, что большие, а потому, что мы их собрали всем миром, у кого отец погиб, у кого сын, брат... Зачем нашему государству быть внакладе из-за Худоёра?

— Будьте уверены, товарищ Самадов, мы все уточним, — сказал Эломонов. — Если ваши слова подтвердятся, то Кошшаеву несдобровать. А вы продолжайте спокойно трудиться, доброго вам урожая.

Механизатор ушел от него довольный. Эломонов вышел из кабинета, поздоровался с очередью в приемной и открыл дверь в кабинет своего заместителя. Кошшаев говорил по телефону. Увидев Эломонова, он прервал разговор и поспешил ему навстречу:

— Слишком много чести для нас, Саидмурад Замонович, сказали бы секретарше, я бы сам зашел к вам...

Эломонов сел в кресло и спросил заместителя, глядя ему прямо в глаза.

— Вы в Хандалаке работали, товарищ Кошшаев?

— Да, — ответил Кошшаев, — Сперва учителем работал, затем короткое время был райсом... Потом перевели в район, пока не пригласили сюда.

— Приходил человек из Хандалака. Сказал, будто они собрали всем кишлаком деньги на строительство

памятника погибшим воинам, но средства эти «съел» якобы мой заместитель.

— Что, поклясться мне? — спросил Кошшаев, бледнея.

— Клятва — вещь чрезвычайная, — сказал Эломонов, — она может и повредить, ведь у вас жена, дети. Есть такое поверье у народа.

— Тогда скажите Облакулу Базаровичу, пускай заведет на преступника уголовное дело, — сказал Кошшаев обиженно. — Так за чем же дело стало, распорядитесь!

— Я еще не сказал, что вы совершили преступление, — смутился Эломонов. — Но сигнал остается сигналом. Пришел механизатор из Хандалака, Самадов его зовут.

— Самадов, говорите? — удивился Кошшаев. — Самадова я хорошо знаю. Это порядочный человек, зря говорить не станет. Похоже, дело серьезное, Саидмурад Замонович. Я не смею называть Самадова клеветником, но...

— Короче, вы эти деньги не присвоили, так?

Кошшаев не ответил. Достал из кармана пиджака бумажник и протянул Эломонову маленькую пожелтевшую фотографию.

— Это мой отец, Саидмурад Замонович, — глухо проговорил он. — Звали его Кошшабай-большевик. С войны не вернулся. Мать умерла в пятидесятом году. Трое детей остались сиротами, сами себя взрастили. Хорошо, что родились в наше время, иначе бы... Вы уж не обессудьте, Саидмурад Замонович, если я скажу, что старшим из трех сирот был я и что основная тяжесть выпала на мою долю. Говорят же, судьба старшего — всех женить, младшего — всех хоронить...

— Не надо, Худоёрджан, — взмолился Эломонов. — Я вам верю.

— Нет, теперь дайте и мне высказаться, Саидмурад Замонович, — сказал Кошшаев. — На той проклятой войне мы потеряли двадцать миллионов человек. Сто двадцать из них — из моего родного Хандалака. Сами подумайте, Саидмурад Замонович, неужто я способен посягнуть на последнюю долю погибших, на священное дело?!

Эломонов увидел полные слез глаза Кошшаева и отвел взгляд в сторону.

— Не надо, Худоёрджан, не расстраивайте меня, —

сказал он. — И сами не мучайтесь. А Самадова... стоит привлечь к ответственности. Как злостного клеветника.

— Пожалуйста, вы его не трогайте, — сказал Кошшаев. — Думаю, мысль эта принадлежит не ему. Помните, месяц назад, когда я был в Хандалаке, ко мне пришли почтенные старцы кишлака и пожаловались на своего нового председателя.

— Если председатель плох, так в чем ваша вина?

— Вы еще не знаете этих лукавых дехкан-земледельцев, — грустно улыбнулся Кошшаев. — Это с виду они такие простоватые. Они хотят, чтобы я вернулся в родной кишлак и вновь стал их председателем...

— О чем вы говорите, Худоёрджан, мы не можем вас отпустить!

— Я это и говорил им, но они ничего слушать не хотят. Теперь, как сами видите, клеветуют на меня... с добрым умыслом.

— Ну и ну! — удивленно воскликнул Эломонов. — Значит, все эти слова есть своего рода тактика?

— Угадали, — подтвердил Кошшаев. — Тактика, хотя и не очень чистая в смысле выбора средств. Они ждут, что меня из-за этого наговора уволят с нынешней работы. Вот тогда я и вернусь в родной кишлак председателем... Я понимаю, Саидмурад Замснович, намерения их добрые, разумеется, в масштабах маленького Хандалака. А с этим Самадовым, если признаться, мы учились в одной школе, он не лишен дара лицедейства, был первым среди членов местного драмкружка!

— Вот это да! — сказал Эломонов с умилением. — Чудесный у нас народ, Худоёрджан! И главное — с большим юмором! Надо же, а? Любят человека и клеветуют на него! Где еще такое можно увидеть, кроме как у нас в Оазисе? Поклеп во имя добрых намерений! Так вроде называется?..

— Вам лучше знать, Саидмурад Замснович, — скромно ответил Кошшаев. — И они по-своему правы, хотя я не могу похвастать, что мне так уж много удалось сделать для родного Хандалака, недолго там проработал, всего семь лет... А здесь, сами понимаете, надо думать шире и не об одном только Хандалаке, но в душе патриотом своего родного кишлака я все же остался.

— Вы правы, Худоёрджан, надо думать шире, — согласился Эломонов. — Но... при всей своей благожелательности, ваши односельчане поступают неправильно.

Мы не можем свои кадры раздаривать колхозам, им и здесь работы хватает. Потом, согласитесь, здесь гораздо больше возможностей, здесь вы принесете более ощутимую пользу обществу. У меня к вам просьба, Худоевджан, передайте своим односельчанам, чтобы впредь действовали поосторожней, добрые намерения добрыми намерениями, но все же некрасиво наговаривать на руководящих работников. Учреждение наше более чем солидное, и мы должны беречь как зеницу ока его честь и славу.

— Я учту,— пообещал Кошшаев.— Передам вашу просьбу, думаю, они поймут. Займусь и памятником. Деньги давно уже собраны, они находятся у одного надежного человека, надо поторопиться со строительством. Теперь другой вопрос, Саидмурад Замонович, который требует вашего мудрого совета... Что, если мы действительно поможем им заменить своего председателя?

— Неужто он так уж плох?

— Хуже некуда, Саидмурад Замонович. Народ им недоволен. Хотели обратиться к вам с коллективным заявлением, я еле отговорил.

— Тогда дела плохи, надо им порекомендовать хорошего человека,— сказал Эломонов.— Может, у вас есть кто на примете?

— Есть. Младший брат товарища Олджабаева, но дело не в родстве, сам он очень достойный человек.

— Порекорендуйте,— разрешил Эломонов.— Если он понравится людям, то мы не станем возражать.

— Сделаем так, чтобы он понравился,— улыбнулся Кошшаев.— Но вы, Саидмурад Замонович, пожалуйста, забудьте о неудачной шутке Самадова. А над тем, кто посягнет на святые деньги, будет висеть вечное проклятие погибших.

Эломонов так и запомнил на всю жизнь: вечное проклятие погибших. Но пока оно висело только над Кошшаевым — тот еще три года жил в свое удовольствие. За это время он сделал брата Олджабаева председателем колхоза в Хандалаке, а тамошнего кассира посадил в тюрьму, обвинив в хищении средств для постройки памятника. И много еще чего он успел сделать, о чем стало известно лишь позже, на судебном разбирательстве, которое длилось чуть ли не два месяца.

Эломонов помнит и второй приезд Самадова — механизатор заступился тогда за арестованного кассира, но

Эломонов, помня слова своего заместителя, опять-таки не поверил ему.

— Оставьте вы эти шуточки, товарищ Самадов,— поморщился Эломонов.— Мне докладывали, памятник погибшим воинам уже построен.

— Памятник построили,— подтвердил механизатор,— но построили-то его за счет государства.

— Главное, памятник уже есть,— сказал Эломонов, желая быстрее закончить разговор.— Виновные в хищении наказаны. Чего же еще?! Вы лучше скажите, как работает ваш новый председатель?

— Мы его работу толком еще не видели,— ответил Самадов.— Пока строит себе хоромы, как отстроится, тогда и посмотрим, на что способен. Но, товарищ Эломонов, кассир наш пострадал зря, детей у него много, сам он инвалид, без одной ноги, но главное-то — невиновен. А ваш зам мог бы помочь, да не хочет.

— И правильно делает,— сказал Эломонов.— Среди жертв войны, кому вы воздвигли памятник, есть и его отец,— Кошшабай-большевик.

— Как?— удивился Самадов.— Кошшабай-керосинщик умер в пятьдесят шестом году! Да и не был он на войне. Вы посмотрите метрику Худоёра, он же сорок третьего года рождения. Как он мог тогда родиться, если Кошшабай-керосинщик был на войне?..

— Надо знать меру, товарищ механизатор!— одернул его Эломонов, краснея от гнева.— Вы не клеветецте на товарища Кошшаева! Он уже один раз заступился за вас, а вы...

И он нажал на кнопку вызова. Вошла секретарша.

— Скажите, Хадича-апа, пускай войдет следующий!— велел ей Эломонов, затем обратился к Самадову:— Я думал, вы порядочный человек, товарищ Самадов, но, вижу, жестоко ошибался. Идите. И больше не приходите сюда с подобной чепухой!

— И я думал, что вы порядочный, товарищ Эломонов,— сказал Самадов, побледнев от обиды.— Но вы оказались не лучше Худоёра.

— Уходите! Грош цена вашему лицедейству!— закричал Эломонов.— Идите, мне вам нечего больше сказать!..

— Зато мне есть!— ответил ему Самадов.— Я еще вам доскажу, товарищ Эломонов, что о вас думаю, доскажу, только в другом месте!..

И действительно, через три года Самадов досказал

недосказанное и сделал это в совершенно другом месте — в кабинете прокурора Облакула Базарова, куда Эломонов пригласил следователь по особо важным делам, приехавший из Центра для расследования дела Кошшаева.

— Эломонов виноват не меньше Кошшаева,— заявил тогда Самадов следователю из Центра.— Я ему говорил, что за птица этот Худоёр, дважды говорил, но он выгнал меня из своего кабинета. Эломонов знал, что кассира несправедливо арестовали. Вон кассир наш сам здесь присутствует, скажите этим людям, разве вам не обидно было ни за что ни про что отсидеть два года за решеткой?

Самадов посмотрел в угол кабинета, где, поставив рядом костыли, сидел пожилой человек. Человек этот ничего не сказал, лишь слегка махнул рукой — жест эдакого богача, потерявшего одного барана из тысячной отары.

— Вот вы, товарищ прокурор,— обратился теперь Самадов к Облакулу Базарову,— спросите-ка товарища Эломонова, что он на это скажет?

Облакул Базаров, многолетний друг Эломонова, тяжело вздыхая, спросил:

— Самадов правду говорит, Саидмурад Замонович?

— Правду,— признался Эломонов.— Самадов говорит одну только правду.

— Значит, вы и раньше знали о проделках своего заместителя Худоёра Кошшаева?

— Нет, не знал,— ответил Эломонов.— То есть знал... Самадов говорил мне правду, но я ему не верил, думал, что шутит он.

Тут следователь из Центра не выдержал, громко постучал карандашом по столу:

— Будьте посерьезней, товарищ Эломонов!

— Я серьезно говорю,— сказал Эломонов.— Я действительно думал, что Самадов шутит.

— Люди добрые!— воскликнул Самадов, вскочив с места.— Подумайте сами, как я, простой механизатор, могу шутить с Эломоновым! Я шучу со своей ровней, но не с Эломоновым же! Что я, с ума сошел?!

Следователь из Центра опять посмотрел на Эломонова:

— Что вы на это скажете?

Эломонов не смог ответить.

Когда Самадов и пострадавший кассир ушли, в кабин-

нет ввели Кошшаева. Тот мельком взглянул на Эломонова и усмехнулся. Эломонов на какой-то миг потерял контроль над собой и закричал вне себя от ярости:

— Ты не человек, Кошшаев! Да накажет тебя бог за то, что ты осквернил память двадцати миллионов погибших!

Все посмотрели на него как на полоумного. Лишь один Кошшаев сохранил спокойствие.

— Что это вы о боге да о боге, Эломонов?— спросил он, усмехаясь.— Вы же убежденный атеист.

— Дьявол, вот кто ты!— застонал Эломонов.— Любой атеист станет верующим, если встретится с таким клятвопреступником, как ты!

— Я никакую клятву не преступал, Эломонов,— спокойно ответил Кошшаев.— Вы же сами просили, чтобы я не клялся. Помните, что вы сказали? Клятва — вещь чрезвычайная, может и повредить, есть в народе такое поверье...

Эломонов и рта не сумел раскрыть — почувствовал острую боль под левой лопаткой, весь скрючился и, покрываясь холодным липким потом, медленно опустился на устланный коврами пол...

Пришел в себя в маленькой комфортабельной больнице за чертой города и увидел над собой лица профессора Ахмеджана Касымова и своего лечащего врача. Дела ваши серьезны, Саидмурад Замонович, тихо сказал профессор, строгий постельный режим, никаких резких движений.

Эломонов целый месяц пролежал в больнице. При выписке ему вручили путевку в санаторий. Но он отказался от путевки, вышел на работу и в первый же день попросил ознакомить его с делом Кошшаева. В обвинительном акте, представленном прокуратурой, было указано, что Кошшаев имеет сразу два особняка. В тот же день Эломонову позвонил неизвестный человек и сообщил о третьем особняке Кошшаева. Поехали туда и увидели настоящий дворец, в котором насчитали двадцать две комнаты и еще четыре зала, олицетворяющие собой времена года. После суда этот дом был передан детсаду. Чтобы укомплектовать новый детсад из двадцати двух комнат, гороно потребовалось чуть ли не полгода. Примерно в то же время нашелся еще один дом, который был построен Кошшаевым специально для его младшего сына-третьеклассника. Тогда Эломонов уже не занимал свой прежний пост, но ему рассказали, что

его преемник дал указание: отдать дом кому-нибудь из представителей народа. Вскоре нашли такого представителя. Им оказался нуждающийся в жилье слесарь, который имел, помимо своей почетной профессии, девять сыновей и семь дочерей. Новый дом-особняк был оформлен на его имя. Потом по всему Оазису ходили слухи, будто слесарь прибежал к преемнику Эломонова и стал просить о выселении. Не могу, товарищи, взмолился он, боюсь я там жить, мне бы в панельный дом... ну, с этими обоями и тараканами, а тут всюду лепка, цветочки, зеркала, чем я стану расплачиваться, если дети разобьют все это, ведь их у меня шестнадцать!..

То лето было богато собраниями. Эломонову полагалось присутствовать на них. Он и присутствовал, сидел по-прежнему в президиуме, но чувствовал себя не так уютно, как прежде. Казалось, все в него тычут пальцем: вот он, покровитель Кошшаева! Шаткость его положения угадывалась во всем. Теперь при встрече с ним... даже самые близкие друзья отводили глаза.

Однажды, зайдя в сберкассу, он вдруг понял, что слухи о его «деяниях» дошли и сюда. Кассирша, обычно такая приветливая, даже не поздоровалась, долго щелкала счетами, и ту маленькую сумму, которую Эломонов просил, отдала с таким видом, будто оторвала от собственного сердца.

Эломонов не выдержал, позвонил прокурору. Облакул Назарович, сказал он, мы с вами давно знакомы, окажите такую милость, допросите уж и меня, а то эти подозрения и сплетни совсем меня доконали!

Прокурор был добрым человеком, он сразу понял состояние Эломонова, к тому же, такое дело намечалось в ближайшем будущем, поэтому он назавтра же прислал молоденького следователя, недавно окончившего университет. Было бы большим преувеличением сказать, что беседа со следователем является усладой для души, но Эломонов этого пытливого и энергичного паренька принял как родного сына. И тот церемониться не стал, сразу же и заявил: вы, Саидмурад Замонович, подозреваетесь в злоупотреблении служебным положением. Лично я к вам лояльно отношусь, и мой долг — выяснить истину.

Следователь понравился Эломонову. Глядя на его угловатую фигуру и более чем скромный наряд, Эломонов решил, что на паренька вполне можно положиться, видать, не из чьих-то сынков, и на учебу поступил по

собственному выбору и без чьей-либо помощи. Вызвав секретаршу и заказав ей крепкий чай, Эломонов обратился к пареньку: смелее, товарищ следователь, пусть вас не смущает этот кабинет и то, что я до сих пор сижу в нем, плюньте и на все прочее, спрашивайте, мне нечего от вас скрывать. Тут следователь немного смутился и признался, что это первый в его жизни самостоятельный допрос. Чувствую, улыбнулся Эломонов, товарищ Базаров послал вас на разведку, а там, если что всплывет, он пошлет другого, более опытного бойца, но вы не смущайтесь, я ведь на вашей стороне, надеюсь, мы тому матерому следователю никакой работы не оставим.

Они беседовали без малого пять часов. Следователь исписал целую стопку бумаги, дал подписать Эломонову. Вскоре после его ухода позвонил прокурор:

— Кошшаев надул нас всех, товарищ Эломонов!

— Что, из тюрьмы, что ли, сбежал?— спросил Эломонов.— Можете говорить попонятней?..

— Он брал взятки и от вашего имени,— сообщил прокурор упавшим голосом.— Я не должен был говорить об этом, но... Словом, сейчас мне принесли целую папку новых материалов.

Эломонов так растерялся, что уронил трубку из рук, затем торопливо поднял ее и сказал дрожащим голосом:

— Я никогда не брал взятки, товарищ Базаров...

— Знаю, знаю!..— резко сказал прокурор.— Мы арестовали самого шайтана, но друзей его оставили на свободе. Будет повторный суд. Дело я пошлю на исследование. Будьте начеку, не исключено, что он и вас причислит к сообщникам.

— Думаю, он не посмеет,— сказал Эломонов.— Надо быть бессовестным, чтобы...

— Эломонов, да о какой совести вы говорите?— нервно засмеялся прокурор.— Вы хоть осознаете, что все таки произошло? Вы ведь чуть не превратились в его хвост! Где были ваши глаза, на каком месте? Как вы его не раскусили раньше? Ведь он играл вами, как куклой! Кем вас еще можно назвать после всего этого? Дурак тот, кто поднял вас так высоко, с вас бы достаточно и какого-нибудь райисполкома, а вы вон где оказались! Первый человек Оазиса!

Эломонов молчал. Сидел не шевелясь, боялся — вдруг сердце вновь схватит.

— Что вы молчите?— с тревогой спросил прокурор.— Вам нездоровится?

— Ничего, товарищ Базаров, я вас слушаю.

— Поймите, мне нелегко, Саидмурад,— сказал прокурор сочувственно.— Я даже начал сомневаться, верить вам или нет. Скажите, что теперь делать?

— Я подам заявление,— тихо сказал Эломонов.

Придя вечером домой, Эломонов застал Бинафшуханум разгневанной. Видимо, она уже знала все — и о беседе со следователем, и о заявлении.

— Единственная дочь на выданье, вы о ней хоть подумали?— с ходу накинулась она на мужа.— Надо было просить о поддержке, товарищ Эломонов, поплакаться, наконец! Сколько лет работали, как вол, а теперь!..

— Вы очень точно сказали, ханум,— невесело улыбнулся Эломонов.— Работал, действительно, как вол, пахал, не разбираясь, где земля мягче, а где словно камень. Только теперь и понял, чью все-таки землю пахал, теперь, когда весь оброс паршой и двинуться с места не могу! Безмозглый вол пахал, а другие урожай собирали!..

Бинафше-ханум, хоть и была она поэтессой, метафоры мужа ничуть не понравились.

— Почему?— спросила она, топнув ногой.— Почему они сняли вас с работы?!

— Никто меня не снимал, ханум,— рассердился Эломонов.— Я сам подал заявление об уходе.

— Вы что, с ума сошли? Где это видано, чтобы человек сам подавал заявление, вы же не инженеришка какой-нибудь?!

— Поймите же, ханум, иначе я не мог, мне было стыдно!— воскликнул Эломонов.— Какая разница, сам подал заявление или попросили меня, результат-то один! Или надо было продолжать нагло сидеть после всего случившегося в том же кресле? Так, по-вашему, я должен поступить?

Бинафша-ханум совсем растерялась. Она поспешила в другую комнату — принять лекарство.

— Саид-ака,— спросила она, вернувшись,— вы сами-то хоть знаете свою вину?

— Кошшаев брал взятки.

— Кошшаев?!— воскликнула Бинафша-ханум.— Быть этого не может.

Она прекрасно знала об аресте Кошшаева, поэтому ее слова неприятно поразили Эломонова.

— Всех гуртом забрали,— сказал он со злорадством, которое никак не вязалось с теперешним его состоянием.— Олджабаев оказался его дядей, Неккадамов— сватом. С директором шелкомотальной фабрики они были неразлучными друзьями, имели одну любовницу. Этого вам достаточно? Или продолжить список?..

— Виновникам не избежать наказания,— изрекла Бинафша-ханум — но вы...

— Никаких «но»!— сказал Эломонов.— Все трое были моими работниками.

— Как?— не поняла Бинафша-ханум.— Двое же из них из другой организации?

— Разве дело в организации, ханум!— в сердцах ответил Эломонов.— Дурак я, без ножа меня зарезали! Вы хоть помните, что Кошшаев был первым моим заместителем?

— Такой человек!— ахнула Бинафша-ханум.— Ведь он наизусть знал всего Хайяма! Как он мог, Саид-ака!..

— Не человек, а скотина!— зло проговорил Эломонов.— Так-то, ханум, ваш бывший сокурсник оказался шкурой, взяточником!

— Упрекаете?— сказала Бинафша-ханум, бледнея.— Ну и что, если я порекомендовала его вам? Откуда мне было знать! Это вам надлежало хорошенько проверить его, вы же ему полностью доверяли!

— А как же иначе! Доверял, а он от моего имени брал взятки!

Бинафша-ханум этого никак не ожидала, она сразу сникла.

— Брал, но брал-то проклятый Кошшаев, при чем тут вы?— заплакала она.— Выходит, вас приравняют к взяточникам?!

— Что вы несете!— разозлился Эломонов.— Кошшаев в камере сидит, а я, слава аллаху...

— И вас уже допрашивали?!

— Допрашивали, но это не значит, что я уже в тюрьме. Думаю, вы знаете разницу между следствием и арестом?

— Нету никакой разницы!— сказала Бинафша-ханум, всхлипывая.— Останемся теперь на голом месте! Были бы вы хоть добытчиком, как другие!..

— Не говорите так!— одернул ее Эломонов.— Не к лицу вам подобные разговоры, вы же поэтесса, ханум, а поэзия...

— Да плевать я хотела на вашу поэзию!— перебила

его Бинафша-ханум, еще больше распаляясь.— Вы даже взятки брать не умеете, боитесь!

— Я ничего не боюсь...

— Боитесь! Если бы не боялись, я уверена, тоже брали бы!

Эломонов не поверил своим ушам — так легко было это сказано.

— Да я презираю такое!— закричал он.— Столько лет живу на белом свете, а ни разу не взял чужого рубля, все зарабатывал собственным горбом, все!.. Уж в чем в чем, но в этом вы не можете меня попрекнуть, ханум. Какой я, однако, дурак, что понадеялся на ваше сочувствие — жена ведь, как-никак, еще и стихи о любви пишете!..

Бинафша-ханум ничего не сказала, вышла из комнаты.

В ту ночь они легли порознь, Бинафша-ханум — в спальне, Эломонов — в кабинете. Включив настольную лампу с бумажным колпаком, которую суеверно хранил со студенческих еще времен, он долгое время сидел за столом молча и неподвижно, до онемения в суставах, затем лег, но лампы не выключил. Нестерпимо хотелось плакать. Он и всплакнул, когда в квартире все затихли. Однако Бинафша-ханум не спала, услышав всхлипывания мужа, она толкнула дверь...

— Заперто,— подал голос Эломонов.— Пожалуйста, оставьте меня одного.

— Ну что вы так убиваетесь, Саид-ака,— заботливо сказала жена.— Все еще образуется.

— Это вам показалось,— сказал Эломонов, уткнувшись лицом в подушку.— Простите, ханум, я, кажется, немного простыл...

Бинафша-ханум молча постояла за дверью, затем удалилась, шлепая задниками тапочек. Эломонов затих. Но вскоре он опять услышал шаги.

— Саид-ака...— робко позвала Бинафша-ханум.

— Да...

— Кажется, я что-то не так сказала... Пожалуйста, простите...

— О чем это вы?

— Да вот... насчет поэзии...

— Хотите, чтобы я забыл об этом? Так я вас понял?

— Я сгоряча, Саид-ака... Не дай бог, вдруг вы еще расскажете кому чужому!..

— Успокойтесь, ханум. Посудите сами, как я могу

другим рассказывать такое, честь-то у нас с вами одна.

— Простите, Саид-ака. Я знаю, вы благородный человек. Не обижайтесь на меня, я же не со зла...

— И вы не обижайтесь, ханум, за мое решение уйти с поста, иначе я не мог.

— Вы правильно поступили, Саид-ака, всякий соvestливый человек точно так же бы сделал.

— Спасибо, ханум.

— Просто вы немного поторопились, Саид-ака. Вы честный человек, поэтому мне до слез жалко вас, кому вас еще жалеть, если не мне, жене вашей?..

— Благодарю, Бинафша-ханум.

— Еще не поздно, Саид-ака, может, обратно возьмете свое заявление?.. Мало ли что мы делаем сгоряча, думаю, вас поймут...

Эломонов обеими руками схватился за голову. Хотелось кричать от тоски, но он удержался, стиснул зубы и молчал.

— Согласитесь, Саид-ака,— вкрадчиво продолжала Бинафша-ханум.— Я вам желаю только добра.

Эломонов не ответил.

— Подумайте, Саид-ака.

— Подумаю, ханум,— сказал Эломонов, желая скорей отвязаться от жены.

Бинафша-ханум отошла от двери. Через некоторое время из кухни донеслась пулеметная дробь пишущей машинки. Железная баба, подумал Эломонов, стихи пишет...

На сегодняшний день Эломонов служит редактором многотиражки строителей. Должность совсем маленькая, нулевая, как он ее называет про себя, в сравнении с прежним постом, но зато и забот здесь гораздо меньше. Всю работу делают трое его сотрудников, люди опытные, знающие. Хамракул, самый молодой из них, в полдень каждую пятницу приносит ему на подпись пахнущий свежей типографской краской листок. Эломонов подписывает. Осталась у него старая привычка — вздыхать, подписывая документы. Тогда он уставал от одних только подписей, так много было разных бумаг. Но Хамракул эту его безобидную привычку понимает по-своему, и каждый раз, когда Эломонов вздыхает, он спрашивает:

— Ну что, шеф, опять вспомнили?

— О чем я должен был вспомнить, Хамракулджан?— удивляется Эломонов.

— О чем же еще, конечно, о былых славных временах!— отвечает Хамракул.

— Когда вы наконец научитесь уважать других?— сердится Эломонов.— Вам еще расти и расти, милый мой, вы окончили журфак, самый что ни на есть гуманитарный факультет, а вы себя на шуточки растрчиваете.

— Не хочу я больше расти. Дома головой до потолка достаю — дальше некуда расти.

— Я же не виноват, что так строят,— говорит Эломонов. Он чувствует, что несет чушь, но никак удержаться не может.— Я о росте в другом смысле, Хамракулджан.

— Как не виноваты, когда виноваты?— не унимается Хамракул.— Вы же утверждали проекты?

Эломонов молчит. Получится еще больший абсурд, если он начнет объяснять, что проектами занимался его бывший заместитель по строительству.

— Чутьочку бы изменить характер, и вы стали бы чудесным человеком,— говорит он немного спустя.— Повторяю, вы еще совсем молоды, вам еще расти надо...

— Какой есть, такой и есть. Я не желаю большего, слишком это хлопотно, шеф,— улыбается Хамракул.— У меня к вам просьба. Это на тот случай, если я дам дуба раньше времени. Пожалуйста, не забудьте тогда поместить в газете некролог, мол, Хамракул Каршиев начал с того, что был нормальным человеком, а кончил тем, что стал корреспондентом еженедельного листка. Годится, шеф?

— Не стоит думать о смерти,— отвечает Эломонов как можно спокойней, хотя на душе у него кошки скребут.

Ему не хочется спорить с этим долговязым нахалом. Мысль Хамракула вполне понятна: мы работаем, как негры, а ты, подлец, даром зарплату получаешь!

Эломонов, который в свое время смело разговаривал со многими именитыми людьми, почему-то теряется сейчас перед обыкновенным корреспондентом. И всякий раз, как только Хамракул выходит из кабинета, его начинает раздражать злость, и он поднимает трубку. Товарищ Мухаммад-Шокиров, говорит Эломонов, моя просьба остается в силе, пусть меня отправят агрономом в самый захудалый колхоз, не могу я здесь работать! То-

варищ Мухаммад-Шокиров бесстрастно говорит: вы сперва объясните, товарищ Эломонов, почему это вы там не можете работать? Может, чем помочь? Да стыдно мне перед сотрудниками, товарищ Мухаммад-Шокиров, стыдно делить их честный хлеб! Но товарищ Мухаммад-Шокиров не хочет ему верить: бросьте вы это, товарищ Эломонов, вы же не девица, чтобы смущаться! Столько лет управляли Оазисом, неужто теперь не можете справиться с тремя сотрудниками? В голосе товарища Мухаммад-Шокирова слышится явная насмешка. Эломонов не выдерживает и кричит: да не с тремя, а с одним не могу поладить, остальные двое лучше, но этот один.. Тут товарищ Мухаммад-Шокиров непременно сердится, голос его становится сухим и строгим: вы что, товарищ Эломонов, издеваетесь надо мной? Где мы вам еще найдем такое место, где было бы двое хороших против одного плохого? Не будьте таким неблагодарным, товарищ Эломонов! Поработайте пока, а там, может быть, и придумаем что-нибудь вместе с товарищем Бакировым. Когда придумаете, спрашивает Эломонов, знайте, мне уже свет не мил, товарищ Мухаммад-Шокиров! Уберите меня отсюда, ведь я диплом имею, учился на агронома! К чему такой пессимизм, невозмутимо отвечает товарищ Мухаммад-Шокиров, наберитесь терпения, всему — свой час.

И каждый раз, после очередной пустой беседы, Эломонов проклиняет себя за малодушие, за то, что не послал товарища Мухаммад-Шокирова ко всем чертям. Это и есть последнее мое пристанище, думает он с грустью, дальше уже ничего не будет, и никакой надежды, иначе бы этот Мухаммад-Шокиров, третьестепенный функционер, не смел бы разговаривать со мной в таком тоне. И он вспоминает, как года два назад этот самый товарищ Мухаммад-Шокиров на цыпочках входил в его кабинет — олицетворение почтительности и скромности, с папкой документов, дожидаящихся его, товарища Эломонова, подписи, и сокрушенно качает головой: вот как оно бывает, ведь день-то с днем не сходится!..

Но постепенно он привык к своей новой работе. Переживал, конечно, по-прежнему сильно, но старался не подавать виду. Отношения с подчиненными заметно улучшились. Все трое были женаты, имели детей, жили мирно, работали на совесть. Со временем Эломонов привык и к ершистому нраву Хамракула. Знающие люди

тихо намекнули ему, что парень сам надеялся занять пост редактора многотиражки, а тут он, Эломонов, нагрнул... Узнав крохотную тайну, Эломонов долго не мог избавиться от чувства неловкости перед Хамракулом. Странно устроен мир, думалось ему, Хамракул мечтает об этом месте, а я не знаю, как от него избавиться!..

Правда, здесь его одолевала страшная скука. Особенно тяжело было в первое время. Привыкший к огромному кабинету с не менее огромной приемной, всегда полной народа, теперь он часами сидел в одиночестве, глядя на один-единственный телефонный аппарат на голой поверхности стола. Хоть бы кто позвонил! Нет, телефон молчал — ему уже не звонили. Не оттого ли он не сразу отпускает редких своих посетителей. Сам чувствует, что это глупо, но перебороть себя не может, хочется поговорить, и он задерживает человека чуть ли не силой. И между разговором, боясь, что посетитель станет проклинать его за попусту затраченное время, спрашивает: может, у вас заботы какие, товарищ? Посетитель, разумеется, поблагодарит его и скромно промолчит о собственных заботах. Но Эломонов опять наставляет: а вдруг, мало ли чего?.. Разве найдется в мире человек, кто избавлен от забот? Вот и приходится человеку называть свою заботу... Одному требуется тысяча штук кирпича, другому — кубометр древесины да боченок дефицитной краски, третий не знает, где бы запчастки к машине достать, еще кому-то нужно быстрее оформить пенсию, у четвертого большая мать, которую надо устроить в хорошую больницу... Хотя ни одна из этих проблем не входит в его компетенцию, Эломонов помогает посетителю как может. Ему нравится помогать людям, он весь цветет, когда ему удастся это сделать. Эломонову еще не смеют отказывать — механизм прежнего авторитета пока срабатывает по инерции. В таких случаях посетитель, минуту назад изнывавший от его нудной и нескончаемой любезности, принимается благодарить: спасибо, Саидмурад-ака, спасибо товарищ Эломонов, за вашу доброту и бескорыстную помощь! Эломонову лестно слышать такие слова, и он, смущенный, но очень довольный, отмахивается от похвал: незачем благодарить, ведь это такая ерунда, пожалуйста, заглядывайте почаще, посидим, поговорим...

Естественно, такие люди не могут не заходить к Эломонову хотя бы из чувства признательности. Они и

заходят, беседуют с ним, играют в шахматы, утешают и, сами того не замечая, начинают его любить.

Многотиражка принадлежит строительному объединению. Это, пожалуй, самая большая организация во всем Оазисе, насчитывающая в своем штате пятьдесят тысяч рабочих и служащих. Руководит объединением Чоршанбиев, молодой энергичный человек. Его любят за скромность. Дел у руководителя невпроворот, но и о газете он не забывает, помогает, чем может. Условия в редакции самые наилучшие. Однажды Бинафша-ханум пришла посмотреть новое место работы мужа. Увидев его довольно просторный кабинет, обставленный новой мебелью, с двумя мощными кондиционерами на двух широченных окнах, она была немало удивлена:

— Недурно,— сказала она.— Вроде и шторы новенькие.

— Совершенно новые,— подтвердил Эломонов.— Не хватает только приемной и секретарши. Но, с другой стороны, это даже к лучшему, не будете ревновать меня, ханум.

— Еще чего!— рассмеялась Бинафша-ханум.— Я вас никогда не ревновала.

— И правильно,— сказал Эломонов, хотя в душе немного и обиделся.

— А где же посетители?— спросила не без усмешки Бинафша-ханум.— Где теперь те люди, которые толпились перед вашей дверью? Подхалимничают перед другим?!

— Ханум,— возразил Эломонов,— здесь другой масштаб работы, очень узкий круг вопросов, потому и посещают меня не часто.

— При чем тут какие-то масштабы,— сказала Бинафша-ханум, морщась от досады.— Скажите проще: перевелась людская благодарность. В свое время вы мне все уши прожужжали — интересы масс, интересы народа!.. Где же ваш народ?

— Те, кто раньше толпился в моей приемной, они еще не народ, ханум, а всего лишь кучка... этих...— Эломонов никак не мог подобрать подходящее определение...— Ну, этих... блюдолизов!..

— Отшучиваетесь?— скривилась Бинафша-ханум.— Другой бы на вашем месте заплакал!

— Вполне может быть,— бодро ответил Эломонов и солиднее устроился в кресле, как в былые времена.— Но это другой бы, ханум... А я... Теперь уже поздно

жалеть о чем бы то ни было. Критика была правильной, я ее полностью признал и, слава богу, терпел, не умер еще... И дальше буду терпеть.

— У вас не осталось ни капельки гордости, Эломонов!

Эломонов ничуть не обиделся, продолжал улыбаться. Бинафша-ханум еще минут пять просидела сердитая, но разговор не клеился, и она удалилась — спешила на радио, читать свою новую поэму. Как только жена вышла из кабинета, Эломонов начал смеяться вслух. Такое случилось с ним впервые с тех пор, как он ушел с прежнего поста. И действительно, подумал он весело, будто сго это вовсе и не касалось, действительно, как еще можно попристойнее назвать тех бездельников, которые увивались вокруг меня в те времена, ведь они так нагло лезли, лизали, облизывались и при этом сладко жмурились! Где они теперь! Исчезли? Не-ет, их не истребишь! Они живучи! Эти лизоблюды теперь морочат голову другим, тем, кто пришел после тебя. Но как скажешь об этом, подумают еще — вот, мол, сукин сын, наскипидарили ему, а теперь он в отместку бог весть какую чепуху городит про честных людей!.. Если бы не это, можно было бы составить длинный список лизунов и вручить тем, чьи пятки нынче в большом почете! С другой стороны, нельзя винить тех, на кого молятся теперь бывшие друзья, ведь я и сам в свое время верил лишь официальным спискам, и мне никто не говорил истинного мнения о том или другом субъекте. Тысячу раз прав оказался Раим Хайбаров, я был всего лишь воробышком, а метил на орлиную высоту, да крылышки подвели!..

Месяца два назад Чоршанбиев, то ли кто сверху подсказал, то ли по собственному разумению, вызвал Эломонова и дал ему новую «Волгу». Эломонов прекрасно знал, что в объединении таких машин пруд пруди, минимум десяток автобаз имеется, но все-таки жест молодого начальника он расценил как оскорбление, он весь покраснел, хотел отказаться, отказаться резко, без обиняков, мол, не докатился я еще до того, чтобы при жалкой многотиражке разъезжать на персональной машине, но... не отказался, принял все же «Волгу». То ли побоялся обидеть своим отказом молодого начальника, который ему нравился, то ли захотелось улучшить отношения с женой — сам черт не поймет этих женщин, а вдруг Бинафша-ханум дуется из-за машины, которую у него

отобрали, ведь на машине-то большей частью разъезжала она по своим редакциям.

И вечером того дня он впервые за последний год вернулся домой на «Волге». Легкий ветерок приятно охлаждал лицо. Сидя на заднем сиденье, Эломонов весь расслабился и позабыл о недавней неловкости перед молодым начальником. Когда машина свернула на улицу, где он жил, Эломонов весело приказал шоферу:

— Посигнальте, Кулмухаммадбай, в нашей махалле много детей.

Кулмухаммад не заметил на улице никаких детей, но взрослые там были. Он понял своего начальника и весело воскликнул:

— Посигналим, Эломонов-ака, уж это-то мы как-никак умеем! Вот как мы посигналим!.. Теперь длиннее!.. А теперь еще длиннее-е-е! Прекрасно!.. Смотрите, Эломонов-ака, пешеходы рассыпались, словно курицы!..

И сам Эломонов — да простится ему такая слабость! — рассмеялся от души:

— Живите тысячу лет, Кулмухаммадбай.

К сожалению, Бинафша-ханум не увидела, как они лихо подкатили к подъезду. Эломонов отпустил шофера и поднялся на свой этаж. Желю застал в кабинете. Грызя карандашик, она обдумывала новое стихотворение.

— Что за шум несусветный? — сердито спросила она, не отрываясь от бумаг. — Что, не могли призвать таксиста к порядку? Или этот придурок не знает, что за люди живут на этой улице?

— Это был не таксист, — улыбнулся Эломонов. — Это Кулмухаммад, двадцать четыре — двадцать четыре.

Бинафша-ханум с интересом взглянула на мужа и чуть смягчилась:

— Вы на чьей машине приехали, Саид-ака? Номер вроде знакомый.

— На своей персональной, — ответил Эломонов. — На службе выделили.

— Скажите, какая щедрость! — не поверила Бинафша-ханум. — А служите вы где, все еще там или за день успели продвинуться?

— Служу там же, — сказал Эломонов. — Там и дали машину.

Бинафша-ханум почему-то не обрадовалась этой новости.

— Экая несправедливость! — сказала она, захлопнув

свою толстую тетрадь.— Нам, бедным, никто не выделяет машины.

— Зачем вы так?..— смущенно ответил Эломонов.— Ведь это все равно, что вам дали... Вместе будем разъезжать.

— Странно!..— сокрушенно покачала головой Бинафша-ханум.— Ведь и мы работаем не меньше вашего...

— Ну это, ханум, зависит от того, какой размах у каждой организации. У строителей иные условия, иные возможности. Думаю, ваши сравнения не совсем уместны.

— Не нравится?— вспылила Бинафша-ханум.— Я вам сказала правду. На казенных машинах разъезжают те, у кого вес и положение.

— Не знаю, как насчет положения,— шутливо возразил Эломонов,— но вес я свой сохранил прежний.

— Ладно уж,— улыбнулась Бинафша-ханум, сменив гнев на милость.— Раз дали, пользуйтесь на здоровье. Да и мне машина нужна будет.

— А не лучше ли вам ездить на «Жигулях»,— не выдержал Эломонов.— Уже два года, как перегнали к своей матери и поставили на прикол. Новая машина, даже смазка еще не сошла...

Бинафша-ханум на миг растерялась, но только на миг, и громко засмеялась:

— Вы что, Саид-ака, сердитесь?.. Ведь машина принадлежит Сабирджану. Вот вернется сын из-за границы, сам будет на ней ездить.

— Сабиру нетрудно будет купить собственную.

— Сама знаю,— сказала Бинафша-ханум.— Я думала дать «Жигули» в приданое дочери, только вы никому не рассказывайте, пока это тайна!..

— Вы сперва ей мужа найдите!

— Муж найдется,— ответила Бинафша-ханум.— Чем наша дочь хуже других? Красотой бог не обделил, умна, воспитанна, до диплома один шаг... И по-узбекски умеет говорить.

— А я, дурак, не знал, что знание родного языка стало достоинством!— съязвил Эломонов.— Но, ханум, произношение у вашей дочери просто дрянь.

— Можно подумать, что вы враг собственной дочери!— заметила Бинафша-ханум.

— А сами-то вы что за чепуху несете?— рассердился Эломонов.— Откуда у вас точные планы, приданое, машина?.. Вдруг жених уже имеет машину?

Бинафша-ханум рассмеялась.

— Какой же вы, однако, скупой, Эломонов!— воскликнула она.— Ладно, так и быть, машину мы себе оставим, сами будем разъезжать, хотя... Я уже закончила новую пьесу, «Капризная невеста» называется. «Невесту» отдам самаркандскому театру. А здесь наш сосед Пулатов собирается ставить мои «Струны сердца». Так что спокойная старость вам обеспечена, мой принц. Хотите, я вам куплю «Волгу»?

— Я не умею водить машину, ханум,— сказал Эломонов.— Если честно, нам следовало бы немного помогать близким. У меня родственников уже не осталось, у вас они есть. Отдайте часть своих гонораров братьям, двое из них еще не женаты, пускай на свадьбу потратят, дом себе обставят.

Бинафша-ханум задумалась.

— Тогда «Жигули» придется обратно взять,— сказала она.

— Делайте как хотите, тем более, они ею не пользуются. Но, ханум, еще раз повторяю, я совсем не умею водить машину.

— Это совсем не обязательно, наймете шофера.

— При теперешнем моем положении? Ведь смеяться будут, ханум!

— Какой вы, однако, щепетильный, Эломонов!— фыркнула Бинафша-ханум.— Ладно, я сама буду водить.

— Это еще можно,— облегченно вздохнул Эломонов.— Вы еще можете научиться, ханум, мне уже поздно, надо было в молодости...

— Действительно, вам уже поздно,— согласилась Бинафша-ханум.— Я еще успею. Ведь я моложе вас на десять лет.

Эломонов густо покраснел, заподозрив в словах жены скрытый намек. Так уж получилось, что он после всех скандальных историй, инфаркта и прочих неприятностей вот уже около года не прикасался к жене. Если подумать, он вроде и забыл об этой стороне супружеской жизни. Каждый вечер возвращается нервный, недовольный, усталый скорее от своей бездеятельности, нежели от работы. Наспех поужинав, садится перед телевизором, сидит до одурения, осталась давняя привычка следить за событиями, никак не может отучиться, хотя сознание собственной причастности к происходящему давно уже улетучилось. Остался от того сознания разве что легкий дымок. Досмотрев последний выпуск

новостей, он плетется в спальню, коснется головой подушки и тут же засыпает мертвецким сном. Благо, у Бинафши-ханум есть занятия поважнее, иногда она до рассвета засиживается в кабинете над своими стихами и пьесами, пишет, печатает... Надо бы бегом заняться, подумал Эломонов, вон Пулатов, сосед, каждое утро бежит за два квартала, зимою в проруби купается, здоров как бык, щеки красные, словно гребешок петуха, да и с женой у него отношения куда лучше...

Часы пробили одиннадцать. Эломонов все еще лежал в постели, думал. Наконец он пришел к выводу, что надо действовать, не к лицу ему засиживаться в редакции многотиражки, вот работать в сельхозуправлении — другое дело, как-никак, он ведь агроном. На товарища Мухаммад-Шокирова надеяться не приходится, лучше вручить заявление об уходе Чоршанбиеву и обратиться к Бакирову ему самому, минуя всяких там товарищей мухаммад-шокировых, небось, не откажет? Разумеется, попросить надо с достоинством, просто и прямо: мол, работа эта не по моей части, дайте другую, по специальности... Вообще, было бы неплохо вернуться навсегда в Галатепе. Но об этом можно лишь мечтать — Бинафша-ханум ни за что не согласится покинуть город. Будь она педагог или врач, легче бы нашлась работа в кишлаке, а так — поэтесса, драматург... Нет, Бинафшу-ханум не уговоришь, она не из тех женщин, кто за мужем и в огонь и в воду пойдет. Прошла молодость, угасла любовь, этот бесценный дар... Но если подумать, любовь оказалась нужнее в поздние лета. В молодости ты ни о чем не думаешь, ты любим, ты силен, мир так светел, а жизни конца-края нет, кругом одни цветочки, ни одной колючки, томные глаза, медоточивые уста... Кто ты, чей ты сын, с кем и куда идешь — эти вопросы, кои веками были основой основ человеческого бытия, никак не вяжутся с молодостью, они рождаются, когда ты почти прожил жизнь, когда уже отчужден от родного очага, отчего края. Теперь лишь тело твое принадлежит Галатепе — больше ничего. Настанет день, и то, что было тобой, односельчане повезут на родину, чтобы предать земле рядом с могилой отца. Это святой их долг...

Не получилось у нас семьи, подумал Эломонов с грустью, такой семьи, в которой я родился и какую видел в детстве у своих друзей, семью, где были одни интересы и одна честь для всех ее членов. Семья должна

читать единый закон, с двумя законами — это уже не семья, а некий сосуд, треснувший и побывавший в руках лудильщика, где заклепками — общая кровля, общий дастархан, общие доходы и общие дети... Кто-то да должен уступить другому. Раньше я хотел, чтобы все было по-моему, а где и уступал, то с видом этакой широкой натуры, теперь я уже во всем уступаю, но только не знаю, кому я уступаю, за какие заслуги, и вообще, кто она такая, Бинафша-ханум, с которой я прожил вместе целых двадцать пять лет, ведь я ее так и не раскусил до конца, видать, для того чтобы понять жену, мало знать, сколько родинок на ее теле!..

Часы пробили половину двенадцатого. Эломонов взял с тумбочки телефонный аппарат и прямо в постели набрал номер гаража.

— Мавлонбек, это вы?.. Как ваше здоровье, как дети, старики?.. Вас беспокоит Эломонов. Пожалуйста, выйдите ко мне Кулмухаммада.

Диспетчер, кажется, был не в духе и ответил недовольным голосом:

— Уже два часа, как ваш Кул¹ выехал из гаража. Наверное, левачит по дороге.

— Стыдно, Мавлонбек!— рассердился Эломонов.— Не смейте называть человека рабом! И я не рабовладелец, к вашему сведению!

— Что вы, товарищ Эломонов, это вас вовсе не касается,— прохрипел диспетчер.— Это мы любя так называем, длинное у него имя, вот и приходится сокращать... Наверно, гоняет по городу, на чай зарабатывает...

— Неужели?..— сказал Эломонов, затем, чуть подумав, решил защитить своего водителя.— Э, да я забыл, Мавлонбек, ведь вчера я сам разрешил ему отлучиться часа на два, кажется, у него какой-то родственник жепится. Память у меня неважная стала, Мавлонбек. Вы не знаете, бак у него хоть полный?

— Не могу знать,— ответил диспетчер, затем, перебросившись с кем-то несколькими фразами, сообщил:— Говорят, до горла подзаправился, Сандмурад Замонович. Что, дальняя поездка?

— Это я на всякий случай,— сказал Эломонов.— Ладно, будьте здоровы, Мавлонбек.

Он поставил аппарат на тумбочку. Решил при возможности слегка пожурить Кулмухаммада за опоздание,

¹ Игра слов: «кул» означает «раб».

но, чуть подумав, отказался от этой мысли: нет, нельзя его ругать, в семье у него целых одиннадцать душ, сам и жена не в счет, она дома с детьми занята, он весь день за рулем. У иных шоферов доходы куда лучше, у них план, рейсы, всякие там тонно-километры... Откуда взяться деньгам у персональных водителей, другое дело, если бы им давали премии за то, что возят жену начальника по базарам не один, а два раза в день.

Эломонов вскочил с постели, потянулся. Сделал несколько приседаний. В коленных чашечках проснулась легкая боль, которая тут же прошла. Затем он прошел в ванную и побрился. Увидев на груди несколько седых волосинок, загрустил. Быстро же бежит время, подумал Эломонов, будто вчера был юношей, будто вчера!.. Хотел было взять пинцет, который жена забыла на полочке, но удержался, протянутую руку положил на грудь и сильно помассировал — к черту, все равно назад возврата нет! Минут пять простоял под душем, надев на голову резиновый колпак. Шум воды действовал успокаивающе, грусть его отошла, и он начал тихонько мурлыкать, пока не перешел на старинный напев:

Айтгил, гўзал Санобар, қаер турар маконинг,
Фарғона ё Тошкент, Қуқонми — ошёнинг?..¹

Дважды он повторил этот бейт, пока, наконец, не воскликнул про себя: надо же, брат Эломонов, вон куда тебя занесло! Сколько бейтов знал, даже в школьной самодетельности участвовал, до войны еще было, давно перестал петь... Жаль, что этот бейт не спел в свое время Бинафше-ханум, тогда я не знал ее настоящего имени, все ее звали Бинафша, Бинафшахон, Бинафша-ханум, и в печати она выступала как Бинафша, а звали-то ее на самом деле Санобар, узнал я это лишь в загсе, когда подали заявление. Мать ее зовет чуть по-другому — Санавар, но ей самой это имя не нравится, оказывается, Санобар созвучно с самоваром, наверняка так в школе ее и дразнили, и у нас в школе была Санобар, так ребята не давали девчонке покоя: «Санобар сидит у самовара, Санобар пьет из самова-

¹ Скажи, Санобар-красавица,
ты родом откуда?
Ты рождена в Фергане иль Ташкенте,
иль, может быть, ты из Коканда?

ра...» А так имя очень древнее и хорошее, и смысла оно хорошего, санобар, сарв, кипарис, стройное имя, оно бы очень шло Бинафше-ханум. Тогда ее привел ко мне Имам Ходжаев, лысый поэт с лицом младенца, представил... Бинафша, сказала она и подала руку. Эломонов, представился я, и тоже подал руку. Мне очень понравилась ваша декламация, Бинафшахон, сказал я ей, вы хорошо читали, позвольте же теперь узнать, откуда вы родом? Она в ответ улыбнулась: скажите сперва вы, Саиджан-ака. Оказалось, она меня знала по имени. Я немного растерялся, хотел было назвать свой кишлак, но подумал про себя, откуда, мол, знать такой красивой девушке забытое богом Галатепе, оно ведь не было указано ни на одной карте, даже самой крупномасштабной. Это потом, когда я уже занимал посты, все разом заговорили о нем, вплоть до Мурада из соседнего Джама, который не смог доучиться на философа и утешился тем, что занялся описанием галатепинцев, часто путая их со своими односельчанами. Но тогда Галатепе не было столь известным, потому я назвал самый близкий к нему город: я родом из Каттакургана, Бинафшахон. О, тогда мы с вами земляки, Саиджан-ака, воскликнула девушка, мои Хатирчи совсем рядышком, странно, что мы до сих пор не встретились.

На душе Эломонова посветлело от воспоминаний. Боже, как здорово было в те годы, когда они катались на лодке по лунной глади озера, гуляли по берегу реки — опять при луне. Да и не только при луне, были и темные аллеи городских парков, где Бинафша читала ему свои стихи, читала долго и упоенно, прерывая чтение лишь на те мгновения, когда она позволяла Эломонову поцеловать ее, только в щечку...

Кажется, я сам стал мнительным после ухода с поста, подумал он, незачем сваливать всю вину на Бинафшу-ханум, ведь и у нее забот своих хватает, работа у нее действительно трудная, умственная. Раньше Эломонов как-то всерьез и не воспринимал писательское занятие, но теперь, изрядно прожив рядом с поэтессой, понял, что оно вконец изматывает душу. Бинафша-ханум часто жалуется на сердце. Эломонов призывает ее пожалеть себя — ну зачем так терзать себя, ханум, нельзя так много писать, оставьте и на завтра. Но Бинафша-ханум его не слушается, продолжает писать до тех пор, пока не падает на диван в полном изнеможении, схватившись за сердце.

Надо беречь друг друга, подумал Эломонов и решил впредь быть повнимательней. Исполненный этого благородного чувства, он поискал глазами, чем бы вытереться. Все полотенца лежали в корзине нестиранные. Но Эломонов не стал расстраиваться, опять оправдал жену вечной ее занятостью. Весь мокрый, он прошел в спальню, достал из шкафа чистую простыню, расстелил на тахте, затем лег и, ухватившись за краешек простыни, покатился на другой конец тахты и оказался обмотанным с ног до головы, словно запеленатый младенец. Эломонов засмеялся от удовольствия. Вот мы и вернулись в младенчество, брат Эломонов, сказал он вслух, ни рукой, ни ногой не двинуть, и как только ребенок терпит такое, хотя, если подумать, ребенку гораздо легче—ведь младенцу еще не ведома жизнь без пеленок, откуда ему знать цену свободы и движения!

Эломонову стало забавно от подобных мыслей, и он громко рассмеялся. Смеясь, покатился обратно и высвободился из «пеленки». Подобрал более сухой конец простыни и начал вытирать лицо.

Через полчаса он вышел на улицу. Снег усилился, бил косо, подгоняемый ветром, и Эломонов поднял воротник пальто. У дома он увидел соседа Буюка Пулатова, который разогревал мотор своей машины.

— Может, подбросите, сосед?— крикнул Эломонов.

— Э, товарищ Эломонов, как же иначе?— ответил Пулатов.— Вас и дожидаемся!..

— Кулмухаммад что-то опаздывает,— сказал Эломонов, подойдя к соседу.

— С таким шофером надо немедленно расстаться, товарищ Эломонов,— строго сказал Пулатов.— И часто он так?

— Нет, обычно он точен. Да и человек вроде неплохой...

— Я пока сам вожу свою служебную,— сказал Пулатов.— Трех водителей сменил, неважные оказались ребята. Теперь жду, может, четвертый окажется более или менее порядочным...

— Это вы зря, Буюкджан,— покачал головой Эломонов.— Теперь вам дадут «штрафника».

— Как?— не понял Пулатов.

— Очень просто. Вам не следовало так часто менять водителей. У них есть такой уговор, Буюкджан, тем, кто их часто меняет, они посылают самого упрямого и ле-

нивого водителя. Это как бы в наказание за вашу чрезмерную разборчивость.

— А я откажусь,— сердито сказал Пулатов.— Не нужен мне никакой «штрафник», я сам буду водить!..

— Не стоит самому, Буюкджан. Я попробую поговорить с директором автопарка.

— Вас он послушается?— недоверчиво спросил Пулатов.

— Думаю — да.

— Что мы стоим, товарищ Эломонов, садитесь,— засуетился Пулатов.— Сейчас мы мигом доставим вас на работу.

Эломонов сел в машину.

— Вижу, вы хорошо выспались, товарищ Эломонов,— сказал Пулатов, когда они выехали на большую дорогу.— Выглядите свежим. Вообще, бесподобная у вас работа, товарищ Эломонов, а не завалилась у вас еще одна штатная единица?

— Нет, Буюкджан, не стоит моя работа вашей мечты, уж очень скучно,— смеясь, ответил Эломонов.— Я вижу, вы и зимою ходите в тюбетейке, Буюкджан, разве не холодно?

Пулатов, держа руль правой рукой, левой рукой снял тюбетейку, положил ее рядом, почесал лысую макушку, затем водрузил тюбетейку вновь на голову.

— Холод нас боится, товарищ Эломонов,— сказал он весело.— Даже в Сибирь на гастроли ездил в тюбетейке, в самые январские морозы! Все артисты были в шапках, а я — в тюбетейке! Тамошние люди рты разинули, особенно — женщины! Чуть не умерли от восхищения, все в один голос говорили: «Ну и темперамент у вас, Буюкджан!»

Эломонову не понравилось, что Пулатов в Сибирь ездил в тюбетейке.

— Врите, Пулатов, но в меру,— сказал он.— Так уж вам и сказали — «акаджан»!

— Профессия у нас такая, товарищ Эломонов, не можем без гиперболы,— улыбнулся Пулатов.— Вообще-то, я в самом начале был юмористом. А юмор, как понимаете, не обходится без преувеличений. Никто не любит открытую критику. Писал юморески, разные миниатюры, рассказы... Потом, как вам уже известно, перешел целиком на пьесы.

— Наверно, это более спокойный жанр?— предположил Эломонов.

— Трудный жанр, товарищ Эломонов, хоть и спокойный, но очень трудный, особенно, когда дело касается артистов. Они — народ упрямый, своенравный, нужно иметь железные нервы, чтобы удерживать их в правильном русле. Много у них всякой отсебятины, а я никак не могу допустить подобное неуважение к искусству. Какой толк от того, что ты пишешь пьесы, если исполнители норовят порвать ожерелье из твоих слов, над которыми ты трудился бессонными ночами? Я очень строг, товарищ Эломонов, когда дело доходит до чистоты текста.

— Вы очень складно говорите, Буюкджан,— сказал Эломонов.— Жаль, что я не очень-то понимаю ваши заботы.

— Надо почаще ходить в театр,— заметил Пулатов.— Раньше вы ходили, теперь совсем перестали.

— То было по долгу службы, Буюкджан.

— Скоро поставим пьесу вашей супруги, непременно приходите.

— Если найду время, то обязательно...

— Было бы желание, товарищ Эломонов, а время всегда найдется. Кстати, тут разные слухи ходят, будто вас опять повесить собираются... Это правда?

— Ложь, разумеется,— ответил Эломонов с напускным безразличием.— Где вы только успели услышать такую чушь, Буюкджан?

— В театре, где же еще,— сказал Пулатов.— Только там и услышишь все новости.

— Хе!— скептически бросил Эломонов, а у самого по всему телу пробежала сладостно-щемящая волна.— Разве мертвые воскресают, Буюкджан!

— Ну это как понимать, товарищ Эломонов. Говорят же, один мертвый лев лучше тысячи живых мышей.

— Он же мертвый, Буюкджан.

— Откуда вы знаете,— улыбнулся Пулатов заговорщически,— может, он просто притворяется?

— Наверняка врут,— робко заметил Эломонов, боясь спугнуть шевельнувшуюся было надежду.

— В театре ничего зря не говорят, товарищ Эломонов.

Пулатов замолчал. Эломонов беспокойно ерзал на месте, словно его посадили на раскаленные угли. Хотелось порасспрашивать еще, но он не решился, а вдруг этот Пулатов вздумал подшутить над ним? Спокойней, сказал Эломонов себе самому, ты уже не юнец безусый,

испытал, как горек сей мед!.. Сказать это сказал, но успокоиться никак не мог. Он еще раз подозрительно взглянул на Пулатова: вид у того был вполне серьезный — ни тени усмешки. Конечно, он мне не очень по душе, рассудил Эломонов, но человек вроде совсем не вредный, уже лет двадцать сидит в директорском кресле, а не успел заразиться театральными замашками, ходит в тюбетейке, да и нрава вроде безупречного, во всяком случае, я еще не слышал, чтобы Пулатов имел любовницу...

Выходит, он сказал правду?

То ли от белизны свежего снега, то ли настроенне у него было к тому подходящее, улыцы показались Эломонову светлыми, праздничными. И люди красивы, особенно — женщины, в белых пуховых шалях, катившие детские коляски. Казалось, они не шли, а легко парили в воздухе. На них Эломонов смотрел с нежностью, глаза его увлажнились от умиления, и ему на миг показалось, что он видит наяву пухлых младенцев-мальчиков, укутанных в такие же теплые белые шали, какие были на головах их матерей. Почему именно мальчиков, он не смог бы ответить.

Когда они свернули к зданию строительного объединения, Пулатов опять заговорил:

— Теперь, если понадобится, и нам протянете руку помощи.

Эломонов ничего не ответил. В другое время он непременно одернул бы Пулатова, мол, что вы, друг мой, подмазываетесь? Но на этот раз промолчал. После услышанного Пулатов казался ему самым сведущим человеком в мире.

Машина остановилась у парадного подъезда объединения. Пулатов вылез из машины первым, помог выйти и Эломонову. У входа за маленьким столиком сидел старик-вахтер. При виде Эломонова он встал:

— Вас спрашивали, раис-бобо.

— Кто спрашивал?

— Не могу знать. Выпросил у меня ключ, теперь сидит в вашем кабинете. Я ему заварил чай. Говорит, по важному делу...

Эломонов ускорил шаги. Приближаясь к концу длинного коридора, где находилась редакция многотиражки, почувствовал, как бешено колотится сердце. Кто же ко мне мог прийти, думал он, вдруг это какой-нибудь ответственный товарищ с важной вестью?.. Он подошел к

своему кабинету, остановился, придал лицу беззаботный вид и решительно взялся за ручку. Открыл дверь и замер от удивления — в его кабинете, в легкой чалмесимаби, в тонком без подкладки халате поверх чего-то основательно теплого, в новых блестящих ичигах и гаялошах, весь такой чистенький и благообразный... сидел Ибодулло Махсум! Сидел и чай пил. Когда дверь открылась, он спокойно повернулся.

— Ты что, окаменел, Саидбай?— спросил он.— Или не хочешь меня признавать?

— Здравствуйте, Махсум-ака,— сказал Эломонов, краснея.

Ибодулло Махсум встал и подошел к нему. Обнялись по-мужски крепко.

— Как твоё здоровье, Саидбай? Как дети? Все живы-здоровы?

— Спасибо, Махсум-ака. У меня все в порядке. Как вы сами-то, как в Галатепе?

— Что с нами делается! Почтенный Хуччи передает тебе привет.

— Спасибо ему, пусть еще сто лет проживет.

— Это он отправил меня послом, Саидбай, с добрыми полномочиями.

— Очень хорошо, что с добрыми полномочиями,— ответил Эломонов ему в тон.— Что вы стоите, садитесь, Махсум-ака.

Ибодулло Махсум сел. Эломонов снял пальто и шапку, спрятал их в шкаф, затем взял стул и уселся рядом с гостем.

— Не могли сразу ко мне домой приехать?— спросил он с легким упреком.

— Мог, да не смог,— ответил Ибодулло Махсум.— Ты, конечно, извини, но я жены твоей немного побаиваюсь.

Эломонов сделал вид, что не расслышал.

— Добро пожаловать,— сказал он, все еще улыбаясь.— Каковы же ваши добрые полномочия, может, дела какие?

— Ну вот, сразу о делах!— воскликнул Ибодулло Махсум.— Или государственные люди ни о чем другом не могут говорить?

— Это вы зря, Махсум-ака, в те дела мы уже не вмешиваемся,— сказал Эломонов.— Теперь вот здесь... Работа спокойная.

— Эту твою новую работу я бы сам не нашел,— за-

метил Ибодулло Махсум, оглядывая кабинет.— Ташпулат помог, дай бог ему счастья.

— Какой Ташпулат? Не Хайбарова ли сын?

— Он самый, старший сын Хайбарова. Сам он не согласился остаться, пришлось отпустить.

— Мог бы и остаться,— обиделся Эломонов,— давно мы с ним не виделись. Ташпулат, мне кажется, излишне упрямый парень, боюсь, как бы это ему не повредило.

— А ты не бойся, Саидбай. У них в роду все такие: упрямые, но справедливые. Мне показалось, Ташпулат не хочет тебя видеть. Может, ты чем обидел его? Глупость какую сказал?.. Ну, тогда, когда ты был еще наверху? Подумай, Саидбай. Как-никак, Назар Махмуд приходится тебе дальним родственником, такое вполне могло случиться!..

— Нашли с кем сравнивать,— шутливо отмахнулся Эломонов.— Что, нет у вас на примете другого хвастуна?

— Зачем далеко ходить, Саидбай,— не унимался Ибодулло Махсум.— Родня он тебе или нет? Ветви хоть и разные, но древо-то одно?

— Страшно вы рассуждаете, Махсум-ака. Давайте вернемся к Ташпулату, уж его-то я никогда не обижал.

— Не стоит грустить, Саидбай, всем мил не будешь. На, лучше чаю выпей.

Эломонов взял пиалу с чаем, хлебнул разок из приличия и поставил на краешек стола. Ибодулло Махсум с минуту внимательно разглядывал его, затем спросил:

— Ты что, Саидбай, решил разбогатеть? Смотрю, костюм твой вроде совсем обносился?

— Что вы, Махсум-ака,— ответил Эломонов, краснея.— Никогда за собой не замечал желания разбогатеть.

— Я вот сейчас подумал, ты и раньше, когда еще был на коне, лучше не одевался...

— Руководителю скромность не помешает,— смущенно объяснил Эломонов.— Ведь люди ему во многом подражают.

— К чему теперь излишняя скромность, когда тебя уже скинули с поста?— спросил Ибодулло Махсум.— Теперь-то ты можешь получше одеваться. Вон твоя жена, как она наряжается, каждую неделю видим ее по телевизору, учит наших дочерей, как подобает вести себя!..

— У женщин чуточку по-другому,—засмеялся Эломонов.

— Ладно, не оправдывайся, Саидбай,—махнул рукой Ибодулло Махсум.— Это я так, к слову... Значит, мы там, в Галатепе, готовим большой той. Потому-то я и здесь, приехал тебя пригласить.

— Поздравляю,—сказал Эломонов без особого энтузиазма, затем почувствовал, что нужно бы улыбнуться, и улыбнулся.— Поздравляю, Махсум-ака. Хорошее дело задумали. Раз вы готовите той, нам остается потуже подпоясаться и быть у вас на торжестве. Скажите, чем помочь?

— Нет, Саидбай, мы не собираемся прыгать выше головы. И заботы наши соответственные, такие, что стыдно взваливать на плечи других. Просто я приехал тебя пригласить. Вчера еще приехал, переночевал у Ташпулата, сам знаешь, отец его умер, надо было заполнить его согласие на наш той, поскольку он самый старший среди сыновей покойного.

— Так Хайбаров года три назад умер...

— Ты не понял, Саидбай,—сказал Ибодулло Махсум.— Такие люди, как покойный Раим, стоили того, чтобы по ним сто лет траур держали. Ты тут в своем городе не знаешь, сколько хороших людей не стало в Галатепе. Недавно пастух Хасан скончался...

— Жаль... Бедный Хасан-ака... Он так и не женился?

— Не женился. Саидбай. Никого он не оставил после себя. У младшего брата шестеро детей, слава богу, они хоть скрасили его последние дни. Скоро и мы уйдем, вот почему я приехал к тебе. Надо почаще бывать в Галатепе, а то молодежь может и не узнать тебя, когда нас не станет.

— Значит, почтенный Хуччи сперва приглашает тех, кто в трауре?

— Те, кто в кишлаке, они уже дали свое согласие на той. Остались двое — ты и Ташпулат. Тетя твоя хорошая была женщина, тебя вот вырастила...

— Я скоро приеду в кишлак, Махсум-ака. Надо справиться годовщину ее смерти. А вы пока скажите почтенному Хуччи, что Саидмурад всегда желал ему добра, пусть начнет и довершит той благополучно. Где жизнь, там и смерти не миновать, нельзя, чтобы доброе дело приостановилось из-за меня.

— Нет, Саидбай, так не годится,—запротестовал

Ибодулло Махсум.— В субботу сам приедешь с Ташпулатом на пиалу чая к почтенному Хуччи.

— Ладно,— согласился Эломонов. Согласился и тут же вспомнил, что обещал жене съездить вместе в Хатирчи, к ее родственникам, но почему-то не испытал особого желания ехать туда.— Ладно, Махсум-ака, непременно приедем. Ждите нас в субботу. Кстати, у самого у вас никаких просьб?

— Лишь бы ты сам был жив да здоров, этого мне достаточно, Саидбай.

— Пожалуйста, Махсум-ака, говорите смелее... Может, вы внукам своим дом строите? Могу помочь со стройматериалами, все по закону, по своей цене...

— Полно, Саидбай, не морочь себе голову такими пустяками,— сказал Ибодулло Махсум.— Мы уже постарели, если нам что и нужно, так только две крепких жерди для носилок, чтобы отправить в последний путь.

— Нет, Махсум-ака, нельзя говорить такое!— возразил Эломонов.— Вы еще долго будете жить. Не дай бог, конечно, но если вдруг заболите, то приезжайте прямоком ко мне, покажу самым лучшим врачам.

— Спасибо, Саидбай, на добром слове. Но и у нас хорошие доктора, все свои, галатепинские, и взятки они не берут.

Эломонов хотел было возразить, мол, и тут, в городе, никто не берет взятки, но не успел — в кабинет шумно ворвался Кулмухаммад.

— Мы уже здесь, Эломонов-ака!— крикнул он с порога.— Можете повелевать, как только душа ваша пожелает!..— вдруг он заметил гостя.— А-а, Махсум-бобо!— воскликнул он радостно, подошел к Ибодулло Махсуму и стал трясти его руку.— Хорошо выглядите, Махсум-бобо.

— Не жалуясь,— улыбнулся Ибодулло Махсум.— Есть в тебе что-то от Нурума Крикуна, часом не племянник?

— Зачем вам племянник Нурума Крикуна, когда перед вами родной его сын!— ответил Кулмухаммад и хлопнул по плечу Ибодулло Махсума.

— Не знаю, как с умом, но с силушкой у тебя все в порядке,— заметил Ибодулло Махсум смеясь.

Эломонову стало стыдно за выходку Кулмухаммада. Столько водителей он видел на своем веку, но такого еще не встречал — ни с кем не церемонится.

— Что вы так опаздываете, Кулмухаммад?— строго спросил он.— На чаевые потянуло?

— Нам чаевые не нужны, Эломонов-ака!— нахмурился Кулмухаммад.—Если человеку по пути, то берем, грех скрывать, но так, нарочно левачить — такого нам не надо.

— Ладно, ладно, оставим этот разговор, но больше не опаздывайте, Кулмухаммад,— смягчился Эломонов.— Мне было неудобно. Соврал диспетчеру, защищая вас.

— Ваша жена,— сказал Кулмухаммад,— наказала вчера заехать за ней рано утром. Я думал, вы знаете.

Эломонову неловко стало перед гостем, он украдкой взглянул на Ибодулло Махсума, но тот смотрел в окно, будто ничего и не слышал.

— Впредь советуйтесь со мной,— опять повысил голос Эломонов.— Машиной распоряжаюсь я, а не жена.

— Договорились,— кивнул Кулмухаммад.—Наше дело маленькое, Эломонов-ака. Сидим себе, крутим баранку, а колеса сами находят дорогу!

Эломонов ничего не сказал. Спрашивать, куда Бинафша-ханум поехала рано утром, было несколько неудобно, шофер еще подумает, что он не совсем доверяет жене. Кулмухаммад, будто угадав его мысли, объяснил:

— Значит, мы на базу поехали, Эломонов-ака. Там ваша жена купила уйму полотенец. Я спрашиваю, зачем вам столько, уж не на портянки ли товарищу Эломонову, а она давай сердиться и называть меня недотепой. Но за службу подарила одно полотенце, мировой класс, озеро на нем изображено, лебеди плавают! В машине оставил, хотите посмотреть, я мигом принесу?..

Эломонов готов был сквозь землю провалиться от стыда.

— Я лучше посмотрю те, которые жена домой увезла,— сказал он с раздражением.

— Они вам должны понравиться, хорошие полотенца, озеро такое, лебеди плавают!..

— Покороче, Кулмухаммад,— перебил его Эломонов.— Вы лучше скажите, как у вас с горючим.

— Полный бак, Эломонов-ака. Мы любим во всем порядок, за что диспетчера нас не любят. Поедем куда-нибудь?

— Пока еще неизвестно. Но будьте поблизости...

— Если вам не срочно, то я Махсума-бобо отвезу на автостанцию.

Эломонов посмотрел на Ибодулло Махсума:

— Надеюсь, мы вместе пообедаем, Махсум-ака?

— Нет, лучше я поеду, Саидбай,— сказал Ибодулло Махсум.

Эломонов вышел провожать гостя. Хотелось сказать ему что-то приятное, но он постеснялся Кулмухаммада, ехидно, как показалось Эломонову, улыбающегося в стороне.

— Ты обязательно приезжай, Саидбай!— наказал Ибодулло Махсум, садясь в машину.

Кулмухаммад завел мотор, машина резко рванула с места и понеслась. Эломонов загрустил. Старый уже Махсум-ака, а из такой дали прнехал, подумая он, все же они меня помнят, считают своим. Поеду, непременно поеду, нельзя допустить, чтобы нить родства оборвалась, ведь я все равно вернусь туда, непременно вернусь... Вдруг он представил себя мертвым. Представил, но почему-то не испугался. И увидел у своего изголовья не жену свою, не сына или дочь, а Ибодулло Махсума, плачущего...

Эломонов вернулся в свой кабинет в подавленном состоянии. Не успел еще сесть, как затрещал телефон. Он поднял трубку и услышал сиплый бас своего свата Остонова:

— Вы про нас совсем забыли, Саидмурад Замонович! Вот я и решил сам позвонить, надеюсь, не помешал? Как ваше самочувствие?

— Спасибо, хорошо,— сказал Эломонов без особого воодушевления.— Есть какие новости из-за границы?

— Есть, конечно!— радостно сообщил Остонов.— Вчера от зятя моего письмо получил. Слава богу, все они живы-здоровы, привет передают. А что новенького у вас?

— Все по-старому. Собираюсь съездить в кишлак, скоро годовщина смерти тети...

— Не забудьте и нам сообщить точную дату, Саидмурад Замонович. Может, нужна будет моя помощь?

— Спасибо, товарищ Остонов, ничего не надо.

— Саидмурад Замонович, дорогой сват,— сказал Остонов, чуть понизив голос,— у нас тут разные слухи ходят... Может, это правда?

— Я не знаю про ваши местные слухи,— кладно-кровно ответил Эломонов.

— Не может быть, чтобы вы не знали... уж от свата-то своего могли бы и не скрывать!..

— Пока ничего определенного. Мы с вами, товарищ Остонов, как говорится, люди мобильные, легки на подъем, раз сочтут нужным...

— Честно говоря, и у меня спрашивали.— Остонов перешел на громкий шепот.— Неделию назад спрашивали. Разумеется, мое мнение мало что решает, но все же... Я прямо так и заявил, что вы к подлецу Кошшаеву никакого отношения не имеете.

— Вот и зря, товарищ Остонов. Уж кто-кто, а я имел к нему самое прямое отношение. Я сам его на работу принимал, надеюсь, вы это понимаете?

— Такой грех есть у каждого из нас, Саидмурад Замонович. Я знаю вас как честного человека.

— Я бы охотно поверил, если бы вы назвали меня простачком, Остонов. После всего того, что произошло, даже я стал ученым, так что не обижайтесь, если позволю не поверить даже своему свату.

— Не скромничайте, Саидмурад Замонович!— засмеялся Остонов. В трубке зазвенело от его смеха.— При чем тут сват? Я, может, и не дотяну до звания соратника, но буду вправе называть себя вашим учеником. Думаю, я не одинок в своем уважении к вам, Саидмурад Замонович, поверьте, у вас много учеников...

— Ладно, товарищ Остонов,— сказал Эломонов, почувствовав внезапное раздражение.— Оставим этот разговор до лучших времен, может, вы зря стараетесь...

Он бросил трубку. Вот уже добрых полгода прошло, как сват не подавал никаких вестей, а сегодня вдруг позвонил сам, неужто он учуял что-то интересное?

Эломонова вновь охватило чувство тревожного ожидания.

Опять зазвонил телефон. Он поднял трубку и услышал вроде бы знакомый голос:

— Позвольте засвидетельствовать почтение, Саидмурад Замонович...

— Некому засвидетельствовать,—сказал Эломонов.— Он вышел в магазин, свежее пиво привезли.

— Товарищ Эломонов, вы же не пьете!..— отчаянно возразил голос.

— Пью, еще как пью!

Бросив трубку, Эломонов усмехнулся — ну, блюдолизы, оживились! Так, значит, есть доля истины в словах этого беса Пулатова? Сердце Эломонова сжалось

от волнения, в висках застучало. Он почувствовал, что ему нельзя оставаться одному, и поспешно нажал кнопку вызова. И стал ждать с нетерпением. Раньше мгновенно появлялась секретарша с ручкой и блокнотом. Однако здесь у него не было ни приемной, ни секретарши, а звонок был установлен в большой комнате напротив, где сидели трое его сотрудников.

Через несколько минут открылась дверь, и на пороге показался Хамракул.

— Слушаю вас, товарищ Эломонов!— ехидно сказал он и застыл в дверном проеме.

— Проходите, Хамракулджан, садитесь.

Когда сотрудник сел, Эломонов понял, что ему нечего сказать, и беспокойно заерзал на месте.

— Расскажите, Хамракулджан, какие у нас новости?— спросил он наконец.

— Новостей нет,— ответил Хамракул.

— Йе-йе!— пришлось удивиться Эломонову.— Почему же, Хамракулджан? Ведь у нас хоть и маленькая, но самостоятельная организация, как это так — никаких новостей?

— Это точно, что организация, но новостей — никаких. Весь номер мы уже сдали в набор, если удосужитесь, подпишите завтра, не позднее полудня.

— Вы бы почаще заходили ко мне, Хамракулджан,— искренне сказал Эломонов.— Поймите, мне тут скучно одному, скоро неделя будет, как мы с вами не виделись. Или вы гнушаетесь моим обществом?

— Ну вы как ребенок, товарищ Эломонов!— досадливо поморщился Хамракул.— С какой стати я буду к вам заходить, если нет никаких новостей!

Эломонов почувствовал тупую боль в груди, хотелось расслабиться, и он откинулся на спинку кресла. Вытер со лба выступивший холодный пот.

— Не смею вас задерживать, Хамракулджан,— тихо промолвил он.— Но только знайте, я не держу на вас зла. Если уж так жаждете занять это кресло, то потерпите, обещаю, скоро вы его получите...

Хамракул притих. Внимательно посмотрел на Эломонова и увидел, как тот изменился в лице, будто постарел на целых десять лет. Он испуганно засуетился.

— Вам нездоровится, Сандмурад-ака. Я воды принесу.

— Не утруждайтесь, Хамракулджан, сейчас придет...

Хамракул торопливо вышел, затем вернулся со стаканом воды.

— Спасибо, Хамракулджан,— сказал Эломонов, сделав маленький глоток.— Уже немного отпустило.

— Простите, Саидмурад-ака, я не думал...

— Пустяки, Хамракулджан,— слабо махнул рукой Эломонов — Ладно, вы идите работайте.

— Вижу, и вам нелегко, Саидмурад-ака,— сказал вдруг Хамракул с сочувствием.

Эломонов ухватился за подлокотники кресла и сел поудобней. Благодарно взглянул на сотрудника, а тот продолжал:

— Вам бы лучше отдохнуть. Мы сами справимся с делами. Езжайте домой, Саидмурад-ака, отдохните, завтра я привезу газету на подпись.

— Дома мне скучно, Хамракулджан,— признался Эломонов.— Жена на работе, дочка на хлопок уехала... Сын за границей работает...

— Если я понадобится, сразу позовите, Саидмурад-ака.

Хамракул вышел. Неплохой, вроде, парень, подумал о нем Эломонов, правда, несколько упрям, но сам он совсем неплохой, и нельзя вменять ему в вину мечту об этом кресле, ведь человек целых пять лет проучился, надеялся — ему даже не снилось, что на это место могут назначить другого.

В душе Эломонова опять затеплилась надежда, которую заронил сосед Пулатов. Чтобы не волноваться, он бросил таблетку под язык. Лекарство подействовало быстро. Напрягшиеся было мышцы вновь расслабились, биение сердца пришло в прежний ритм. Не торопись, брат Эломонов, сказал он себе, не торопись, если дела пойдут в гору, то Хамракула оставишь вместо себя, он лучше тебя справится...

Эломонову стало жаль, что у него нет родного брата или сестры, с кем бы он мог поделиться своими радостями и горестями, ничего не тая, не боясь, что засмеют. Он был единственным в семье сыном. Потом умерли родители, умерли их малочисленные родственники. До недавнего времени была в живых тетя, сестра отца, и вместе с ней — единственный повод, чтобы заезжать в родное Галатепе. Только теперь он понимает, как ему дорога была эта старая женщина, сыновья которой погибли на войне, и как он мало заботился о ней. Действительно, что он сделал для нее, если не считать те три-

четыре платка да несколько отрезов простого ситца, которые возил ей в подарок тайком от жены? Тетя радовалась, словно ей не платок поднесли, а целый тюк китайского шелка. И со слезами принималась благодарить: спасибо, сынок, но ты это зря, незачем было тратиться, ведь я пенсию получаю, много ли старушке надо, достаточно и того, что я вижу тебя целым-невредимым!..

Тетя была скромная женщина, и скромность ее порою смахивала на безвольную покорность. Все плакала от радости, хотя, в сущности, не было никакой радости. А ведь она была родной тетей Эломонова, вместо отца и матери, имела полное право просить, требовать. Думаешь теперь обо всем этом и самому кочется запдакать, видно, стоило не дешевым платком покрыть, а золотом осыпать ее седую голову.

Но Эломонов опоздал — тети уже нет в живых. Скоро годовщина ее смерти. Хорошо, что сегодня Ибодулло Махсум приехал напомнить. Надо ехать. Забот никогда не убавится. То о сыне думаешь, то о дочери, ради них готов и в огонь и в воду, оценят твои старания — хорошо, не оценят — бог с ними, поймут позже, когда самим придется все это испытать...

Эломонов смахнул две слезинки, выступившие на глазах. Ладно, сказал он со вздохом, пусть все будут живы-здоровы...

В это время позвонила Бинафша-ханум. Голос ее показался чрезмерно усталым:

— Вы на базар съездили, Санд-ака, ведь сегодня ваша очередь?

— Нет,— ответил Эломонов,— мне что-то нездоровится, ханум...

— Не врите, Эломонов!

— Я завтра схожу, ханум. Ведь в холодильнике кое-что есть, я вчера смотрел...

— А овощи?— недовольно спросила Бинафша-ханум.— Лентяй вы, Эломонов. Ладно, на базар можете не ходить, только не забудьте о просьбе Сабирджана.

— Не забуду,— пообещал Эломонов.— Кстати, маленькая новость, ханум. Утром я разговаривал с Пулатовым, не знаю, откуда он взял, но он... одним словом, похоже, меня опять будут приглашать...

— Правда?— спросила Бинафша-ханум.— Он так и сказал?

— Но это пока лишь предположение,— ответил Эло-

монов.— Ладно, ханум, позвоните попозже, может, что и выяснится.

— Вы будете у себя?— ласково спросила Бинафша-ханум.

— Да, конечно...

— Если вам нездоровится, может, за книгой пошлете кого-нибудь другого, ну, легкого на подъем?.. Ведь поездка дальняя.

— Нет, я сам съезжу,— ответил Эломонов.— Пока, ханум.

Эломонов отодвинул телефон подальше от себя. Оглядел свой кабинет. На этот раз вид кабинета не вызвал у него грусти. Кабинет как кабинет, подумал он, очень даже неплохой, как раз соответствует данному посту.

Поеду в Галатепе, решил он про себя, поеду, соберу народ, справлю годовщину смерти тети и скажу им, не обессудьте, дорогие, что я оказался вдали от вас, судьба, значит, у меня такая, но я никогда не забывал вас, не забуду и впредь, помогу, чем только можно, хотя от меня теперешнего будет не очень-то много проку... А ведь помогал раньше, вспомнил Эломонов. Когда занимал большой пост. Ни один галатепинец ни разу не упрекнул меня — мол, ты, Саидмурад, сын пастуха Замона, задрал нос, забыл своих земляков. И анекдотов про меня не сочиняли, уж на что галатепинцы мастера придумывать всякие каверзные байки, вон сколько историй гуляет по кишлаку про прокурора Хасанбека, сына Назара Махдума, а у того, считай, и вины-то особой нет. Только и всего, что он, недавний выпускник юридического, свеженький еще следователь, выпил лишнего на чьем-то пиршестве, а когда был избит родным дядей, пообещал: ну, вы смотрите, галатепинцы-праведники, всех выведу на чистую воду, всех пересажаю. Хасанбек весь в отца, недаром ведь говорят: выйдет богатырь из цыган, так он первым делом разрушит свою же кибитку.

Слава богу, отец у Эломонова был простым человеком, никогда не зазнавался, никому слова грубого не сказал, да и он сам, Саидбай Эломонов, никогда не кичился, даже тогда, когда занимал свой большой пост. Был в Галатепе над речкой плохонький мост, каждую весну уносило его селем, люди отстраивали его заново, до следующей весны, пока не накроет его первый же сель. Эломонов помог своим землякам построить другой,

огромный, на бетонных сваях, такой, что выдержит любой потоп. Когда здание старой школы начало оседать, он помог и со строительством нового трехэтажного здания. Эломонов помнит, как Кошшаев, подлец, выражал свои сомнения по поводу трехэтажной школы: уж не скажут ли, Саидмурад Замонович, что вы занимаетесь покровительством, пользуясь данной вам властью! И говорил об этом не раз и не два, будто его так сильно заботила репутация начальника. Потом он понял, на что намекал тогда заместитель — будь, дескать, поосторожней со мной, Эломонов, и мы знаем твои грешки! Когда пришло время, Кошшаев рассказал о трехэтажной школе на суде. И Эломонов подтвердил его слова, признал, что нет здесь никакой клеветы. Кошшаев прав, сказал он, средства, предназначенные для Шоркудука, я действительно отдал галатепинцам, в одном только Кошшаев не прав, ни копейки их этих денег я не присвоил, и мне ничуть не стыдно, что помог своим землякам, потому что в Галатепе живут семь тысяч человек, вдвое больше, чем в Шоркудуке, школа была им нужнее, да, я люблю свое Галатепе, свой отчий край. О нет, граждане, закричал Кошшаев, никакой это не патриотизм, это, если хотите, настоящий эмиризм, раньше так делали бухарские эмиры — будучи из племени кенагас, они не жалели средств на то, чтобы возвыситься над другими кенагасцев! Какой из меня эмир, горько рассмеялся Эломонов. Да, признаю, заступался я за своих земляков, пусть это будет моей виной, но ты, Кошшаев, не принес пользы даже родному своему кишлаку, ты обирал людей из Хандалака, обирал как только мог, обирал не только живых, но и мертвых, и на те деньги, которые ты «съел» и даже не поперхнулся, можно было благоустроить десять таких кишлаков, как мое Галатепе, но ты, Кошшаев, оказался чудовищем, и ничего у тебя на родине не зеленело, не цвело, все поглощала твоя утроба. А моя вина, Кошшаев, в том, что стал куклой в твоих руках, вот за это меня следует наказать! Вам легко, гражданин Эломонов, усмехнулся Кошшаев, ваша вина не подходит ни под какую статью! Но подумайте, не вы ли, гражданин Эломонов, сделали меня таким!

Судья призвал подсудимого к порядку, но Кошшаев уже ничего не слышал. Эломонов, крикнул он, ты сейчас спасаешь собственную шкуру и готов смешать меня с дерьмом, однако я тебя пожалею, не скажу про те гре-

хи, которые обеспечили бы тебе вышку!.. Это было сказано с такой уверенностью, что Эломонов растерялся, не в силах вымолвить ни слова. Тогда прокурор спросил у Кошшаева: что вы этим хотите сказать, подсудимый? Ничего особенного, нагло усмехнулся Кошшаев, вы уже обладаете достаточным количеством улик, чтобы посадить меня за решетку, гражданин прокурор, все остальное — наша с Эломоновым тайна, о которой никто не должен знать. Прокурор повторил свой вопрос. Но Кошшаев больше ни слова не сказал, продолжал усмехаться, глядя Эломонову в глаза. Поднялся легкий ропот в зале. Эломонов не выдержал и сам обратился к Кошшаеву: может, ты все-таки скажешь, что это за грехи, и мы разделим вину? Кошшаев не согласился: нет, ты это узнаешь потом, пока же запомни одно — сейчас я спасаю тебя!

Потом, в перерыве между судебными заседаниями, Эломонов добился встречи с Кошшаевым. Чуть ли не со слезами умолял его быть откровенным. А вы ни в чем не виноваты, Эломонов, сказал Кошшаев с улыбкой, я просто пытался оклеветать вас, буду и впредь это делать, придется вам потерпеть. А какую, спросил Эломонов, вы преследуете при этом цель? Цели никакой, небрежно ответил Кошшаев, такая вот душевная потребность — оклеветать вас. Я знаю, подлости вашей нет границ, сказал Эломонов, но подумайте, как вы сумеете убедить суд, ведь нужны доказательства? Вы очень наивны, засмеялся Кошшаев, я и не думаю ничего доказывать, я уже сделал свое дело, теперь вы должны доказывать свою невиновность, попробуйте, может, вам это и удастся!

Слава богу, суд оставил без внимания намеки Кошшаева. Но нашлись люди, которые с тех пор стали косо поглядывать на Эломонова. Кошшаев действительно добился своего — сумел-таки очернить Эломонова, бросить тень на его репутацию.

Только один Эломонов знает, как страдал он в те дни. К счастью, тогда позвонил ему Сабирджан из своей далекой восточной страны. До сих пор остается гадать, откуда он узнал про отцовские неприятности, но сын позвонил и поддержал Эломонова: держитесь, отец, все это преходяще, я знаю — вы честный человек. Эти-то слова и успокоили Эломонова. Благодарный сыну, он чуть не расплакался. Когда ты вернешься, Сабир, сказал он, мне трудно без тебя, было бы лучше, если бы

ты хоть эти дни был со мною рядом, я очень одинок, приезжай! Непременно приеду, обещал сын, ваш внук Алик все дедушку требует, да и жена соскучилась по вас, ей уже надоели все эти пустыни и газопроводы, даст бог, скоро увидимся, а вы мужайтесь, отец, не поддавайтесь грустным мыслям, не подавайте сгоряча какое-нибудь заявление, вы еще очень и очень пригодитесь нашему Оазису!..

Вот тогда Эломонов и понял, что Сабирджан уже не тот увлекающийся юнец, которого он так любил опекать и оберегать от жизненных невзгод. Это был мужчина, самостоятельный и довольно проницательный, иначе бы он не догадался, что отец собирается подать в отставку. Эломонов написал ему подробное письмо, объяснил свое положение, еще раз попросил поскорее приехать.

Но... не приехал. Потом написал матери, почему он не смог приехать: то ли контракт не кончился, то ли еще какая-то причина... А месяца два назад прислал сын еще одно письмо, опять на имя матери, попросил выслать старинную книгу бог весть какого века—для научной работы. Бинафша-ханум так и объяснила мужу: науку свою делает там, за границей, потом придет и сразу защитит диссертацию. Теперь у Эломонова новая забота — найти ту старинную книгу. Долго расспрашивал про нее, наконец ему сказали, где следует искать ту книгу, но это очень далеко, к тому же называли баснословную сумму, в которую ее оценивают. Бог с ней, с суммой, деньги всегда можно найти. Эломонов не знает старой письменности, вот и опасается, как бы не всучили ему совсем не то. Сперва надо уточнить, что именно предлагают. Иначе не будет жизни от Бинафши-ханум.

Эломонову по душе, что Сабирджан наконец-то решился всерьез заняться наукой. Теперь можно не беспокоиться за судьбу сына. А вот раньше были причины для такого беспокойства. Дело в том, что Сабирджан, вполне сносно учившийся на востоковеда, неожиданно заразился живописью. Эломонов сперва отнесся к занятиям сына довольно снисходительно. Ладно, думал он, ничего плохого в этом увлечении нет. Сам он не разбирался в тонкостях живописи, но рисунки Сабирджана нравились ему точностью изображаемого. Стены комнаты сына были увешаны бесчисленными портретами его преподавателей и сокурсниц... Однажды Сабирджан написал портрет Шамси Тураева, приехавшего в гости из

Бухары. Увидев свое изображение, Тураев был удивлен. Да, товарищ Эломонов, есть у вашего наследника несомненный талант, воскликнул он вполне искренне, и этому таланту надо помогать расти! Эломонов хорошо знал привычку своего приятеля всегда и все преувеличивать, поэтому на восторженный отзыв лишь слегка махнул рукой и сказал: по мне, лучше бы совершенствовал свой талант востоковеда, товарищ Тураев.

Вскоре Сабирджан закончил большой портрет Бинафши-ханум. Неизвестно, как там пронюхали, но буквально через неделю директор музея литературы пришел просить эту его работу. Эломонов понял, что дело принимает серьезный оборот, и решил с сыном объясниться. Знаешь, сказал он Сабирджану, я занимаю более чем ответственный пост, и если мы вручим портрет матери музею, могут сказать, что это сделано не без нажима с моей стороны, подумай, сын, может, стоит немного подождать? При чем тут ваш пост, засмеялся Сабирджан, при чем тут ваш престиж, отец? Эломонова так и подмывало сказать — а что у тебя есть, кроме отцовского престижа, но он промолчал, побоялся обидеть сына. Выразил он тогда сомнения и директору музея, но и тот не захотел его слушать. Вы зря сомневаетесь, Саидмурад Замонович, возразил директор, народ очень даже правильно нас поймет, ведь Бинафша-ханум, наряду с тем, что является супругой такой выдающейся личности, как вы, одновременно считается и самой известной поэтессой нашего благословенного Оазиса, наши певцы поют ее песни, наши театры ставят ее пьесы, и совсем недурно будет, если мы ее портрет выставим на самом видном месте в нашем музее, тогда все поклонники ее музыки смогут лицезреть любимую поэтессу, а женщины всего Оазиса будут стремиться повторить ее судьбу!

Словом, музей забрал портрет за щедрое вознаграждение. По случаю этого события Сабирджан созвал друзей и устроил маленький банкет. Эломонов был несколько удивлен, увидев среди ровесников сына и своего заместителя Қошшаева:

— Смотрите-ка, Худоёрджан, а мы и не знали, что вы человек искусства!

— Впрямь будете знать,— пошутил Қошшаев.— Нам, разумеется, далеко еще до людей искусства, но все же я имею к нему самое прямое отношение, ведь моя дочь тоже рисует. Это она привела меня сюда. Зовут ее Шо-

дия,— и он показал на девушку в зеленых джинсах.

— Вай, Худоёрджан, вы скрывали от нас такую красавицу!— воскликнула Бинафша-ханум, присутствовавшая при этом разговоре.— Какой вы, однако, нехороший! Так, значит, мы уже не друзья?

— Ну почему же, уважаемая Бинафша-ханум,— сказал Кошшаев.— Для меня быть вашим другом — большая честь.

— Ну признайтесь, Худоёрджан, почему вы скрывали ее от нас?— не унималась Бинафша-ханум.— Сколько раз мы были у вас в гостях, а дочку вашу ни разу не видели!

— Вы ее просто не заставляли дома, уважаемая Бинафша-ханум,— сказал Кошшаев.— Она училась в Москве, недавно вот окончила институт и вернулась. Теперь все зависит от вас...

Бинафша-ханум поняла его намек, хотела было сказать нечто приятное, но, взглянув в сторону мужа, увидела рядом с ним дочь Остонова — свою будущую невестку, и, желая выйти из неловкого положения, громко рассмеялась и переменила тему:

— Ой, Худоёрджан, ведь сын меня продал! Какому лысому человеку!

Кошшаев, чувствовалось, был осведомлен об истории ее портрета, он улыбнулся и спросил:

— А дорого хоть он вас продал?

— Очень дорого, Худоёрджан!— радостно сообщила Бинафша-ханум.— За семьсот рублей!

— Скряги! Так мало дали?!— скривился презрительно Кошшаев.

— Почему же? Разве плохо, когда за изображение столько платят?

— Ваше изображение бесценно, уважаемая Бинафша-ханум, а вы сами... Вы сами — целое состояние, сокровище, и счастлив товарищ Эломонов, который заполучил такое сокровище. Что вы на это скажете, Саидмурад Замонович, ведь я правду говорю?

— Искусство слова — не наш удел,— смутился Эломонов.— Помню, в школе по литературе одни «тройки» получал, вы лучше спросите меня про хлопок и кукурузу. Вот тут я буду красноречив!

— Не скромничайте, товарищ Эломонов. Сами подумайте, разве может искусство продвигаться вперед, если не будет черпать силы в реальной жизни, из этого же хлопка и кукурузы?

— Так-то оно так, но незнание искусства — большой для нас минус.

— Полно, Саидмурад Замонович, вы просто недооцениваете себя. Кто у нас руководит развитием нашего Оазиса? Вы ведь?..

— Вообще-то вы правы, но тут...

— Не возражайте, Саидмурад Замонович, я знаю, что прав. Так что, искусство наше находится в ваших руках, от вас зависит — тормозить сей механизм или дать ему зеленую дорогу.

— Вы несколько утрируете, товарищ Кошшаев, у нас есть отличные работники, которые в тысячу раз лучше меня разбираются в искусстве, я им полностью доверяю, во всяком случае, не мешаю работать...

— Ну что я вам говорил! А вы еще возражаете, Саидмурад Замонович! Раз не мешаете, значит, уже способствуете развитию! Выходит, я прав?

Эломонову надоели мудреные сентенции Кошшаева, он не стал дальше спорить, а лишь кивнул, как бы соглашаясь. Кошшаев на минуту оставил его, подошел к группе молодых художников, выпил с ними, затем вернулся к Эломонову, держа на блюдечке две рюмки коньяка.

— Пропустим по глоточку, Саидмурад Замонович?

— Мне нельзя, — отказался Эломонов. — Завтра нужно рано вставать. Поеду в Коксу, там совхоз «Прогресс» выполнил план по бахчевым.

— Значит, поздравлять едете?

— Какие могут быть поздравления? — не понял Эломонов. — На дворе только апрель, а у них уже дыни и арбузы поспели. Чудеса, да и только!

Кошшаев поставил блюдечко на столик:

— Думаете, приписки? — спросил он.

— А что же еще тут может быть?

— Коксу... Совхоз «Прогресс»... Случайно, там директором не товарищ Усманов?

— Он самый. Знаете, Худоёрджан, Усманов вначале был мне очень симпатичен, молодой, энергичный, хорошо говорит...

— Не сердитесь, Саидмурад Замонович, но он мне и по сей день симпатичен. Можете не ездить в «Прогресс». Усманов честно выполнил свой план. Помните, к нам в столовую еще в январе привезли свежие арбузы?

— Мне говорили, что они из хозяйства Тулкунова?

— От Тулкунова — тоже. Но добрую половину по-

ставил товарищ Усманов. Вы просто упустили из виду, что он построил у себя тепличное хозяйство площадью в целых пять гектаров.

— А я и не знал, мне об этом почему-то не докладывали...

— Ничего удивительного, товарищ Эломонов. Оазис наш большой, не за всеми уследишь. Так что в вашей поездке нет нужды.

— Тогда мы пошлем туда журналистов,— предложил Эломонов.— Пусть расскажут о прекрасной инициативе.

— Не стоит, Саидмурад Замонович. Не стоит баловать людей. Нет ничего выдающегося в том, что совхоз «Прогресс» среди зимы отправляет горожанам свежие дыни и арбузы. Выделять их ни к чему, такое у нас должно стать нормой. Будет лучше, если вы как-нибудь при случае устно отметите деловую хватку Усманова, тогда он будет еще энергичнее работать.

— Вы правы, Худоёрджан.

— Вот видите, Саидмурад Замонович,— улыбнулся Кошшаев,— я вас избавил от лишних хлопот с этой поездкой. Разумеется, Усманов будет меня проклинать до самого судного дня, что я лишил его такой чести, но, может, и отпустит он мне грех, если мы сейчас выпьем по рюмочке за здоровье таких предприимчивых хозяйственников, как товарищ Усманов!

И они выпили тогда за здоровье Усманова. Выпили, закусили и надолго забыли об этом, до тех самых пор, пока Кошшаева не приговорили к пятнадцати годам и пока Эломонов, уже разжалованный, не узнал, что в Коксу не было никакого тепличного хозяйства, если не считать маленького парника площадью в двадцать квадратных метров на опытном участке местной школы, и что Кошшаев не был ни кумом, ни сватом Усманову, а лишь получил некое «вознаграждение» за срыв «опасной поездки Эломонова».

Но тогда до всего этого было далеко. Был мягкий апрельский вечер с открытыми настежь окнами, тихо и приятно звучала музыка, молодежь шутила, смеялась, и казалось, не было жизни конца. А Худоёр Кошшаев, высокий, стройный, с благородной сединой в висках, вкрадчиво говорил:

— У вашего сына точный глаз, Саидмурад Замонович. Я вот думаю, почему бы ему не заняться всерьез и скульптурой. Сейчас, сами понимаете, большой спрос на памятники...

— Я так не думаю, Худоёрджан,— возражал Эломонов.— Незачем разрываться на части, достаточно и того, что он занимается одним видом искусства. Ему еще надо стать и хорошим востоковедом.

— Вы — отец, вам решать... Кстати, мне необходим ваш совет, Саидмурад Замонович,— Кошшаев чуть понизил голос.— Приходили сватать нашу дочь, но мы с женой без вас ничего не можем предпринять.

— Что я могу посоветовать, Худоёрджан,— улыбнулся Эломонов.— Найдите ей ровню и выдайте замуж. Нечего тут раздумывать, сами понимаете, это такой товар, который не должен залеживаться.

— В том-то и дело, что нужна ровня,— пробормотал Кошшаев.— Я вот, Саидмурад Замонович, гадаю, что это за девушка стоит рядом с Сабирджаном?.. Из чьей она семьи?

Эломонов почувствовал в голосе своего заместителя явную неприязнь, и это ему не совсем понравилось.

— Дочь Остонова,— сказал он.— Зовут ее Ойджамал, очень умная и порядочная девушка.

— Какой еще Остонов?— спросил Кошшаев, недоумевая.— Уж не тот ли горилла из Кассана?

— Это вы зря, Худоёрджан. Оскорбляете ответственного товарища.

— Извините, Саидмурад Замонович... Но, согласитесь, ведь он вылитый мавр, у него даже на лопатках шерсть растет, я сам видел, в Ялте вместе отдыхали, женщины на пляже шарахались от него!..

— Ну вы даете, Худоёрджан!— засмеялся Эломонов.— Шарахались, но потом подходили, так ведь?

— Подходили,— признался Кошшаев.— Но это волосатое чудище их даже близко не подпускало.

— Вот видите, и это говорит в пользу товарища Остонова. Значит, он порядочный человек, хороший семьянин. Что до растительности на его теле, так это сушья ерунда, это даже украшает мужчину, если хотите знать. Вы лучше посмотрите на его дочь, Худоёрджан, на Ойджамал посмотрите, ей так подходит это имя, ведь она действительно лунолика!

— Глаза у нее больно уж выпученные.

— Ну это вы уж совсем напрасно, Худоёрджан, у девушки большие прекрасные глаза, красотой она в своих предков, ведь в ее жилах течет и арабская кровь. Хотим сосватать Ойджамал за нашего сына, если, разумеется, товарищ Остонов даст согласие...

— Согласится, куда денется!..— недовольно буркнул Кошшаев.— Но подумайте, Саидмурад Замонович, способен ли товарищ Остонов оценить по достоинству такого свата, как вы? Ведь это на всю жизнь, Саидмурад Замонович, такое родство-то!.. Простите меня за откровенность, но мы с женой тоже хотели бы видеть Сабирджана своим сыном, только и ждали, пока Шодия вернется из Москвы...

— Какая оказия!— сказал Эломонов, как бы сожалея.— Что же теперь делать, Худоёрджан? Честно говоря, мы уже обо всем договорились с товарищем Остоновым. Я ценю вас и вашу семью, но что теперь скажет Остонов, если я нарушу наш уговор, который, как вы знаете, дороже отца?

— Так-таки и нельзя нарушить?

— Нельзя, Худоёрджан, никак нельзя. Я сожалею, но уже не в силах что-либо изменить... Надеюсь, к вам еще придут более достойные сваты, дочь у вас хорошая, видная...

Эломонов говорил неправду. Не было никакого уговора с Остоновым. Просто он знал, что тот не прочь с ним породниться. Что касается дочери Кошшаева, то он опять-таки кривил душой — девушка ему ничуть не понравилась — показалась развязной. И еще он заметил, что Бинафша-ханум, напротив, — выделяет Шодию, и в душе у него зародилось подозрение, а не обработал ли Кошшаев уже его жену. И оказался прав — той же ночью, когда гости ушли, Бинафша-ханум заговорила о Шодие:

— Как вам дочь Худоёра, Саид-ака?— спросила она.— Мне девушка понравилась — высокая, статная, нам бы такую невестку!

— Ей-богу, смешная вы, ханум,— проворчал Эломонов.— Зачем вам ее высокий рост?

— И лицом она хороша, разве не заметили? Она же красавица!

— И еще в этих брючках, обтянутая так, что...

— Ну и консерватор вы, Саид-ака! Что же в этом плохого? Значит, есть что обтягивать.

Бинафша-ханум весело рассмеялась. Эломонов покраснел от смущения, затем, чуть подумав, нашел другой довод:

— И она, оказывается, рисует. Два художника в одной семье... не многовато ли!

— Стоит ей родить двух детей, сразу забудет про живопись.

— Не обманывайтесь, ханум, ведь вы сами не бросили писать стихи...

— Мой пример не столь типичен,— с достоинством ответила Бинафша-ханум.— И мать Шодии хорошая женщина, директором ювелирного работает, весь город ее знает. Месяц назад мы с ней коснулись этой темы... Она искренне надеется, что мы с ними породнимся. Думаю, они будут в справедливой обиде, если мы откажем, ведь вы с Кошшаевым работаете дверь в дверь, видите чуть ли не каждую минуту...

— Я не числюсь в должниках у Кошшаева,— сказал Эломонов.— Ничем ему не обязан.

— Но, Саид-ака, все же...

— Никаких «но»,— перебил ее Эломонов.— Я не собираюсь родниться с Кошшаевым, мне его дочь вовсе не нравится. Думаю, и сыну она не понравилась

— У вас есть другой вариант?

— Мой вариант вы прекрасно знаете, ханум, незачем притворяться.

Эломонову вдруг захотелось показать жене, насколько он тверд в своем решении. И он тут же, лежа в постели, взял телефонный аппарат с тумбочки, поставил его себе на живот и позвонил Остонову. Пожалуйста Шеймардан Аббасович, сказал он решительно, как бы давая указание, ускорьте свадьбу вашей дочери. Остонов спросонья ничего не понял, затем, когда до него дошло, радостно откликнулся: э-э, Саидмурал Замонович, за нами дело не станет, бараны уже откормлены, хоть сейчас под нож, приданое тоже готово... Так что, приглашайте на пиршество весь Оазис! Боюсь, вы все испортите своим бахвальством, одернул его Эломонов, оставьте эти байские замашки — весь Оазис! Свадьбу будем делать по средствам, с чувством меры, в каком-нибудь кафе, и чтобы все было скромно — человек сорок-пятьдесят самых близких... При этих словах Остонов совсем упал духом. Как же так, Саидмурал Замонович, запротестовал он, мы же дочь свою выдаем лишь один раз, сколько лет теляли, мечтали о ее свадьбе, и вдруг — пятьдесят человек! Мечтайте, но не фантазируйте, Остонов, строго сказал Эломонов, мы с вами ответственные работники, а не любители роскошных свадеб, и нам безразлично, какой пример мы подаем людям.

После этого Бинафша-ханум дней десять не разго-

варивала с мужем. Тем временем свадебные приготовления шли полным ходом, правда, без ее участия. И тут Бинафша-ханум поняла, что молчаньем делу не поможешь, и стала она всячески ублажать мужа, лишь бы уговорить его изменить решение. Но Эломонов твердо стоял на своем. Свадьба была сыграна в майские праздники. Первый раз за все время супружества Эломонов поступил так — самостоятельно провернул такое большое дело, не посоветовавшись с женой, и, как выяснилось впоследствии, поступил правильно.

Через год у них родился внук. К тому времени Сабирджан окончил университет, однако что-то не спешил устраиваться на работу. Изредка рисовал, все же остальное время был занят маленьким сыном.

Это обстоятельство сильно огорчило Эломонова. Конечно, это прекрасно, что Сабирджан оказался заботливым семьянином, но при этом Эломонов заметил, что в поступках сына проглядывало нечто ребяческое, незрелое. Даже на базар за покупками ему не хотелось идти, посылал или жену, или сестру, а сам сидел и дурачился с сынишкой, то корову бодливую изображает, то козу шкодливую... И Эломонов не выдержал, позвал его как-то вечером в кабинет и спросил: что дальше-то будем делать, сын, когда же ты, наконец, станешь сам зарабатывать свой хлеб, ведь ты мужчина, как-никак? Я не подозревал, что мы вам в тягость, обиделся Сабирджан, ладно, помогите с квартирой, будем жить отдельно. Ты глуп, сын, сказал ему Эломонов, дети никогда не будут в тягость родителям, живите здесь, места всем хватит, я лишь хочу, чтобы ты занялся своим делом, не зря же целых пять лет проучился! Я решил всерьез заняться живописью, отец, ответил Сабирджан, думаю, это и есть мое настоящее призвание, вы только согласитесь, отец, и я первым делом напишу ваш портрет...

Эломонов задумался. Сам он не мог решить этот вопрос. Нужен был совет дельного человека. И он назначил прием некоему Рафаилу Джабраиллову, который слыл самым опытным искусствоведом во всем Оазисе. Когда искусствовед пришел к нему, Эломонов спросил:

— Вы, товарищ Джабраиллов, знаете художника по имени Сабирджан Эломонов?

— Знаю,— ответил тот.

— И как, хороший он художник?

— Разве ваш сын может быть плохим художником,

товарищ Эломонов!— воскликнул Джабраилов.— Думаю, со временем до академика дотянет, техника у него совсем недурная.

— Меня не академик, а мой сын интересуется, товарищ Джабраилов. Вы мне честно скажите, настоящий он художник или нет?

— Ваш сын, товарищ Эломонов...— замялся Джабраилов.— Думаю, ваш сын...

— Да, да, товарищ Джабраилов, именно так — мой сын,— рассердился Эломонов.— Мой сын, и потому я смею вас спросить — сможет ли он стать настоящим художником? От ваших слов зависит вся его дальнейшая судьба, товарищ Джабраилов. Подумайте и скажите правду, буду вам очень признателен.

— Пожалуй, живописью ему не стоит заниматься,— не без усилия произнес Джабраилов.— Не обижайтесь, товарищ Эломонов, но ваш сын просто дилетант, я не вижу его души. Будет лучше, если он...

Эломонов поблагодарил и отпустил Джабраилова, слегка озадаченного столь странным приемом.

Через месяц после этого разговора Сабирджан со своей маленькой семьей был отправлен в одну из восточных стран, в ту самую, чей язык он изучал в течение пяти лет учебы. Судя по письмам невестки, Сабирджан окончательно забросил живопись и решил заняться наукой. Теперь вот просит выслать ему старинную книгу, которую надлежит Эломонову достать хоть из-под земли...

Целый час просидел он в томительном ожидании. Телефон на столе время от времени звонил, но Эломонов не брал трубку, боялся — вдруг не та окажется весть... Так и сидел, пригвожденный к креслу, пока не вошел Хамракул.

— Почему вы трубку не поднимаете?— удивленно сказал он.— Начальник вызывает.

— Какой начальник?— спокойно спросил Эломонов.

— Наш начальник, какой же еще,— ответил Хамракул, не удержавшись от смеха.— Вообще-то, товарищ Эломонов, зря вас спустили к нам, здесь явно не те масштабы...

— Вы правы, Хамракулджан,— засмеялся и Эломонов,— мне тут нечего делать. Думаю, скоро уйду от вас...

— Оказывается, вас разыскивает товарищ Избосаров,— таинственно сообщил Хамракул.

— Кто же это?— спросил Эломонов деланно равнодушно.— Вы случайно не знаете его?

— Случайно знаю. Следовательно! То ли Изкуаров, то ли Избосаров!

— Эх-хо!— воскликнул Эломонов.— Следовательно, да еще Изкуаров! Надо же, Хамракулджан, какое чудесное совпадение!¹

— Разве вы не знали?

— Имя его знал, а вот фамилию забыл,— соврал Эломонов.— Поверьте, Хамракулджан.

Хамракул не поверил. Они с минуту молча разглядывали друг друга.

— Оставим Избосарова, Хамракулджан,— начал Эломонов.— Я вот серьезно подумал и решил, что я тут — лишний. Плохой из меня газетчик, вернее, никакой не газетчик. Говорят же, даже воробья, и то должен резать мясник. Поговорка, может, и не совсем удачная, но, надеюсь, вы меня поняли...

— И куда же вы решили уйти?

— Пока не знаю,— ответил Эломонов.— Но я твердо решил уйти. Стыдно, что сижу тут этаким пугалом огородным.

— Правильно решили, Саидмурад-ака. Я давно хотел вам сказать об этом.

— Но не сказали же? Испугались?

— Нет, постеснялся, потому что...

— Потому что сами хотите занять мое место?

Хамракул не ответил, отвел глаза.

— Смелее,— подбодрил его Эломонов.— Все сказанное тут останется между нами.

— Ну как вам сказать... Ведь я этому учился...

— Молодец!— сказал Эломонов.

Хамракул не понял, что это может значить — одобрение или упрек. Он вымученно улыбнулся и проговорил:

— Не считите за наглость, Саидмурад-ака...

— Вижу, вы просто трус,— сказал Эломонов.— Хорошо держались, а под конец все же струсили. Я в вас разочаровался, Хамракулджан, вам не следовало идти на попятную.

— Ведь мы маленькие люди, Саидмурад-ака, какой с нас спрос...

— Вот это-то и плохо, Хамракулджан, очень плохо,

¹ Изкуар — сыщик, следопыт; Избосар — буквально: идущий следом.

я этого больше всего и боялся,— сказал Эломонов.— Вы мне уже неинтересны. Но не бойтесь, уговор есть уговор, свое место я оставлю именно вам. К тому же меня следователь разыскивает,— он кивнул на зазвонивший телефон.— Вам ужасно повезло, товарищ Каршиев...

Хамракул был в явном замешательстве. Когда Эломонов поднял трубку, он отвернулся, не желая якобы подслушивать чужой разговор.

— Слушаю,— сказал Эломонов.— Товарищ... Изкуаров?... Извините... Так и скажите — Избосаров... Очень уж схожие фамилии, немудрено и спутать... Я не нарочно, товарищ Избосаров... Да, да, я вас помню, только вот фамилию вашу подзабыл...— Эломонов выслушал собеседника и улыбнулся.— Вот именно, я на этот счет был совершенно спокоен, хотя вы...— он посмотрел на Хамракула.— У меня тут сидит еще один такой скептик, тоже не хочет ни во что верить... Да он еще молод, примерно вашего возраста, надеюсь, у него еще все впереди. Нет, вы попроще говорите, товарищ Избосаров.— Лицо Эломонова приняло серьезное выражение.— Я сам знаю свою вину. Суд тут ни при чем... Дело не в приговоре, товарищ Избосаров... Не надо, товарищ Избосаров, вы слишком сладкоречивы, а это вовсе не к лицу следователю... Это ваш долг, товарищ Избосаров, и вы правильно поступили... У меня прекрасная квартира, но это далеко не каменный дом стоимостью в сто тысяч. Имеем машину, она совсем еще новая, потому что никто на ней не ездит... Жена зарабатывает двести рублей в месяц плюс кое-какие гонорары, дочь получает стипендию, то ли пятьдесят, то ли шестьдесят, я сам, когда занимал пост, получал вдвое больше, чем они обе. Подсчетам поддается, товарищ Избосаров? Даже излишки будут? Нет, товарищ следователь, вы упустили из виду те две тысячи, что ушли на ремонт квартиры, помогали сыну с невесткой, ну и разные подарки... Ведь меня раньше часто приглашали в гости, не идти же с пустыми руками!.. Я очень рад, что внесена ясность, товарищ Избосаров... Благодарю вас за звонок. Заходите как-нибудь в гости, уж теперь-то я могу вас пригласить на ппалу чая... Желаю вам здоровья и удачи...

Закончив разговор, Эломонов помассировал себе грудь, словно силач после долгой борьбы, затем повернулся к Хамракулу:

— Избосаров хороший парень, у него мертвая хватка.

— Допрос уже кончился?— спросил Хамракул.

— Это не допрос, Хамракулджан,— ответил Эломонов.— Допросы давно кончились. Я и говорю, этот Избосаров довольно цепкий парень, но не успел еще избавиться от юношеской непосредственности.

— Наверно, еще не научился брать,— предположил Хамракул.

— Не будьте таким циником, Каршиев,— строго заметил Эломонов.— У нас много честных юристов. Я лишь сказал, что Избосаров показался мне несколько наивным. Он все допытывался, каковы источники того маленького состояния, которое я нажил за многие годы работы.

— Крепкий орешек,— улыбнулся Хамракул.— И как же вы от него отделались?

— Вы зря смеетесь, Хамракулджан. Если бы и вы покупали вещи за их настоящую стоимость, то и вашей зарплаты хватало бы на многое. А Избосаров не знает всего этого, мало у человека жизненного опыта.

— Да-а, престиж — это уже состояние,— задумчиво протянул Хамракул.

— Вижу, вы все поняли. Так-то, Хамракулджан, учитесь, пока я жив. Сегодня у меня хорошее настроение. Даже жену свою слегка пожурил. Вы жену свою ругаете?

— Да бывает,— сказал Хамракул.— Вообще-то, мы живем очень дружно.

— Счастливый человек. Однако стоит вам занять мало-мальски значительный пост, и вы уже не сможете пререкаться с женой.

— Не понял,— пробормотал Хамракул.— Неужто это так обязательно — ругаться с женой?

— Конечно, не обязательно, но иногда ведь так хочется возразить,— улыбнулся Эломонов.— Ну что, согласны вы на пост редактора? Могу рекомендовать!

Хамракул задумался на минуту.

— Я журфак кончал, Саидмурад Замонович... Думаю, редактором быть смогу...

— Это другой разговор,— сказал Эломонов.— Теперь мне можно спокойно уходить.

— Вы, Саидмурад Замонович, человек обиженный, хоть и виду не подаете,— сказал Хамракул, и вправду вдруг осмелел.— Если опять вернетесь к большой деятельности, сможете ли... без этой злости?

— Не бойтесь, Хамракулджан, я никому не буду

мстить. Ладно, теперь сходите в типографию, узнайте, как идут дела. Надеюсь, вы не возражаете, если и этот номер подпишу я?

Хамракул вышел из кабинета несколько ошарашенный. Эломонову даже стало его жаль, хотя, если признаться, жила в нем глубоко затаенная обида на парня за вечные его усмешки. Уж ты-то можешь быть и посмелей, продолжил мысленный с ним разговор Эломонов, тебе легче, а вот каково мне при теперешнем-то положении, с кем я могу еще спорить, кроме как с самим собой? Ты умен, Хамракул, ты опасаясь, как бы я не обозлился вконец. Но что же мне теперь делать — вечно кланяться всем в ноги? А вдруг мне еще повезет и вновь настанет время, когда станут кланяться мне? Разве такое исключено? Ведь ты, Хамракул, первый сломался, как только я сообщил о своем переходе на другую работу? Даже не спросил — куда? А ты еще не успел стать стремянным, Хамракул. И вообще, нужно ли это тебе, честному, прямому парню? У меня были такие стремянные, что могли совратить и самого бога! Помню, поехал я однажды в далекий горный кишлак, название которого оказалось несколько странным — Кампир-улди.¹ Вот и пошутил я тогда неосторожно — мол, в таком кишлаке, должно быть, страшновато пожилым женщинам. Через год узнал, что Кампир-улди успели переименовать в Замонобод. Я не стал спрашивать причину, она и так была ясна, но мне долго объясняли: Саидмурад Замонович, выполняя ваши мудрые пожелания, мы позаботились о том, чтобы наши старушки вовсе не умирали, а всласть пользовались всеми благами нашего светлого времени. А о том, что это светлое время означало имя моего покойного отца, не было сказано ни слова! Был еще случай — когда выехал я на нивы, увидел богатый хлеб и не смог сдержать радости: да возвысится вашему хирману, сказал я, добрый у вас нынче урожай, хлеб — всему голова, ничто, даже картошка, не заменит его. И мои стремянные позаботились о том, чтобы через неделю я мог увидеть над тем же током огромное алое полотнище: «Картофель не может заменить хлеба!» Слава богу, хоть не было внизу моего имени. Так в чем же моя вина? Ведь я такой же обыкновенный человек, как и все вокруг, никому и никогда не давал клятвы изрекать одни лишь мудрости!

¹ Буквально: старушка умерла.

Теперь я хоть могу над этим посмеяться, но тогда не мог, вот это-то и обидно сейчас. Смейся я тогда, меня бы сочли легкомысленным и перестали бы уважать, и потому ходил я весь такой серьезный, сосредоточенный, и походка у меня была иная, величественная, голос — с хрипотцой, тихий, но властный, а лицо — словно суровый фасад дома, к которому боязно даже подойти. Весь этот маскарад стоил мне долгих и мучительных усилий, годами учился я выглядеть именно таким — индюком надутым. Но настал день, когда мой внушительный фасад легко дал трещину вместе с моим сердцем, было стыдно и больно, но эта боль не помешала мне посмеяться над своей участью, я наконец прозрел и узнал всю силу смеха, да только это знание уже поздно было применять...

Сочиняя заявление в полстраницы, Эломонов вдруг заметил, что уже разучился писать: буквы мелкие, строчки кривые, как говорится — пьяный муравей прополз по бумаге... Лишь подпись внизу — плод долгих лет выучки! — получилась четкой, изящной, с завитушками.

Он взял заявление и поднялся наверх, к начальнику объединения. Запыхался, пока одолел четыре этажа, остановился у какого-то стенда и отдышался, делая вид, будто рассматривает фотографии.

В приемной сидели два молодых парня и пожилой управляющий трестом. Эломонов поздоровался с ними и присел в кресло поближе к двери кабинета. В углу комнаты девушка-машинистка печатала какой-то текст. Когда она посмотрела на Эломонова, ему стало неловко — вот уже около года секретарши больших начальников смотрели на него с некоторой жалостью. Наверно, и выгляжу жалким, подумал Эломонов, забился тут в угол с листком бумаги, этакий проситель, жаждущий, аудиенции, благо хоть эти двое парней не знают меня, а управляющий — скромный человек, года три назад был у меня на приеме, и фамилия у него созвучна с моей, то ли Омонов, то ли Омонкулов, ах да, Джомонкулов... А эта секретарша... как же ее зовут?..

Эломонов уже однажды спрашивал ее имя, но сейчас никак не мог вспомнить. Посмотрел на девушку: невзрачненькая, чем-то похожая на Хадичу-апу, бывшую его секретаршу, только эта еще совсем молодая. Хадича-апа родилась в год мыши, как и я, подумал Эломонов, значит, была она старше меня на двенадцать лет — на целый цикл. Вообще, все секретарши были старше

меня, не было ни одной молодой, боялся я, что ли?..

В это время дверь открылась, вышел какой-то старик, и тут же в кабинет устремились два молодых парня. Джомонкулов беспокойно заерзал, затем вынул из кармана флакон с белой жидкостью и, налив в маленькую пластмассовую ложечку, выпил.

— Желудок мучает, Саидмурад Замонович,— пожаловался он, облизывая ложечку.— Хочу взять отпуск и ехать в Ессентуки.

— Правильно делаете,— сказал Эломонов, чтобы как-то поддержать разговор.— Здоровье нужно беречь.

Джомонкулов спрятал в карман лекарство и ложечку.

— Вижу, и вы заявление написали?— он кивнул на бумагу, которую Эломонов держал в руке.— Тоже отпуск и на курорт?

— Я на курорт еду летом,— ответил Эломонов.— Это совсем другое заявление.

— Тогда прошу прощения,— смутился Джомонкулов.— Признаться, Саидмурад Замонович, я порядком устал, сами понимаете, у нас работа нервная, склочная. Строители, одним словом...

— Я по профессии агроном, товарищ Джомонкулов, мало разбираюсь в вашей области.

— Знаю, Саидмурад Замонович, но вы всегда помогали нам. Помните, я к вам приходил, когда заказчики затеяли с нами ненужную тяжбу?

— Кажется, вы тогда победили?— спросил Эломонов наугад, хотя он никакую такую тяжбу не помнил.

— С вашей помощью, Саидмурад Замонович,— улыбнулся Джомонкулов. Затем заботливо спросил:— Как ваши дела? Здоровье?.. Здоровье ваших родных?..

— Спасибо, товарищ Джомонкулов, все живы-здоровы.

— А мы слушаем песни вашей супруги. Слышал, что у нее новая книга вышла, да не зная усталости пишушим ее рукам!

— Да, книга вышла.

— Наверно, нелегкое это дело — писать стихи?— спросил Джомонкулов.— Я вот столько лет живу на свете, но даже заявление толком не могу написать, все не вяжется. А ведь это стихи!

— Зато вы хорошо строите, товарищ Джомонкулов, каждому — свое.

— Вы верите, товарищ Эломонов, в молодости я

целые поэмы наизусть знал, дед мой меня выучил, но как только запрягся в эту арбу, так даже книжки читать некогда,— сказал Джомонкулов, вздыхая.— Теперь вот собираюсь в отпуск, надо подлечиться... Годовой свой план мы выполнили на сто пять процентов, думаю, теперь и мы достойны курортов!

— Поздравляю, товарищ Джомонкулов.

— А когда же вас поздравлять будем, Саидмурад Замонович?— спросил Джомонкулов.— Надеюсь, скоро?

— В газетном деле нет особо твердого плана,— ответил Эломонов.— Сами знаете, тут точный график — и никаких перевыполнений.

— Вы меня не поняли,— вроде как обиделся Джомонкулов.— Газета — это одно, а я о другом спрашиваю.

— Даст бог, все будет...— неопределенно ответил Эломонов и внимательно посмотрел на Джомонкулова: с чего он вдруг затеял этот разговор, знает что-нибудь или просто издевается? Но на широком загорелом лице Джомонкулова не было и тени насмешки, глаза его смотрели прямо и искренне. Эломонов немного успокоился.

Молодые люди тем временем вышли из кабинета и передали секретарше какие-то бумаги.

— Будем считать, что вы уже в отпуске,— с улыбкой обратилась секретарша к Джомонкулову.— Посидите немного, пусть сперва зайдет Саидмурад Замонович...

— Право, мне неудобно,— смутился Эломонов.

— Что же тут неудобного, Саидмурад Замонович,— поддержал секретаршу Джомонкулов.— Правильно говорит дочка, мне совсем не к спеху.

— Благодарю вас, товарищ Джомонкулов,— сказал Эломонов.

При виде входящего Эломонова Чоршанбиев торопливо встал и вышел из-за стола.

— Рад вас видеть, Саидмурад Замонович. Пожалуйста, садитесь.

— Да нет, мне сидеть некогда,— отказался Эломонов.— Говорят, вы меня разыскивали?

— Да, спрашивал... Но вы садитесь, Саидмурад Замонович... Хотел поздравить с тем, что избавились наконец вы от этого Избосарова. Не сглазить бы, но вы прекрасно выглядите!

Значит, выгляжу неважно, подумал Эломонов, а вроде бы так хорошо выспался, разволновался — вот и

результат, всему виной — этот бес Пулатов, его недавние слова.

— Да вы садитесь, Саидмурад-ака,— повторил просьбу Чоршанбиев.

В ответ Эломонов молча протянул начальнику заявление. Чоршанбиев быстро пробежал его глазами.

— Что это?— удивленно спросил он.— Или мы провинились в чем?

— Вы тут ни при чем,— ответил Эломонов.— Если честно, то эта работа не по мне, Насырджан. Такое чувство, будто ем чужой хлеб. Вот и решил уйти, пока совесть окончательно не уснула, чего доброго, еще привыкну.

Чоршанбиев посерьезнел.

— Думаю, надо подождать, товарищ Эломонов, и потом, что это значит — уволиться по собственному желанию? Не мне вам объяснять, что существуют и другие формулировки, скажем, перевод на другую работу и так далее. Может, еще чуточку подождем? Ведь никогда не поздно подписать подобную бумагу?

Эломонов в душе согласился с Чоршанбиевым, понял, что поторопился с заявлением, но отступить было поздно, а то еще подумает Чоршанбиев, что все это было несерьезно, что Эломонов решил просто-напросто испытать, чего он вообще стоит, его начальник.

— Да нет уж, Насырджан, увольняйте меня по собственному желанию.

— Я так не могу, товарищ Эломонов,— заволновался Чоршанбиев.— Не могу так легко отпустить, за это меня по головке не погладят. Как-никак, вы все еще значитесь в номенклатуре.

При этих словах Эломонову стало обидно до слез. Как ты еще наивен, подумал он с горечью, давно уже все переместилось в той номенклатуре, где раньше я числился в первых рядах... И как непросто все это тебе сказать, хотя бы потому, что ты еще совсем молод, ты еще нигде не спотыкался, следовательно, можешь и не понять.

— Прошу вас, Насырджан. Оформите увольнение по собственному желанию. За все остальное отвечу сам. Ведь и у меня могут быть свои желанья. Считайте, что именно этого я больше всего хочу — уволиться по собственному желанию. Вы говорите о номенклатуре? Пусть я вылечу из нее ко всем чертям, но дальше так не могу, буду нужен, так вновь занесут в номенклатурные спис-

ки, сами знаете, я не воровал, не развратничал, правда, был глуп, доверял всем без разбору, но за это уже наказан достаточно...

Чоршанбиев больше не настаивал, молча взял заявление и наложил резолюцию.

— Если не возражаете, я сдам дела Каршиеву,— сказал Эломонов.— Инициативный молодой человек, энергичный, хорошо знает газетное дело.

— Я согласен,— кивнул Чоршанбиев.— Только предупредите его, пусть не надеется на персональную машину.

Эломонова будто током ударило, он быстро взглянул на Чоршанбиева, но обиду проглотил... Что он мог ему сказать, если уже однажды молча принял милостыню в виде новенькой «Волги»?

— Машину сегодня не могу сдать,— сказал он чуть спустя.— Есть кое-какие дела, надо поездить...

— Еще целую неделю машина будет в вашем распоряжении,— сказал Чоршанбиев.— Можете спокойно пользоваться. Думаю, вас без машины не оставят, Саидмурад Замонович...

Последняя фраза озадачила Эломонова. Лицо Чоршанбиева было по-прежнему бесстрастным. Хитрит, подумал Эломонов, не может быть, чтобы слухи обошли его, наверняка что-нибудь да знает, а вот виду не подает.

Чоршанбиев проводил его до дверей приемной. Эломонов и в этом увидел некий добрый знак.

Он спустился вниз и открыл дверь большой комнаты, где сидели его сотрудники. Увидев Эломонова, все трое встали.

— Я уволился, товарищи,— сообщил Эломонов.

Сотрудники уставились на него: двое с удивлением, а третий, Хамракул,— с тревогой и волнением. Кажется, он даже немного побледнел.

— У меня маленькая просьба,— сказал ему Эломонов.— Отнесите мое заявление в отдел кадров, пускай оформят приказом.

Хамракул взял заявление.

— Так быстро, товарищ Эломонов?..— выдавил он из себя.

— А чего ждать?— бодро ответил Эломонов.— Мне было приятно с вами работать, товарищи. Думаю, наше сотрудничество на этом не кончится...

Сотрудники вежливо заулыбались. Видимо, они не первый раз слышали эти дежурные слова. От каждого уволившегося редактора, подумал Эломонов, я это, конечно, зря, надо было попроще...

— Ключ я оставляю в дверях, Хамракулджан, — сказал он. — С товарищем Чоршанбиевым мы уже договорились. Можете сегодня же приступить к работе. Правда, машины у вас не будет. Сами понимаете, она была придана мне исключительно в лечебных целях, — тут Эломонов заставил себя улыбнуться. — Не стали приглашать постороннего человека, вы — из своих кадров, хорошо знаете коллектив, так что, остается вам только дерзать...

Хамракул опустил глаза. Эломонов улыбнулся и тем двоим, слегка наклонил голову, мол, и вам очень признателен, и вышел.

В своем кабинете, правда, уже бывшем, снимая с вешалки пальто и шапку, он рассудил, что Ибодулло Махсум все-таки был прав — одежда совсем износилась, от шапки из голубой смушки осталось одно только название, не стоит огорчаться, лишь бы голова была цела, а шапка всегда найдется. Он взял лежавший на столе толстый кожаный портфель, подошел к двери, остановился, чтобы последний раз обозреть свой кабинет — просторный, с высоким потолком, с удобной мебелью, двойные окна, новые шторы... И на какой-то миг ему стало жалко, что он оставляет его навсегда. Прощайте, сказал он вслух, да умножится добро на свете!..

Закрыв дверь на ключ и бодро зашагал по коридору. Звуки шагов гулко отдавались в тишине. Удивился, вспомнив, как недавно запыхался, поднимаясь на четвертый этаж, нет, Эломонов, есть еще силы, есть, значит, и жизнь...

Увидев в коридоре молодого человека лет тридцати пяти, он обрадовался, будто встретил отца родного:

— Здравствуйте, Нуриллоджан! Как вы поживаете? Давно вас не видел! Слышал, что перешли в исполком, и обрадовался, ведь рост наших кадров есть и наш собственный рост!..

Молодой человек не понял его радости.

— Товарищ Эломонов? — удивленно спросил он. — Значит, вы здесь?

Эломонов хотел было сказать, что уходит отсюда, но небрежный тон молодого человека быстро остудил его

пыл. В это время открылась дверь слева и оттуда позвали: «Сюда, Нурилло Набиевич!..» Молодой человек скрылся за дверью, даже не попрощавшись. Эломонов один остался в длинном пустом коридоре. Вот как меняются люди, подумал он с горькой обидой, а был такой любезный, чуть что — советоваться прибегал, а теперь, выходит, большим человеком стал! Я, дурак, еще обрадовался ему! Спасибо, хоть узнали вы меня, Нурилло Набиевич! Зря вы только думаете, что Эломонов больше не воскреснет. Нет, Нурилло Набиевич, Эломонов еще не умер, мы с вами еще встретимся!..

Эломонов и сам испугался такой мысли. Уймись, Сандмурад, сказал он самому себе, надо быть выше, такие, как Нурилло, были всегда, будут и впредь, но не позволяй себе уподобиться им, иначе Хамракул окажется прав, озлобишься и начнешь мстить...

Кулмухаммад сидел в проходной и распивал чай со стариком-вахтером. При виде Эломонова он залпом осушил пиалу и встал.

— Хозяин идет, отец,— сказал он вахтеру.— Дальше вы сами... Что, Эломонов-ака, в поездку?

— Пока отставим поездку,— ответил Эломонов.— Есть кое-какие дела в городе.

— Я к вашим услугам, Эломонов-ака, с ветерком доставлю!

— Меня радует ваша постоянная готовность, Кулмухаммад,— улыбнулся Эломонов.— Но сегодня не следует особо гнать — на улице гололедица...

Они вышли на улицу. И сразу холодный ветер ударил в лицо. Эломонов застегнул пуговицы пальто, поднял воротник. И увидел, как на обочине дороги затормозил красный «Москвич».

— Жена ваша приехала, Эломонов-ака,— сообщил Кулмухаммад.— Как раз вовремя успела, а то могли уехать...

И действительно, в эту секунду открылась дверца и из машины вышла Бинафша-ханум. Порывшись в сумочке, она рассчиталась с шофером и направилась к мужу. Эломонов поспешил ей навстречу и увидел, что она явно не в духе.

— Я как раз собрался на поиски той книги, ханум,— солгал он жене.— Вы зря беспокоитесь, я ничего не забыл.

Бинафша-ханум зло посмотрела на него, но промолчала.

— Чтонибудь случилось?— забеспокоился Эломонов.

— Он еще спрашивает!— усмехнулась Бинафша-ханум.— Пошли!

Она схватила мужа за руку и потащила к белой «Волге», где уже сидел Кулмухаммад.

— В издательство,— бросил Эломонов водителю.

— Нет, в театр,— перебила его Бинафша-ханум.— Вы знаете, где находится театр муздрамы?

Эломонов удивленно посмотрел на нее:

— Разве вам не на работу?

— Сперва надо в театр... Вы когда говорили с Пулатовым?

— Утром... Где-то около одиннадцати, нет, пожалуй около двенадцати... Почему вы спрашиваете, ханум, что-нибудь случилось?

— О святая простота!— сокрушенно покачала головой Бинафша-ханум.— От кого вы узнали про те слухи? От Пулатова?

— От него,— ответил Эломонов, чувствуя, как холодеет сердце.— Потом... вроде и наш сват Остонов намекнул на это...

— Я звонила Пулатову. Говорит, что пошутил, чтоб ему перевернуться!

— Как это так, ханум, я ведь ему поверил и... Нет, ханум, не может быть, ведь он вроде неплохой человек, не станет же обманывать!..

— Сейчас проверим, я устрою вам очную ставку!

Эломонову вдруг стало плохо, он откинулся на спинку сиденья.

— Не надо,— взмолился он.— Я вас очень прошу, ханум, не делать этого, пусть пропадает все пропадом! Стыдно ведь...

— А вот и поедем!— твердо заявила Бинафша-ханум.

Кулмухаммад, молчавший до сих пор, вмешался в разговор:

— Не надо так дергать мужа, Бинафша-апа. Вообще-то, это факт, что ходят слухи о его повышении.

— А вас не спрашивают!— резко оборвала его Бинафша-ханум.

— Полно, ханум,— сказал Эломонов.— Нельзя так разговаривать с человеком, он же за рулем!..

— Спасибо, Эломонов-ака, но вы за меня не волнуйтесь!— сказал Кулмухаммад.— Рука у нашего брата крепкая. Такая вот работа, мало ли кто на нервы дей-

ствуем, но аварию делать мне никак нельзя — за спиной у меня детей одиннадцать душ. Что, по-прежнему едем в театр?

— Нет,— сказал Эломонов.— Подбросим Бинафшаханум в издательство.

Бинафша-ханум молчала.

— Если Пулатов и обманул, ханум,— сказал Эломонов, повернувшись к жене,— бог с ним, с шутником... Ничего страшного не случилось, мы же не останемся на голом месте...

Бинафша-ханум метнула на него взгляд, полный презрения.

— Не пойму,— сказала она,— не пойму, как могли столько лет держать вас на посту... такого болвана...

— Да уймитесь вы, наконец!— вспыхнул Эломонов, задетый за живое.— Сколько можно меня пилить? Не скажу, что был хорошим, но ведь и мошенником не был! Раньше вы со мной так не обращались, да, да, раньше просто не осмеливались! И Пулатов раньше не отважился бы так подшутить надо мной!

— Вот как вы заговорили!— удивилась Бинафшаханум.— Если вы это так хорошо понимаете, зачем же заявление подали? Никто у вас пост не отбирал, вы сами, добровольно отказались от него. Терпите, еще не то будет!..

— Я-то терплю, но, вижу, вы не можете...

— О-хо-хо!..— картинно воздела очи к небу Бинафшаханум.— Надо же, а? Гнев-то какой праведный! Да мне, если хотите знать, все до лампочки! Слава богу, есть у меня свое место в жизни, на судьбу не жалуясь!..

Кажется, разговор супругов надоел Кулмухаммаду, он резко затормозил.

— Я выйду, Эломонов-ака,— сказал он.— Поговорите одни, потом позовете.

— Не будьте столь щепетильны, Кулмухаммад,— сказал ему Эломонов.— Поехали, мне нечего от вас скрывать.

Кулмухаммад ничего не сказал и сразу дал большой газ, видимо, он уже позабыл, что за спиной у него все одиннадцать детей.

— Самое страшное, вы научились врать, Эломонов,— Бинафша-ханум обновила тему разговора.— Сколько уже обещаете съездить за книгой для сына?!

— Ради бога, ханум!— взмолился Эломонов.— Я действительно собираюсь съездить за ней, но дело в том,

что не знаю старой письменности... а вдруг привезу не гу книгу.

— Пока я слышу одни разговоры!— в сердцах сказала Бинафша-ханум.— О такой ли участи я мечтала? Что ж, придется смириться, вы уже конченный человек, Эломонов, теперь вся моя надежда на сына. Пусть это будет моя последняя просьба, сделайте такое одолжение, найдите книгу.

Эломонов не ответил. И вправду конченный человек, подумал он о себе, раз поверил Пулатову и лишился и этой маленькой должности, значит, песенка моя спета. Хорошо, хоть жена еще не знает.

— Прихватите с собой кого-нибудь знающего,— преврала его мысли Бинафша-ханум.— Пусть прочтет и определит — та ли вещь. Есть у вас на примете кто-нибудь, умеющий читать древние тексты?

— Знаю только Ташпулата Хайбарова,— сказал Эломонов.— Но не уверен, окажет ли он мне эту услугу.

— Вот еще новости!— воскликнула Бинафша-ханум.— Кто он такой, этот ваш Хайбаров, чтобы важничать? Старьевщик, книжная мышь!.. Короче, вы найдете его и привезете мне книгу. Адрес его знаете?

— Не знаю, студентом он вроде жил в общежитии...

— Вы в своем уме?! Он уже давно не студент. Спросите у Мурада. Кажется, они дружат. Оба они лоботрясы, только и делают, что коптят небо. Кто сказал, что зарежет барана и устроит большой пир, если я перестану писать стихи? Это сказал тот самый ваш Мурад, запомните! Вы еще общаетесь с таким змеенышем! Сам писать не может и другим не дает!..

— Да он вроде и сам пишет...— несмело возразил Эломонов.

— Не пишет, а над людьми измывается!— сказала Бинафша-ханум.— Сколько раз ставили ему на вид, и не унимается! Плохо он кончит, так ему и передайте!..

— Не могу, ханум, пускай живет, как знает...

— Бойтесь? Значит, все могут насмеяться над вашей женой, и вы будете молчать! Знайте, он и вас ни в грош не ставит, этот Мурад!

— Полно, ханум,— рассердился Эломонов.— Разве так можно обо всем и обо всех... Надо же знать меру!

— Остановитесь здесь!— вдруг приказала Бинафша-ханум водителю.

— Ведь еще далеко до вашей работы!— сказал Кулмухаммад с раздражением.

— Остановите!..

Кулмухаммад остановил машину. Бинафша-ханум вышла и со злостью хлопнула дверцей. Пошла прочь, даже не обернувшись. На тротуаре, у газетного киоска, она обнялась с какой-то полной женщиной. Послышались их возгласы, веселый смех. Эломонов смотрел им вслед, пока они не исчезли за дверьми здания напротив.

— Я не очень понимаю вашу жену, Эломонов-ака,— недовольно проворчал Кулмухаммад.— То ей в театр надо, то на работу, а теперь...

— Здесь — поликлиника,— объяснил Эломонов.— У нее давление.

— Поликлиника, говорите?— удивился Кулмухаммад.— Почему нет вывески?

— Это вовсе не обязательно, Кулмухаммад. Те, кто сюда приходит, знают, что здесь поликлиника.

— Кажется, вы сами сюда не ходите?

— Я стесняюсь, сюда ходить.

— Как? Тут это... по женской, что ли, части?

— Нет, мужчин тоже принимают. Я раньше ходил сюда, потом перешел в поликлинику наших строителей. Жена осталась здесь. Я бы тоже мог остаться, но не захотел, подумают еще, что это благодаря жене, в качестве члена ее семьи.

— Вообще, вы правильно поступили, Эломонов-ака. Уважать себя тоже надо.

— Ладно, поехали за книгой, отложить поездку уже не удастся, сами видите...

Но Кулмухаммад не торопился ехать. Он достал из ящичка сигарету и закурил. Эломонов не знал, что водитель его курит, потому и был неприятно удивлен: раньше, значит, хоть немного стеснялся меня, теперь считает, что в том нет надобности, все он слышал, можно и закурить, не церемониться. Кулмухаммад чуточку опустил стекло и выдохнул дым наружу. Эломонов съжился от холода и поднял воротник пальто.

— Вы не обидитесь, Эломонов-ака, если я вам скажу одну вещь?— спросил Кулмухаммад, бросив сигарету.

— Говорите,— сказал Эломонов.— Теперь я ни на кого не обижаюсь.

— Ладно, скажу... Вообще-то, вы зря взяли себе эту жену, Эломонов-ака. Надо было чуть попроще, из своих, галатепинских...

— Почему?— спросил Эломонов, хотя он прекрасно понял своего водителя. Обида на жену еще не прошла,

и ему хотелось с кем-то ее разделить.— Ну, так почему так считаете, Кулмухаммад?

— Э! Не пара она вам...— ответил Кулмухаммад.— Вы ради нее все делаете, бегаєте, унижаетесь. Если бы мы так старались для наших жен, они бы носили нас на руках, да они бы просто...

— Но Бинафша-ханум не желает мне зла,— смутился Эломонов.— Сердится, так это из-за сына... Ему нужна очень редкая книга, для научной работы. А тут еще дочь на выданье. И все эти хлопоты на плечах жены.

— Лучше бы она дома сидела и хозяйство вела,— гневно сказал Кулмухаммад.— Вы говорите — сын, дочь, ладно, мы это понимаем, и у нас есть дети, сын — это ваш сын, дочь — это ваша дочь, надо их поддержать, но ведь душа-то, она тоже ваша. Пожалейте вы хоть душу-то свою! Вот вы бегаєте из-за них, высунув язык, а они вам, это... спасибо-то хоть скажут?!

— Ну, это вы хватили через край,— сказал Эломонов.— Хотя, признаюсь, жить они привыкли широко, вот и скучают по тем временам, когда я был на коне.

— Скажите, пусть потерпят, пока сами не достигнут высокого места.

— Правильно вы говорите, Кулмухаммад, но...

— Какое еще может быть «но»?— шофер не дал Эломонову договорить.— Почему вы так дрожите перед женой? Проучите ее хорошенько... Даже дурак понимает ваше положение. Вот когда Чоршанбиев выделил вам эту машину, никто ведь не захотел на ней шоферить. Другое дело, если бы вы занимали большую должность, тут бы они облепили вас, как мухи!

— А вы?— спросил Эломонов с горькой обидой.— Почему же вы согласились?

— Мы не чужие вам, Эломонов-ака! Вы из Галатепе, я из Шоркудука — рукой ведь подать! В хорошие дни все пригожи, а в черный день — только свои!

— Спасибо, Кулмухаммад, за сочувствие. Но, пожалуйста, хватит об этом, не мучайте меня дальше, поехали!

— Нет, сперва вы меня дослушайте,— упрямо сказал Кулмухаммад.— Если вы умный человек и у вас осталась хоть капелька гордости, уйдите от такой жены. Еще не поздно...

— Как вы смеете меня учить!— рассердился Эломонов.— Вы хоть думайте, прежде чем говорить. И потом... не всегда же она была такой... такой нервной, много у

нас было хорошего, как же я теперь откажусь от нее? Ведь ей совсем нелегко, работает, и дома не знает покоя, к тому же стихи сочиняет...

— Стихи сочиняет!— усмехнулся Кулмухаммад.— Когда женщина довольна мужем, не станет она никакие стихи сочинять, будет дома сидеть, ухаживать за мужем, за детьми, вкусно готовить, встречать гостей, родственников!.. Вот моя жена... почему она стихи не сочиняет?

— У вас же большая семья,— улыбнулся Эломонов наивности Кулмухаммада.— Целых одиннадцать душ детей...

— Так и вам надо народить не меньше.

— Ну это было бы уж слишком... Да и времени у нас не было,— работа, ответственность...

— Бросьте вы все это, Эломонов-ака!— разочарованно махнул рукой Кулмухаммад.— Вижу, с вами не столкнешься! Зря я старался, хотя, может, и я не прав, у вас, у начальников, своя жизнь, может, мы чего-то недопонимаем. Поехали, Эломонов-ака! Скажите адрес вашего Мурада!

Машина тронулась. Теперь все будут говорить со мной вот в таком тоне, подумал он, потерял и то немногое, что имел,— написал заявление, и никто не водил моей рукой, все сделал сам, опять сам... Так он подумал, но не обнаружил в душе никакого сожаления, и даже удивился — так легко ему теперь дышалось, легко и свободно, никакой ноши, никакой боязни, будто все вдруг стало на свои места, без нервов, без суматохи — хоть снова начинай свою жизнь!

Мурад охотно объяснил, где живет его приятель Ташпулат Хайбаров, даже начертил на бумаге план. Эломонов эту бумагу вручил Кулмухаммаду и велел сперва заехать на базар за покупками.

Хайбаров жил на окраине города, в пятиэтажном доме в дальнем конце улицы, торец дома выходил к кукурузному полю. Кулмухаммад остался внизу. Эломонов взял пакет с подарками и поднялся на третий этаж. Дверь открыла молодая миловидная женщина.

— Проходите, пожалуйста,— сказала она.— Ташпулат-ака в кабинете с гостем. Вот туда, в самый конец коридора...

Эломонов вошел, снял пальто и направился в дальнюю комнату. Открыв дверь, он закашлялся от табачно-

го дыма. В комнате сидели Ташпулат и незнакомый молодой человек, они о чем-то оживленно говорили.

— Вы?— спросил Хайбаров, не веря своим глазам, и поспешно встал.— Саид-ака! Какой же добрый ветер занес вас сюда?

— Дела, Ташпулатджан, — улыбнулся Эломонов. — Зачем душой кривить, дела привели...

— Садитесь, Саид-ака. Вы уж извините, у нас не очень-то прибрано. Не ждали гостей, а что до нашего друга, так он свой человек.

— Э, странно говорите, Ташпулатджан, никакой я не гость...

— Раз пришли в мой дом, значит, гость, Саид-ака, сколько лет не виделись, страшно даже подумать! В кишлаке часто спрашивают о вас, а мне приходится врать, будто мы каждый день видимся...

Хайбаров подал ему стул, а сам пошел открывать форточку.

— Пускай проветрится... Кстати, я вас еще не познакомил, это мой друг Эркин, молодой хирург.

— Докторов я уважаю, — сказал Эломонов и подал руку молодому человеку.

— Это Саидмурад-ака Эломонов, мой односельчанин, — представил его Хайбаров. — Вчера приходил Махсум-бобо. Он вас дождался, Саид-ака?

— Да, мы с ним виделись, — ответил Эломонов. — Хорошее дело они задумали, Ташпулатджан. В субботу приеду на машине и целый день буду в вашем распоряжении.

Хайбаров сел рядом с Эломоновым. В комнату вошла женщина, открывшая Эломонову дверь.

— Пожалуйста, Замира, приготовьте что-нибудь, — сказал ей Хайбаров. — Товарищ Эломонов пришел к нам.

— Добро пожаловать, — сказала женщина, заметно оживившись. — Мурад-ака часто говорит о вас.

— Вы, Саид-ака, вроде бы мой односельчанин, а водитесь с чужаком Мурадом, — пошутил Хайбаров.

— Мы же с вами старые приятели, — сказал Эломонов, смутившись. — Потом, он никакой не чужак, всего пять оврагов отделяют его Джам от нашего Галатепе.

Замира улыбнулась гостю и вышла из комнаты.

Из-за дверей послышался плач ребенка. Эломонов, улыбувшись, спросил:

— Кто это кричит, Ташпулатджан, наследник?

— Сын, — ответил Хайбаров. — Голосистый, можно подумать, мечтает заменить Насима Хашимова¹.

— У меня двое взрослых, — сказал Эломонов. — Сын работает за границей, женат, внука имеем... Он собирается всерьез заняться наукой, как и вы, Ташпулатджан.

— Похвально, — отозвался Хайбаров. — Я слышал, что он востоковед?

— Да, собирается совершенствоваться...

— Значит, мы с ним почти коллеги.

— Вижу, число твоих коллег все увеличивается, Хайбаров, — заметил Эркин. — Что, хорошо платят?

— По-разному. Вообще, восточный факультет считается престижным, хотя, думаю, не всем интересно там учиться. Надеюсь, сын ваш сам выбрал эту специальность, Саид-ака?

— Нет, — ответил Эломонов. — Жена так захотела. Я мечтал, чтобы он стал агрономом.

— Это и понятно, вы же сами агроном, — улыбнулся Хайбаров. — Жена ваша, надеюсь, тоже востоковед, а поэзия, так сказать, второе призвание?

— Нет, она по образованию тоже литератор.

— А невестка ваша уж наверняка востоковед?

— Угадали!

— Тут, Саид-ака, нечего угадывать. Вот Эркин говорит, будто в последнее время слишком много развелось востоковедов, а по-моему, их пока мало.

— Разве прием ограничен? — спросил Эркин.

— Нет, прием не ограничен. Но большую половину студентов составляют невесты.

— Интересно говорите, Ташпулатджан, — улыбнулся Эломонов, — по-моему, все студентки потенциальные невесты, и нельзя их винить в этом.

— Я и не виню. Но многие из них поступают туда не ради востоковедения, а ради будущего востоковеда, с твердым наказом родителей подыскать себе жениха в течение пяти лет. Факультет-то престижный, там учатся сыновья больших людей!..

— А разве исключений не бывает?

— Бывают и исключения, Саид-ака. Года два назад ко мне приехала сестра с больным сыном, думала, брат ее тут самый важный человек и все мигом устроит. А я, как понимаете, оказался совсем несолидный. Эркина

¹ Оперный певец, народный артист Узбекистана.

беспокоить было совестно, у него и без того мало времени...

— Уж для тебя время нашлось бы, Хайбаров,— недовольно сказал Эркин.— Подлец ты, никакой не друг.

— Не перебивай,— заметил ему Хайбаров.— Но мне тогда все-таки удалось устроить племянника в больницу. Оперировала его знаменитая женщина хирург, профессор, заслуженная и все такое... Сестра была благодарна ей, в лепешку была готова расшибиться, лишь бы угодить! Слава аллаху, обошлось без подарков и прочих унижительных процедур. Женщина оказалась достойной, она сразу заявила, что высшая награда для нее — здоровье больного. И думаете, на этом все кончилось? Конечно, нет... Год назад сижу я, значит, на подоконнике в коридоре факультета,— поскольку я приглашенный и читаю студентам только историю ислама, то и не имею привычки заходить в преподавательскую комнату, чтобы лишний раз не нервировать людей,— так, значит, сижу я на подоконнике, а ко мне подходит та самая женщина-профессор, уже не гордая, а какая-то сникшая вся, и просит... провалить ее дочь на выпускных экзаменах!

— Почему? — удивился Эломонов.

— Да потому, что дочь ее оказалась хорошей студенткой, старательно училась в течение пяти лет и не нашла времени подыскать себе жениха.

— Надеюсь, ты ее провалил? — спросил Эркин.

— Зачем же ее проваливать? — засмеялся Хайбаров.— Вот она-то и станет хорошим востоковедом. Хотя, если признаться, мне до сих пор стыдно перед ее матерью, уж больно хорошая женщина, умная, добрая, и прислала-то такую малость.

— Тебя не поймешь, Хайбаров, — сказал Эркин, — издеваешься или...

— Считаю, и то и другое... Случай вроде анекдотический, а все равно обидно, женщина-то действительно достойная. Может, ее муж так захотел. Помню, как-то меня, еще тогда совсем юнца, пригласил к себе один академик. Я сперва не понял, зачем я ему такой понадобился. Оказалось, у него была дочь, красивая, но очень стеснительная, а мать не в пример ей бойкая, она так начала расхваливать дочку, что даже такой дурак, как я, вмиг обо всем догадался. Дочь не выдержала, выбежала из комнаты. Но мне больше всего было жаль

самого академика, он весь покраснел, не лицо у него стало, а прямо-таки переспелый арбуз в разрезе, все ерзал, не находил себе места... Тогда я и полюбил и его, и его дочку. Она, слава богу, вскоре вышла замуж за одного циркача, но академика я до сих пор продолжаю любить — за то, что он умеет краснеть, такой вот несовременный человек. Вообще, Саид-ака, жены — большая сила. Вот у меня родился сын, еще двух лет ему не исполнилось, а Замира хочет, чтобы он непременно стал археологом. Но я постараюсь, чтобы он им не стал, хотя и очень уважаю археологов, работа у них тяжелая, грязная.

— Что, он у тебя белоручкой будет, боишься грязи? — усмехнулся Эркин.

— Нет, натруженные руки я уважаю. Но нельзя навязывать детям свою волю. Нельзя! Надо дать им возможность жить своей жизнью! Мой отец не учил меня, как жить, а показывал. Разницу улавливаешь? Не обижайтесь, Саид-ака, но боюсь, ваш сын не будет настоящим знатоком Востока, потому что не сам решил им стать, а жена ваша так захотела.

— Слушай, Хайбаров, надо иметь совесть! — запротестовал Эркин. — Человек пришел в гости, а ты ему одни гадости...

— Ничего, Эркинджан, — пробормотал Эломонов, — мы ведь свои люди, отчасти он и прав...

— Если не на все сто процентов, — сказал Хайбаров. Думаю, теперь ваш сын если не востоковедом хорошим, то кандидатом-то уж обязательно станет.

Эломонов молча проглотил и эту колкость. За дверью опять заплакал ребенок. Трудно им, подумал Эломонов, и Сабирджан был таким же плаксивым, но мы няньку нанимали...

— Извините, чаем придется самому заняться, — сказал Хайбаров, вставая. — Маленький человек свободы требует, симфония разума, так вроде называется...

Когда вышел, Эломонов осмотрел комнату: кругом стеллажи с книгами, какие-то фотографии. Один шкаф был набит осколками древних сосудов, на верхней полке шкафа белели человеческие черепа. Какое кощунство, подумал Эломонов, даже мертвым покоя не дают.

— Это не ради красоты, — объяснил Эркин, словно угадав его мысли. — Жена Хайбарова антропологией занимается.

Хайбаров принес чай и свежие лепешки.

— Сегодня у меня отгул, Санд-ака, — сказал он. — Вот Эркина позвал, чтобы не скучать одному.

— А Эркинджан где работает? — спросил Эломонов.

— В областной больнице, — ответил Эркин. — Но уже три месяца, как сижу дома.

— Навыки теряет, — пошутил Хайбаров. — Тоже заразился кандидатской болезнью. Зачем тебе диссертация, Эркин, ты же хирург божьей милостью, так, во всяком случае, говорят.

— Хочу больше получать, — ответил Эркин. — Детей надо кормить.

— У вас их много? — поинтересовался Эломонов.

— Пока шестеро. Бог даст, еще будут. Стране нужны рабочие руки. Вот и сижу дома, детей выпекаю и заодно забочусь о том, как бы в дальнейшем их прокормить. Полная диалектика.

— Мне нравится ход ваших мыслей, ведь и я намерен впредь домоседом стать, только вот до детей еще не додумался, — захихикал Эломонов. И в тот же миг возненавидел себя за этот смешок, хотя и понимал, что много выхода у него нет и не будет, главное сейчас — понравиться этим молодым людям, которые годились ему в сыновья.

— Вы вроде работаете, Саид-ака? — спросил Хайбаров.

— Работал, если то, чем занимался, можно назвать работой, — сказал Эломонов, краснея. — Вот и подал заявление об уходе. Теперь наверняка буду сидеть дома...

— Спасибо, что пришли, Санд-ака, — сказал Хайбаров, не вдаваясь в подробности. — В субботу обязательно поедем в Галатепе.

— Но пока я пришел с просьбой, — смущенно сказал Эломонов. — Сын просит одну книгу, я вроде разыскал ее, двести рублей запросили...

— Видать, книга действительно ценная, — рассудил Хайбаров. — Может, вы назовете ее?

— Название у меня в кармане, — сказал Эломонов. — Внизу нас машина ждет. Я совсем не знаю эту вашу арабскую вязь, вы бы не могли со мной поехать, посмотреть — та ли это книга?

— Наверно, сегодня не смогу, — задумался Хайба-

ров. — Завтра — пожалуйста, но сегодня просто нет возможности.

— Я вас очень прошу, Ташпулатджан, да стану я вашей жертвой, сегодня нужно книгу привезти.

— Неужели обязательно именно сегодня? — спросил Хайбаров и посмотрел на Эркина.

— Очень даже обязательно, — торопливо сказал Эломонов, боясь, вдруг Эркин отговорит Хайбарова от поездки. — Туда ехать — всего три часа. Пожалуйста, Ташпулатджан, сделайте одолжение, вы умеете читать старинные книги, не чужие ведь мы, куда мне еще идти за помощью!

— Хайбаров не может поехать, — покачал головой Эркин.

Сам Хайбаров все еще был в нерешительности.

— Завтра поедет, Саид-ака, согласитесь — один день ничего не меняет.

— Вы же знаете мою жену, Ташпулатджан, — взмолился Эломонов. — Если я не привезу сегодня эту книгу, дома будет страшный скандал.

Хайбаров его понял.

— Ладно, Саид-ака, — сказал он. — Ехать так ехать. А где же вы разыскали книгу?

— Есть такой кишлак. Ободон называется.

— Не Ободон, а Букабулак, — возразил вдруг Эркин. — Потом, это уже не кишлак, а город. Два года, как его зачислили в города.

— Это старое название — Букабулак, — сказал Эломонов.

— Чудесно! — воскликнул Хайбаров. — Значит, книга ваша находится на родине нашего Эркина. Ведь ты оттуда, Эркин, может, вместе и поедет?

— А свадьба? Мы же сегодня приглашены на свадьбу?

— Ничего страшного. Может, и в Ободоне попадем на чью-нибудь свадьбу.

— Не в Ободоне, а в Букабулаке, — поправил его Эркин. — Впрочем, мысль твоя не столь абсурдна. Меня Асадулла приглашает на завтрашний той.

— Асадулла? Он же из Ободона! — оживился Эломонов.

— Асадулла из Букабулака, — Эркин упрямо гнул свое. — Асадулла Халимов. Вы его знаете?

— Да ведь этот Халимов из наших кадров! — гордо сказал Эломонов. — Как видите, всем нам по пути.

Именно Халимов и предлагал переименовать Букабулак в Ободон!

— Это у него от чрезмерной глупости,— сказал Эркин. — Ободонов у нас тысячи, а Букабулак был только один. Какое название вы уничтожили, разве такое найдешь, в другом месте?¹ И все-таки, поедем туда завтра. И книгу я достану вам бесплатно, не может быть, чтобы у нас в Букабулаке были такие жмоты, наверняка вас посредники решили надуть. Ты, Хайбаров, уговори своего земляка, завтра и поедем.

Хайбаров посмотрел на Эломонова.

— Может, вы позвоните своей жене, Саид-ака. Надеюсь, она поймет. Тут у нас друг женится. Обидится, если не придем на свадьбу... А завтра непременно поедем.

— Завтра будет поздно, Ташпулатджан. Ладно, завтра я приеду к вам, еще раз съездим в Букабулак вместе. Но книгу я должен купить сегодня.

— Сперва хоть назовите ее, Саид-ака! Можно подумать, вы собираетесь приобрести чуть ли не первый список Навои! Кто автор этой вашей книги?

— Автор у меня записан,— сказал Эломонов. — Фамилия его, кажется, Термези...

— Какой из них? — оживился вдруг Хайбаров. — Авторов из Термеза сразу и не сосчитаешь... Есть Ходжа Самандар Термези, который является автором книги «Дастур-ул-улум». Ее у меня нет, но можно найти в библиотеке, недавно ее издавали в новом шрифте. Еще два-три Термези есть у меня...

Эломонов торопливо вынул из бумажника клочок бумаги. Надел очки.

— Термези, — прочел он. — «Китобулум»...

Хайбаров молча встал с места, пошел к стеллажам, взял оттуда старую потрепанную книгу и, смахнув с нее пыль рукавом, положил перед Эломоновым:

— Вот ваша книга, Саид-ака. «Китоб-ал-улум». Термези. Полностью его имя и титулы звучат так — Мухаммад бинни Исо ат-Термези.

Эломонов, все еще не веря своим глазам, нерешительно потрогал книгу

— Ташпулатджан... — сказал он дрожащим голосом. — Тут... внутри... тоже Термези?

Хайбаров расхохотался. Не удержался от смеха и

¹ Букабулак — бычий родник.

Эркин. Глядя на них, и сам Эломонов заулыбался.

— Видать, здорово напугала вас жена! — сказал Хайбаров. — Не бойтесь, мы торгуем настоящим товаром!

От радости Эломонов едва не прослезился. Хотел достать кошелек, но вовремя удержался, заметив, как нахмурилось лицо Хайбарова.

— Я в вечном долгу перед вами, Ташпулатджан, — сказал он. — Вы мне сделали добро, я не из тех, кто это забывает...

— Оставьте, Саид-ака, — отмахнулся Хайбаров. — Ерунда все это. Но уговор остается уговором, завтра вы повезете Эркина на той к другу в Букабулак.

— С великим моим удовольствием! — сказал Эломонов. Затем обратился к Эркину: — Вы знаете, отец Ташпулатджана был мудрым человеком, жаль, что я не смог оценить его по-настоящему...

— Я вижу, Хайбаров, мы стали свидетелями большого события, — пошутил Эркин. — Может, стоит его отметить?

Хайбаров улыбнулся и крикнул:

— Замира! Нет ли чего-нибудь более интересного?

Замира словно того и ждала, через минуту занесла в комнату вазу с красными яблоками, бутылку вина.

— Только не увлекайтесь, — сказала она мужу. — Еще на свадьбу надо идти.

— Да мы только символически, — сказал Эркин, взяв бутылку в руки. — Что-то жена твоя становится скупой, Хайбаров. Тебе надо взяться за ее воспитание. В моем доме, во избежание подобных недоразумений, всегда наготове охапка гибких ивовых прутьев!

Замира улыбнулась. Видимо, она уже привыкла к подобным шуточкам друга семьи. Эркин открыл бутылку и разлил вино в фужеры. Из открытой двери слышался плач ребенка.

— Я пойду, — забеспокоилась Замира.

— Замирахон! — неожиданно обратился к ней Эломонов. — Пожалуйста, покажите мне сына.

Замира остановилась на пороге и посмотрела на мужа.

— Покажи, — улыбнулся Хайбаров. — Надеюсь, Саид-ака не сглазит.

— Да нет у меня никакого сглаза! — воскликнул Эломонов. — Покажите его, Замирахон!

Замира вышла из комнаты и через некоторое время

вернулась, держа на руках малыша с удивительно живыми глазами. Эломонов вытащил бумажник и сунул одну двадцатипятирублевку в ручку ребенка.

— Зря вы так делаете, — сказала Замира, почувствовав неловкость.

— Это не мной придумано, Замирахон, — сказал Эломонов. — Подарок, так сказать, за погляденье ребенка.

— Ладно, — сказал Хайбаров. — Ничего страшного. У Саида-ака честные деньги.

— Этак ваш сын капиталистом станет, — возразила Замира. — Вчера и Махсум-бобо десятку ему дал.

— Не бойтесь, из галатепинцев никогда не выйдут капиталисты, — отшутился Хайбаров. — Что ты скажешь, сын?

Ребенок несколько мгновений слушал, как шуршит бумажка в его маленькой ручке, затем потерял к ней интерес и бросил на пол.

— Что я говорил! — засмеялся Хайбаров. — Деньги его не интересуют, весь в деда.

И тут Эломонов пришел в умиление и взял младенца из рук матери. Давно не держал он на руках малышей, у него даже голова закружилась от запаха материнского молока, осторожно прижал он к груди крохотный теплый комочек.

— Да здравствует маленький Хайбаров! — сказал он сквозь слезы нежности. Ребенок перестал капризничать, более того — засмеялся. — Ведь это вылитый галатепинец! — воскликнул Эломонов. — Своего сразу признал! Дай бог ему счастливой жизни, пусть на земле воцарится вечный мир, чтобы рождались и рождались такие вот младенцы.

Замира взяла сына из его рук. Эломонов еще минуту стоял так, задыхаясь от волнения, с протянутыми руками, будто не замечая, что они у него уже опустели... Пришел в себя, когда Эркин слегка дернул его за рукав. Нехотя сел. Сел и увидел перед собой прозрачный фужер, полный янтарного вина. Сам не заметил, как взял его и осушил залпом — холодная влага обожгла ему горло. Все произошло так быстро, что он не успел даже вспомнить про свое разбитое сердце, посмотрел на тамаду, желая принести ему запоздалые извинения, но увидел, что тот опять наливает. Эломонову хотелось отказаться, махнуть руками, но руки уже не слушались его, по всему телу разлилось прият-

ное тепло, и ему подумалось, что он наконец-то обрел долгожданный покой, почти райскую благодать, а что до сердца, так оно выдержит, должно выдержать, если уж оно не выдержит столь радостных минут, то лучше бы его и вовсе не было!..

— За вашего наследника, Ташпулатджан! — сказал Эломонов, поднимая фужер. — Назовите его имя, надо знать, за кого пьем.

— У него очень простое имя — Урунбай, — сказал Хайбаров.

— За Урунбая! — Эломонов выпил. — Теперь вы его должны почаще возить в Галатепе. Мои вот дети не знают Галатепе, и мне обидно... Дети должны знать родину отца.

— А Урунбай родился в Галатепе, Саид-ака. Тогда я был в экспедиции, а Замира жила в кишлаке.

— Вот у меня дочка растет, Ташпулатджан, — разоткровенничался Эломонов. — И я хочу, чтобы внуки мои были галатепицами. Вы можете посмеяться надо мной, но будь вы холостяком, я бы выдал дочь за вас, Ташпулатджан! Вы мне нравитесь.

— Саид-ака, — смущенно улыбнулся Хайбаров, — давайте оставим эти разговоры. Право, мне как-то неудобно.

— Нет, вижу, вы меня не поймете, Ташпулатджан, — сказал Эломонов упавшим голосом. — Я ведь действительно этого хочу, когда вы постареете, вы тоже поймете, что такое родная земля, отчий дом... А у меня нет уже отчего дома, Ташпулатджан, снесли его, дорогу там проложили, я сам разрешил...

— Кишлак-то наш остался, Саид-ака, — тихо возразил ему Хайбаров. — Нетрудно там построить маленький летний домик, думаю, вам разрешат.

— Дачу, что ли? Нет, Ташпулатджан, не хочу я дачу! Не знаю, чего именно я хочу, но боль в душе никак не проходит. Так и быть, Ташпулатджан, хоть смейтесь надо мной, хоть не смейтесь, а судьбу дочери я вручаю вам, подыщите ей жениха из Галатепе!

— Ну задали вы мне задачку, Саид-ака... — развел руками Хайбаров. — Ведь это просто так не решается, да и мало кого я знаю из молодых парней. Может, лучше Мурада об этом попросите?

— И его попрошу, — кивнул Эломонов. — В Галатепе много молодых людей, неужели я не достоин быть тестем одного из них?

— Да и здесь они есть, если подумать, наши студенты — галатепинцы, — сказал Хайбаров. — Умные есть ребята, видные, добрые... Но полюбит ли их ваша дочь?

— Полюбит, — уверенно ответил Эломонов. — Доброго она полюбит.

— И в Букабулаке есть хорошие ребята, — неожиданно вмешался Эркин. — У меня самого трое братьев.

— Нет, из Букабулака не годится, — запротестовал теперь Хайбаров. — Нам нужны свои, галатепинцы!

— Местничеством занимаетесь, товарищи! — покачал головой Эркин.

— Называй как хочешь! Мы же тут не посты какие-нибудь раздаем, не так ли, Саид-ака?

— Ваша правда, Ташпулатджан, — радостно кивнул Эломонов. — Даст бог, подрастет ваш сын, и тогда я сам подыщу ему невесту из Галатепе!

— Ну, вы совсем помешались на своем Галатепе! — воскликнул Эркин. — Давайте о чем-нибудь другом, а?

— Что с нас возьмешь, Эркин, — засмеялся Хайбаров. — Галатепинцы — это, одним словом...

— Опять за свое!

— Ей-богу, я вам подыщу в невестки самую красивую девушку из Галатепе! — повторил Эломонов свое обещание. — Пусть у вас будет еще десять сыновей, Ташпулатджан, я всем им подыщу невест.

— Давайте, Саид-ака, выпьем за вас! — радостно откликнулся Ташпулат.

— Не-ет, только за вас! — горячо возразил Эломонов.

— За вас, Саид-ака, я сказал первый!

— У меня право старшего, Ташпулатджан!

Эркин, следивший за их забавным диалогом, разом разрешил спор:

— Давайте, галатепинцы, выпьем за меня — скромного букабулакца!

И они выпили. Эломонов протянул руку к вазе с красными яблоками, но разрезать их пожалел — уж больно красивы они были! — и закусил ломтиком лепешки. Эркин не стал даже закусывать, он лишь удовлетворенно крякнул и опустевшую бутылку пододвинул к Хайбарову. Тот опять позвал Замиру...

Домой Эломонов вернулся поздно. Несметря на протесты, Кулмухаммад довел его, держа под руки, до

самого лифта, помог зайти в кабину, нажал кнопку нужного этажа и помахал на прощанье. Двери лифта плавно сошлись, и он стал подниматься. Эломонов закрыл глаза, прислонился к стенке и вдруг почувствовал, что лифт замер.

— Что случилось? — раздался голос из микрофончика за его спиной.

— Извините... — пробормотал Эломонов, отпрянув от стенки. — Кажется, я нечаянно задел тут кнопку...

— Болван! — был ответ. — Уж полночь, а ты с лифтом играть вздумал. Меньше надо было пить!

— Да я самую малость...

— Отключить на часок?

— Пожалуйста, не надо...

— Кто такой будешь?

— Я — Эломонов...

— Э, простите, Саидмурад Замонович, — сказал голос, сразу смягчившись. — Я подумал, это кто-то из тех, кто шастает по ночам...

Эломонов нажал кнопку пятого этажа. Лифт с гулом устремился вверх.

Квартиру свою он открыть не смог — дверь оказалась закрытой на цепочку. Позвонил и долго стоял в ожидании. Наконец в щели заблестели очки Бинафшаханум.

— Простите, помешал вам работать...

Бинафшаханум сняла цепочку и молча отошла. Эломонов вошел и закрыл дверь на ключ. Снимая туфли, он нечаяно ударился головой о стену.

— Вы что, пьяны, Эломонов? — спросила Бинафшаханум, стоя на пороге кабинета.

Эломонов промолчал. Повесил пальто на вешалку, затем вытащил из кармана подаренную Хайбаровым книгу и протянул жене. Бинафшаханум взяла книгу, полистала...

— И это все? — сказала она разочарованно. — Такая тонюсенькая?

— Все, что есть. Я деньги предлагал, но Ташпулат их не взял.

— Смотри, какой капризный! — воскликнула Бинафшаханум. — Жалкий посредник, а еще нос воротит! Может, ему мало показалось? Сколько вы ему предлагали, десятку?

— Вы сперва хоть выслушайте, ханум, прежде чем осудить человека! — рассердился Эломонов. — Книга

эта принадлежит ему самому, но он не взял ни копейки, так отдал!

Бинафша-ханум была слегка сконфужена, но все же не сдалась:

— Так бы сразу и сказали!

— Но вы же не даете мне сказать!..

Эломонов в сердцах махнул рукой и прошел в спальню. Лег и вытянулся на кровати. Из комнаты до него донесся голос Бинафши-ханум:

— Есть вчерашний плов, согреть вам?

— Я сыт, если нетрудно, поставьте чай.

Минут через пять Бинафша-ханум вошла в комнату и присела на краешек постели.

— Выпили! — сказала она с упреком. — Умрете же, Эломонов!

Эломонов вздрогнул.

— Я бы с удовольствием, — сказал он. — Я бы умер, да боюсь, вы не станете меня оплакивать как следует.

— Напился, и еще какие-то претензии предъявляет! — проворчала Бинафша-ханум и отвернулась.

Эломонов взял ее за руку и повернул лицом к себе.

— Что мне делать? Скажите, ханум, что мне делать, чтобы вам угодить, черт возьми!

— Хоть бы постыдились!

— Кого стыдиться? Вас?

— Не меня, так людей! Да вас никто в грош не ставит, над вами издевается даже этот Пулатов. А ваш Кулмухаммад прямо как бог, на шофера не похож, вертит вами, как только хочет! Другой давно бы отказался от такого наглеца.

Эломонов резко сел на кровати.

— Довольно, ханум. С завтрашнего дня Кулмухаммад не будет приезжать. И вообще никто больше не будет сюда приезжать!

— И не надо вскакивать! Я вам не желаю зла.

— Оставьте меня в покое.

— Ого! — засмеялась Бинафша-ханум. — Знайте, Эломонов, я никогда не висела у вас на шее, в любую минуту можем развестись!

— Я согласен, дети теперь взрослые...

— Я догадывалась, что вы только этого и ждете! — закричала Бинафша-ханум. — Думали, дети подрастут и алименты можно будет не платить!

— Не бойтесь, ханум. Я вам буду выплачивать

алименты, пока детям не исполнится по сорок лет.

— Какой ужас! — взвилась Бинафша-ханум пуще прежнего. — Дура я, жизнь свою пустила на ветер! Из-за кого, спрашивается? Из-за вас, неверный вы человек!

— Не надо, — сказал Эломонов. — Пожалуйста, не превращайте дом в театр.

Бинафша-ханум зыркнула на него со злостью, но все же посерьезнела.

— Вам не удастся от меня легко отделаться, Эломонов! — заявила она. — Я знаю, куда обращаться, на вас быстро найдут управу!

— Не выйдет, — засмеялся вдруг Эломонов, почувствовав собственное превосходство. — Теперь у меня нечего отбирать, ханум. Подал заявление и уволился.

— Вот и прекрасно! Значит, есть правда на земле!

— И я считаю, что получилось прекрасно. Теперь я — агроном. Если даже дадут какой-нибудь пост, так только по этой части.

— Вот вам теперь дадут пост! — Бинафша-ханум показала ему кукиш.

— Поближе, ханум, — хрипло сказал Эломонов. — Что вы стесняетесь, могли бы сразу под нос, чего церемониться!

— Ссаид-а-ака... — голос Бинафши-ханум задрожал. — Я... нечаянно... Обидно ведь...:

Она не договорила — упала на пол от сильной пощечины. Придя в себя, увидела над собой разъяренное лицо мужа и тут же вся сжалась, ожидая пинка. Эломонову стало жаль ее. Бинафша-ханум, кажется, убедилась, что дело дальше одной пощечины не пойдет, перестала хныкать и закричала во весь голос:

— Бейте! Еще бейте! Чего меня жалеть, бейте! Злодей! На женщину руку поднял! Ведь и тебя женщина родила! Несчастный феодал, узурпатор!

— Вставай, попугай, хватит валяться, — Эломонов впервые в жизни назвал жену на «ты». — Да будет проклят день, когда судьба свела меня с тобой!

Он перешагнул через распластанное тело жены и сел на стул. Боязливо потрогал грудь — нет, вроде бы ничего, боли нет...

— Бессердечный!.. — опять запричитала Бинафша-ханум. — Вы меня не любили, никогда не любили!

Эломонов не ответил. Опять прислушался к сердцу

— оно по-прежнему билось сильно, учащенно, но... не болело.

— Как я несчастна! Вы всю жизнь обманывали меня! Прожила жизнь, так и не познав настоящей любви! Вы меня никогда не любили! Никогда!

Эломонову показалось, что голос жены доносится откуда-то из далекой дали. И сама Бинафша-ханум виделась вроде как уменьшенной во сто крат, будто была она куклой и будто вся эта комната представляла собой некий игрушечный ящик, в котором некто невидимый задумал странную игру...

— Любовь вам чужда! — продекламировала Бинафша-ханум. — Будем разводиться! Надо было это сделать раньше, пока была молодой, пока не растратила на вас все силы, красоту!

— Еще не поздно, — сказал Эломонов. — Ведь вы моложе меня на целых десять лет.

— Жалкий чинуша! — голос Бинафши-ханум обрел прежнюю твердость. — Раньше вы думали о своей карьере, потому и молчали! Теперь вам легче, теперь вы способны отказаться от собственных детей! Вы просто-напросто предатель! Вы никогда не были мне верны!

— Полно, ханум, я всегда был верен только вам, — ответил Эломонов. — Теперь мне обидно, что это было так.

— Ого! — рассмеялась Бинафша-ханум. — Кто же та женщина, обделенная вашей любовью, позвольте узнать? Может, я еще попрошу у нее прощения? Вы бы хоть сейчас не ввали, Эломонов! Если найдется на всем белом свете хоть одна женщина, которая полюбит вас, я назову себя другим именем!

— А вы давно уже назвали себя другим именем, Бинафша-ханум, — съязвил Эломонов. — Кажется, вас раньше звали Санобар?

Бинафша-ханум пропустила эту колкость мимо ушей.

— Ну а женщина... находилась в свое время. Сама Касымахон была ко мне равнодушна!

Жена его аж зашлась от ехидного хохота.

— Посмотрите на него, на такого... Касымахон...

Самоуверенность жены бесила Эломонова. А что, подумалось ему, если взять да поколотить ее по-настоящему. Искушение было столь велико, что он поторопился выйти из спальни. В ванной ополоснул лицо холодной водой, хотел вытереться, но, увидев новые поло-

тенца с изображением лебедей, усмехнулся — вспомнились слова Кулмухаммада. Эломонов достал из кармана чистый платок и вытер им лицо. Сквозь шум льющейся из крана воды послышался ему истерический смех Бинафши-ханум:

— Мне-то что! Меня никто не станет винить! И дети будут на моей стороне! А вы уходите! Ступайте, навертывайте упущенное. Вот будет потеха на весь Оазис!..

Эломонов не спеша завинтил кран, прошел в кабинет. Плотно закрыв дверь, он включил свою старую лампу с бумажным колпаком и лег на низенькую кушетку рядом с письменным столом. Некрасиво получилось, подумал он, зря я приплел сюда еще и Касыму, всего-то и было, что виделись с ней один-единственный раз, лет двадцать назад, а то и больше, и кто тянул меня за язык? Нет ничего пакостней, чем развод под старость. А с другой стороны, может, это лучше, чем жить вот так, как мы, — вместе, да порознь. И потом... она права по-своему, люди наверняка скажут, что я трус — пока занимал посты, боялся разводиться. Вот бы сейчас иметь самый что ни на есть большой пост да отказаться от него вместе с женой в придачу! Ведь эта женщина ничуть не уважает меня, она так убеждена в моей ничтожности, что даже не допускает мысли, что я могу ей изменить!

Эломонов вынул из кармана лекарство и бросил таблетку под язык. Его мысли опять вернулись к Касыме. А что, если бы я женился на ней? Тогда при желании я мог это сделать, тем более, что она недвусмысленно предлагала себя, ну взял бы ее такую, отрубил бы потом кое-какие концы и узаконил бы положение штампом о новом браке, этот поступок облагородил бы нас, обоих... И получился бы эдакий романтический Эломонов, который не побоялся (при его-то чине!) порвать с предрассудком, именуемым нелюбимой женой, обрел свободу и любовь, воспарил, как молодой орел, в безоблачные выси счастья!

Что до мужа Касымы, то о нем он даже не думал. Если о ком и думал, так о детях. Еще не стерлось из памяти, как быстро он позабыл тогда о собственной жене, будто та растворилась в образе Касымы, ведь они в чем-то были даже схожи... Осмелься тогда Эломонов на какой-либо серьезный шаг, наверняка победила бы Касыма, она была моложе, красивее... Эломонов сейчас очень верил, что получилось бы именно так, и вера эта,

подкрепленная обидой на жену, усиливалась с каждой минутой...

И вдруг он вспомнил, как Джабраилов, лучший искусствовед Оазиса, развелся с женой и женился на молоденькой художнице. Тогда его бывшая жена приходила жаловаться к Эломонову. И он пожалел несчастную женщину, пригласил к себе Джабраилова, был с ним весьма строг. Кто вам позволил издеваться над женой, жестко спросил искусствоведа, как вы посмели выгонять достойную женщину и жениться на молоденькой? Джабраилов, обычно такой кроткий, не выдержал, взорвался: а вам кто позволил лезть мне в душу, товарищ Эломонов, тем более, что я не имею партбилета? Если вам так жаль эту женщину, пожалуйста, отдаю ее вам, попробуйте пожить с ней хотя бы недельку! Эломонов удивился, неужто она такая плохая, чтобы не прожить с ней и одну недельку? Джабраилов горько усмехнулся: почему же, ведь я прожил с ней целых двадцать лет! Эломонов чуть смягчился: хорошо, вы с ней развелись, не смогли поладить, но как объясните то обстоятельство, что вы, будучи в возрасте, женились на невинной девушке? Джабраилов ответил: вы чуть преувеличиваете, товарищ Эломонов, не такая уж она девушка, успела побывать замужем, будьте же великодушны, позвольте мне с ней пожить, вдруг повезет, и я буду хоть немного счастлив, может, она и есть та самая женщина, которая предназначена мне судьбой!

Эломонов тяжело вздохнул. Все же плохо тогда обошлись с Джабраиловым, вlepили бедному выговор, но, слава богу, с ним ничего не случилось, все стерпел со стойкостью старого мерина (именно так и окрестила его тогда одна начальствующая особа) и живет себе спокойно со второй женой и тремя сыновьями. Теперь он ничуть не похож на того загнанного человека, художника, как жердь, обросшего, неряшливого, который был доставлен к Эломонову на прием, он раздобыл, живые глаза смотрят прямо и смело... Выходит, он нашел женщину, предназначенную ему судьбой?!

Открылась дверь кабинета. Эломонов услышал нежный аромат духов. Повернувшись, увидел жену в ночной рубашке с кружевами, с распущенными по плечам волосами. Она подошла и присела на краешек кушетки.

— Оставьте меня, — сказал Эломонов. — Завтра поговорим.

Но Бинафша-ханум и не собиралась уходить.

— У меня есть одно предложение, Саид-ака, — мягко сказала она. — Вижу, теперь нам не миновать развода. Хорошо, давайте разводиться, но не слишком афишируя все это, сами понимаете, разные есть люди...

Эломонов не ответил. Он понял, что это только, так сказать, затравка, главное же, видимо, последует за ним...

— Пусть эта комната остается за вами, — продолжала ворковать Бинафша-ханум. — Будете жить здесь. Думаю, и стол у нас будет общий. Разумеется, до того момента, пока Хурсаной замуж не выдадим. Я предлагаю пока не спешить с подачей заявления. Что вы на это скажете?

Эломонов опять не ответил.

— Если уйдете из дома, вам же самому хуже будет, — настаивала Бинафша-ханум. — Да сейчас вам и идти-то некуда. Нужен минимум год, чтобы привести в порядок домик, который вы унаследовали от тети.

— Его уже нет, — ответил Эломонов, — на его месте дорогу проложили... Вы просто долго не были в Галатепе, потому и не знаете...

— Вот видите, у вас просто нет другого выхода. И потом... я думаю, не к лицу вам возвращаться в Галатепе... Получается, что вы все потеряли — и работу, и семью, и дом. Понимаете, не с чем вам туда возвращаться! Подумайте, Эломонов... Почему вы молчите? Говорите же! Я... я не могу разводиться просто так, без веской причины! У меня свой авторитет, что обо мне подумают в народе?

Народ о тебе и не подумает, сказал про себя Эломонов, у народа есть заботы и поважнее тебя. Видишь ли, у нее авторитет, пускай авторитет и будет твоим мужем, а с меня довольно!

Бинафша-ханум с новым энтузиазмом принялась уговаривать, убеждать. Эломонов даже не шелохнулся, продолжал лежать молча, прислушиваясь к собственному сердцу. Лишь бы оно не сдало... Потерпи, молли он, не бейся так сильно, не стоит, потерпи, придут еще хорошие дни, может, и пригодишься!

— Неверный! Ведь я вас так сильно любила!

Эломонов, позабыв о сердце, удивленно посмотрел на жену. Та не выдержала, отвела глаза. Эломонов заметил, что губы ее ярко накрашены...

Он почувствовал, как сильно устал. Ушла бы поско-

рее, подумал он вяло, а мне бы... заснуть...: чтобы не проснуться... не видеть!

— Где моя любовь, где моя молодость! — продолжала вопрошать невидимую публику Бинафша-ханум. — Найдите мою любовь! Скажите, пусть ее мне найдут!

Эломонов не выдержал:

— Да можете вы хоть сейчас говорить человеческим языком!

— Все равно не поймете!

Бинафша-ханум заплакала. Эломонов не поверил в ее искренность, не поверил даже тогда, когда две горячие слезинки упали ему на лицо.

— Вы уже конченный человек, Саид-ака! Теперь вы ни о ком не думаете, ни обо мне, ни о своих детях! Разве я виновата в том, что вас сняли с работы! Налюбопытство клопам постель не сжигают!

— Ошибаетесь, не конченный я человек, — ответил Эломонов. — Моя жизнь только начинается!

— Все равно конченный! — зарыдала Бинафша-ханум. — Подумайте хотя бы о детях, Саид-ака! Давайте не разводиться. Хорошо, во всем виновата я, только я, это я не смогла вас оценить... Поймите, Саид-ака, не могу я теперь разводиться... у меня имя... обо мне пишут... Пожалуйста, умоляю вас, не коверкайте биографию!

Эломонов приподнялся, с интересом посмотрел на жену. Посмотрел и будто понял ту простую истину, которой страшился всю жизнь... Ошибся он, ошибся...

— Убирайся, Санобар! — прохрипел он. — Нет, ты давно уже на Санобар, та, кажется, была лучше! Убирайся, Бинафша, убирайся к чертовой матери, чтобы глаза мои тебя не видели!

Утром он проснулся от боли в сердце. Посмотрел на часы. Было ровно десять. Из кухни доносился звон посуды. Эломонов удивился: может, дочь вернулась с хлопком? Подумал это и обрадовался. Но тут же услышал звонкий голос Бинафши-ханум:

— Вставайте, папочка! Хватит нежиться!

Эломонов не ответил. Увидев зажженную лампу на столе, он вспомнил давнишнюю картину: тогда, студентом еще, он снимал крохотную комнатку у старушки

Адолат, была зима, а на столике горела эта самая лампа, было сыро и холодно, но ему казалось, что из-под ее бумажного колпака светило настящее солнце...

В дверях показалась Бинафша-ханум с новым полотенцем через плечо.

— Вставайте, — сказала она. — Идите умойтесь. Ну и дел вы натворили вчера, в полночь пришли пьяным и начали буянить, да так буянить! Если рассказать — сами не поверите!

Бинафша-ханум звонко рассмеялась.

— Я помню, — сказал Эломонов сквозь зубы. — Я все прекрасно помню.

Жена чуть смутилась, потупила взор и проговорила:

— Ну... с кем такого не бывает, папочка... Вы же у себя дома... А за книгу большое спасибо!

Она подошла поближе и бросила полотенце на спинку стула.

Эломонов только теперь заметил, какая она нарядная... в новом приталенном атласном платье, стройная, напудренно-напомаженная, у каждого уха по завитку—вылитая Касыма-ханум!

Эломонов чуть не застонал от обиды.

— Подойдите поближе, — сказал он жене. Видя, что та стоит в нерешительности, повысил голос: — Подойдите же!

Бинафша-ханум опасливо приблизилась.

— Нагните голову!

Бинафша-ханум послушно наклонилась. Эломонов протянул руку и растрепал ей прическу. Бинафша-ханум жалко улыбнулась, потерлась щекой о ладонь мужа...

Эломонов не решился убрать руку, лишь отвернулся — боль в сердце не отпускала.

Бинафша-ханум начала всхлипывать. Возможно, она ударилась бы в рев, но в это время в прихожей зазвонел телефон.

Бинафша-ханум вышла из кабинета и принесла аппарат, распутывая длинный шнур.

— Товарищ Мухаммад-Шокиров, — тихо сказала она.

Эломонов взял трубку из ее рук, приложил к уху.

— Здравствуйте, Саидмурад Замонович! — слы-

шался бодрый голос Мухаммад-Шокирова. — Нехорошо, Саидмурад Замонович, вы про нас совсем забыли! Как ваше самочувствие, как дома?

— Я вас слушаю, товарищ Мухаммад-Шокиров, — сухо откликнулся Эломонов. — Чем могу служить?

— Извините за беспокойство, Саидмурад Замонович, но товарищ Бакиров послал за вами машинну. Пожалуйста, приезжайте...

Эломонов молча положил трубку. Посмотрел на жену.

Бинафша-ханум, словно ничего не замечая, тщательно начищала висевший на спинке стула парадный его костюм...